

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВА-
ТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ПРОБЛЕМЫ ФИЛОЛОГИИ ГЛАЗАМИ МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

*Сборник материалов конференции студентов,
аспирантов и молодых ученых
(г. Пермь, 14-15 мая 2021 г.)*

Пермь 2021

УДК 80
ББК 1.1/2+83
П781

Проблемы филологии глазами молодых исследователей
П781 [Электронный ресурс] : сборник материалов конференции студентов, аспирантов и молодых ученых (г. Пермь, 14-15 мая 2021 г.) / Пермский государственный национальный исследовательский университет. – Электронные данные. – Пермь, 2021. – 2,02 Мб ; 129 с. – Режим доступа: http://www.psu.ru/files/docs/science/books/sborniki/problemy_filology_2021.pdf. – Заглавие с экрана.

ISBN 978-5-7944-3749-2

В сборнике публикуются материалы докладов участников конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, проведенной на базе филологического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета.

Издание предназначено для широкого круга читателей.

УДК 80
ББК 81.1/2+83

Ответственный за выпуск *Д. А. Сухоева*

Рецензенты: зав. кафедрой общего языкознания, русского и коми-пермяцкого языков и методики преподавания языков Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета, канд. филол. наук, доцент ***И. И. Бакланова***;

доцент кафедры теории, истории литературы и методики преподавания литературы Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета канд. филол. наук, доцент, ***М. В. Воловинская***

*Издается по решению ученого совета филологического факультета
Пермского государственного национального исследовательского университета*

ISBN 978-5-7944-3749-2

© ПГНИУ, 2021

СОВРЕМЕННОЕ КОММУНИКАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО

УДК 808.55

Анастасия Дмитриевна Мокан
студент филологического факультета
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
mokan.ania@gmail.com

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ КОМИЧЕСКОГО АРТИСТА

Посредством дискурсивного анализа исследуются коммуникативные стратегии и тактики, реализованные в речи стендап-комика Ивана Усовича. На основе анализа монолога «Еще один день» выявлены и описаны речевые показатели используемых артистом стратегий и тактик. Особое внимание уделено репрезентации стратегий дискредитации и самопрезентации, маркеры которых проанализированы в семантическом, лексико-грамматическом, синтаксическом и прагматическом аспектах.

Ключевые слова: комический дискурс; стендап-комедия; речевое поведение комического артиста; коммуникативные стратегии; коммуникативные тактики.

Выстраивая социальные отношения, общество и каждый отдельный индивид устанавливают определенные прямые и непрямые, явные и неявные правила и стереотипы поведения, ритуалы, обязательные или желательные для соблюдения. «Такая организация общественной жизни предполагает стратегическую природу общения людей друг с другом» [Салихов 2014]. Однако изучение категории «коммуникативная стратегия» с позиций как дискурс-анализа, так и ряда смежных областей до сих пор не привело к непротиворечивому лингвистическому обоснованию данных понятий. В современных научных работах можно обнаружить лишь разрозненные описания отдельных стратегий и тактик. На наш взгляд, наиболее полное описание репертуара стратегий и тактик русской речи, предпринято в монографии О.С. Иссерс [Иссерс 2008], на которую мы опираемся в данном исследовании.

По определению О.С. Иссерс, «речевая стратегия представляет собой комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели» [Иссерс 2008: 54]. Под речевой тактикой исследователь понимает одно или несколько действий, которые способствуют реализации стратегии. См.: «Именно тактики производят впечатление действительно доступных изучению единиц – по-видимому, они и являются практическим инструментом говорящего» [Иссерс 2008: 111]. Стратегический замысел говорящего определяет выбор средств и приемов его реализации, т.е. речевую тактику, которая, в свою очередь, носит динамический характер, обеспечивая гибкость стратегии и оперативное реагирование на ситуацию. В качестве инструментов реализации той или иной коммуникативной тактики выступают приемы более низкого порядка

– коммуникативные ходы. Речевая стратегия может быть представлена как иерархически упорядоченный набор определенных речевых тактик. Соответственно, коммуникативные стратегии и тактики связаны родовидовыми отношениями.

Обобщая данные, содержащиеся в научной литературе, представим типичные языковые индикаторы речевых тактик [Иссерс 2008: 125]. В этой функции могут использоваться семантические, лексические, лексико-грамматические, синтаксические и прагматические средства, которые в контексте высказывания становятся явными или скрытыми маркерами коммуникативного намерения говорящего.

Функцию **семантических** индикаторов обычно выполняют:

1) семантические «бирки» – речевые реплики-клише, в которых обобщенно представлено значение коммуникативного хода (присвоение «бирки» служит обоснованием номинации тактики) [Верещагин, Ротмайр, Ройтер 1992];

2) особенности референции – обозначение участников коммуникации, объектов, событий, действий, отношений между участниками и др.;

3) знания о мире, под которыми понимаются так называемые «фреймы», «сценарии», «гештальты» – определенные типы фоновых знаний, которые оказывают влияние на эффективность коммуникации;

4) имплицитные (скрытые) компоненты высказывания – например, по О.С. Иссерс, коммуникативные пресуппозиции участников общения, которые соотносятся со знаниями о коммуникативной цели высказывания. Несоответствие пресуппозиций адресанта и адресата может привести к неэффективности используемых речевых тактик.

В качестве **лексических** индикаторов речевой тактики выступают: мета-описание коммуникативного намерения говорящего, стилистические параметры слов, лексические показатели «разговорного максимализма» (экспрессивность, чрезмерность и т.п.), повторы, частицы и др.

Лексико-грамматические и **синтаксические** показатели проявляются в виде «фразеологических схем», выборе конструкций аффективного и эмоционального синтаксиса при наличии более нейтральных синтаксических синонимов, транспозиции синтаксических структур и др.

Прагматические показатели актуализируются в диалоге, где есть возможность отследить эффекты, на которые рассчитывал говорящий. Такими показателями являются прежде всего ответные реплики партнера по общению, коммуникативные ходы как сигналы невыраженных пропозиций, их последовательность, а также весь комплекс коммуникативных ходов адресанта.

Коммуникативные тактики, помимо вышеперечисленных маркеров, могут быть выявлены и посредством анализа тактик-антиподов, использованных участниками коммуникации. Например, при уклонении от неформального общения чаще всего используется не тактика «отстранения», а уменьшение количества сигналов тактики «сближения».

Важно подчеркнуть, что для определения той или иной речевой тактики наличия маркеров только одного уровня недостаточно, поскольку данные показатели функционируют в совокупности.

С учетом вышесказанного обратимся к анализу речевого поведения стендап-комика Ивана Усовича по материалам его монолога «Еще один день» (2020). Новизна исследования заключается в том, что, несмотря на наличие большого количества научных работ по проблемам речевой коммуникации, интерес исследователей к речевым стратегиям и тактикам сосредоточен в основном на политическом дискурсе, тогда как комический дискурс в данном аспекте исследован недостаточно.

Методы исследования включают дискурсивный анализ определенной речевой практики – публичных выступлений комических артистов (стендаперов); лингвопрагматический анализ, позволяющий выявить средства воздействия стендаперов на аудиторию, а также лингвостилистический анализ, необходимый для определения языковой специфики речевых тактик.

Прежде всего обобщенно представим коммуникативную ситуацию, в которой происходит общение стендап-комика со зрителями.

Как отмечено выше, для успешной коммуникации необходимо наличие общих пресуппозиций у коммуникантов и совпадение их представлений о дальнейшем общении. Коммуникативные ожидания у стендап-комика и зрителя одинаковы: первый имеет целью рассмешить, второй – рассмеяться. Чтобы проверить, совпадают ли эти пресуппозиции, стендаперы часто начинают монолог с вопросов аудитории или просьбы к зрителям проявить какую-либо активность. Подобные коммуникативные ходы помогают артистам понять, насколько близка зрителям предлагаемая тема, и прогнозировать успешность выступления.

Позиции участников коммуникации в рамках стендап-комедии всегда несимметричны, так как зритель выступает в роли пассивного слушателя, следовательно, находится в более слабой по отношению к артисту позиции. Чаще всего стендапер и зрители настроены на кооперативный тип общения. Перлокутивным эффектом, который свидетельствует о достижении цели выбранной тактики, является реакция аудитории – смех и аплодисменты.

Учитывая данные факторы, стендап-комик выбирает из имеющегося у него репертуара те или иные коммуникативные стратегии и тактики.

Так, в монологе Ивана Усовича «Еще один день» (2020 г.) реализуется **тактика оскорбления и издевки**, присущая общей стратегии **дискредитации**: *Похлопайте, кто снимает квартиру, вы снимаете? Ужас! Согласитесь, как будто ни за что платим, нет такого ощущения? Мне это так не нравится. Вот недавно мы все разъехались, я начал снимать один, и проблема в том, что десятого числа каждого месяца наступает день, когда я должен зайти в Сбербанк Онлайн и скинуть сто тысяч какой-то п... Бесплатно <...> Просто проходит два дня, она говорит: «Иван, скиньте показания счетчиков». Я фоткаю, отправляю, она говорит: «Иван, с вас еще в этом*

месяце три тысячи за коммуналку». Я всегда думаю: так в этих же ста тысячах, там было внутри три тыщи. Просто возьми оттуда три тысячи, у тебя останется 97 тыщ. Купи себе что-нибудь. Да, пришло время раскулачивать этих п... уже давно, я считаю.

За рамками сценического образа оскорбляющий человек нацелен на унижение и осмеяние коммуникативного партнера. Однако в комическом дискурсе дискредитирующая стратегия претерпевает изменения, поскольку она направлена на достижение определенной реакции аудитории. Особенностью приведенного монолога можно считать то, что оскорбляемое лицо (хозяйка съемной квартиры) включено в коммуникативную ситуацию опосредованно, присутствует в ней «заочно», так как прямым адресатом речи артиста является зрительская аудитория, а не хозяйка квартиры. Как видим, в данном случае стендапер преследует сразу две коммуникативные цели: во-первых, вызвать смеховую реакцию у зрителя, во-вторых, – задеть (пусть и «за глаза») чувства дискредитируемого лица. В рамках комического дискурса приоритетной является первая цель, и от того, будет ли она достигнута, зависит успешность коммуникативного акта, в то время как достижение второй цели в данной ситуации носит факультативный характер.

Рассмотрим языковые маркеры тактики оскорбления, использованные в приведенном фрагменте. В семантическом плане тактика оскорбления поддерживается социальным стереотипом о плохих отношениях между арендатором квартиры и арендодателем. И. Усович апеллирует к этой пресуппозиции адресата, т.е. фоновым знаниям зрителей, для того чтобы актуализировать в их сознании отрицательный образ хозяйки квартиры. Помимо этого, комик актуализирует оппозицию «свой – чужой» посредством риторического вопроса, обращенного к зрителям, в котором для солидаризации со «своими» в негативной оценке арендодателя используется глагол в форме 1-го л. мн. ч.: *Согласитесь, как будто ни за что платим, нет такого ощущения?*

Лексические маркеры тактики оскорбления и издевки формируют смысловую доминанту двух коммуникативных ходов, использованных стендапером в этом фрагменте.

1. Коммуникативный ход **прямого оскорбления лица** репрезентируется посредством обценной лексики, выражающей нарочито грубое, подчеркнуто пренебрежительное отношение к человеку. В речи И. Усовича оскорбление усиливается за счет использования указательного местоимения *эти* и неопределенно-личного местоимения *какая-то*, получающих в данном контексте дополнительное коннотативное значение пренебрежения.

2. Коммуникативный ход **оскорбления путем сравнения** реализуется посредством использования исторической аллюзии. Лексема *раскулачивать*, употребленная И. Усовичем, в данном тексте имеет значение «конфисковывать чье-либо имущество». Выбирая слово с разговорной окраской, комик акцентирует внимание адресата на произволе, наглости и жадности арендодателя, тем самым снижая его образ в восприятии зрителя, так как накопление богатства в

сознании россиян чаще всего нелегитимно, связано с криминальным миром или простым везением [Елецкая 2009: 95].

Грамматический анализ языковых средств выражения тактики оскорбления и издевки позволяет увидеть, что И. Усович использует транспозицию синтаксической структуры. В контексте монолога лексико-грамматическая конструкция *купи себе что-нибудь* отнюдь не выражает побуждения к какой-либо покупке. Это своего рода эвфемистическая замена грубо-просторечного выражения «Подавись!». В целом, фраза приобретает резко негативную модальность, направленную на оскорбление хозяйки квартиры.

В прагматическом аспекте маркером тактики оскорбления и издевки служит нарушение правил речевого общения. В речи стендапера явно нарушается постулат вежливости Дж. Лича [Leech 1983]. Об этом свидетельствует замена «ВЫ-общения», являющегося нормой в деловой сфере арендных отношений, на «ТЫ-общение». Обратим внимание на то, что в приведенных в монологе репликах хозяйки съемной квартиры используются словоформы 2-го л. мн. ч., что свидетельствует об официальном, а не дружеском характере отношений между субъектами арендных отношений.

На основании данного анализа можно сделать вывод, что наиболее характерными для выражения тактики оскорбления и издевки в приведенном фрагменте являются маркеры лексического уровня. Используемую артистом тактику можно считать успешной, так как монолог И. Усовича вызвал смех зрителей, а значит, приоритетная коммуникативная цель говорящего оказалась достигнутой.

Стратегия самопрезентации в монологе И. Усовича конкретизируется в **тактике оппозиционирования**, основным конструирующим приемом в которой является выражение семантики «своего круга». Говорящий осуществляет самопрезентацию, очерчивая «свой круг», и каждый раз (в соответствии с коммуникативной задачей или ситуацией) разграничивает «своих» («наших») и «чужих». С помощью данной тактики комик формирует имидж «своего парня», высказывания которого вызывают отклик у аудитории.

Для иллюстрации данной тактики приведем фрагмент монолога: *Похлопайте, кто выучил английский, кстати, похлопайте. Достаточно много людей вас. Cool, скажем так. Ну, это заготовка. Все равно здесь в большинстве моя аудитория тоже е... этот английский. П... д... мы с вами.*

На семантическом уровне показателем тактики оппозиционирования в приведенном отрывке служит апелляция стендапера к фоновому знанию зрителей о том, что большинство людей, понимая необходимость владения английским языком, тем не менее не изучают его: *Все равно здесь в большинстве моя аудитория тоже е... этот английский.* Выстраивая оппозицию «свой – чужой», комик обращается именно к этой пресуппозиции, отождествляет себя с теми, кто не владеет английским языком (*П... д... мы с вами*). Активные аплодисменты и смех аудитории подтверждают общность данной пресуппозиции у комика и его зрителей.

«Играя на повышение», стендапер использует коммуникативный ход **похвалы адресата**. Об этом свидетельствует использование английского жаргонизма *cool* («круто»). Данный прием поддерживает комический эффект, а также усиливает семантику «своего круга», так как комик демонстрирует стремление говорить со своими зрителями буквально на одном языке. На солидаризацию с адресатом также направлены коммуникативные ходы **прямого называния «своих»** (*в большинстве моя аудитория*) и **маркирования при помощи ярлыка** (ярлыком в данном случае является нецензурное слово, обозначающее медленно соображающего, глупого или неадекватного человека).

На лексико-грамматическом уровне оппозиция «свой – чужой» поддерживается личным местоимением *мы* и притяжательным местоимением *моя*, которые противопоставлены местоимению *вы* (*достаточно много людей вас*).

Логическая последовательность использованных артистом коммуникативных ходов обусловлена прагматикой речевого воздействия на аудиторию. Так, коммуникативный ход похвалы обеспечивает формирование позитивного имиджа стендапера в рамках самопрезентации; ход прямого называния «своих» дистанцирует стендапера от аудитории, которую он хвалит, и сближает со «второй группой» зрителей; наконец, положительная самопрезентация трансформируется стендапером в отрицательную посредством маркирования «своих» с помощью ярлыка (нецензурного слова). Примечательно, что отрицательная самопрезентация И. Усовича распространяется и на «свой круг».

Обобщая, подчеркнем, что доминирующей в рассмотренном монологе И. Усовича является стратегия дискредитации, которая получает реализацию в коммуникативной тактике оскорбления и издевки. В рамках сценического образа стендапера эта стратегия оказывается эффективным приемом создания комического эффекта, соответствующего жанру стендап-комедии.

Список источников

Усович И. «Еще один день» 2020 ENG SUB [видеозапись]. YouTube, 24.12.2020. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=yh6NYuc9gC0&t=884s> (дата обращения: 01.07.2021).

Список литературы

Верещагин Е. М., Ротмайр Р., Ройтер Т. Речевые тактики «призыва к откровенности». Еще одна попытка проникнуть в идиоматику речевого поведения и русско-немецкий контрастивный подход // Вопросы языкознания, 1992. № 6. С.82–94.

Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: ЛКИ, 2008. 288 с.

Салихов А. Ю. Понятие коммуникативной стратегии // Вестник науки и образования, 2014. № 1 (1). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-kommunikativnoy-strategii> (дата обращения: 01.07.2021).

Елецкая М. А. Отношение современных россиян к богатству и бедности // Социологический журнал, 2009. № 2. С.82–96.

Leech G. N. Principles of Pragmatics. London, NY: Longman, 1983. 250 p.

A.D. Mokan

Student of Philological Faculty

Perm State University

COMMUNICATIVE TACTICS AND STRATEGIES OF STAND-UP COMEDIANS

Through discursive analysis, the communicative strategies and tactics implemented in the speech of stand-up comedian Ivan Usovich are studied. Based on the analysis of the monologue "Another day", the speech indicators of the strategies and tactics used by the artist are identified and described. Special attention is paid to the representation of discrediting and self-presentation strategies, the markers of which are analyzed in semantic, lexico-grammatical, syntactic and pragmatic aspects.

Key words: comic discourse; stand-up comedy; speech behavior of a comic artist; communicative strategies; communicative tactics.

УДК 81-2; 81'42; 81'27

Елена Виталиевна Скибенко
магистрант ИФЖиМКК
Южный федеральный университет
skibenko.el@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЯЗЫКА (НА ПРИМЕРЕ РЕЧИ ДЖОЗЕФА БАЙДЕНА ПОСЛЕ ПОБЕДЫ НА ВЫБОРАХ В 2020 ГОДУ)

В данной статье рассматривается политический дискурс. В работе исследованы виды, цели, функции, характеристики, особенности, стратегии и тактики политического языка. Согласно изученным характеристикам проанализирован пример политической коммуникации – речь Джозефа Байдена после победы на выборах в ноябре 2020 года.

Ключевые слова: дискурс; политический дискурс; политический язык; политическая коммуникация; Джозеф Байден.

Сегодня политика занимает неотъемлемое место в жизни каждого человека, поскольку политические процессы влияют на все сферы жизни. Положительной стороной этого влияния является то, что общество больше интересуется политическими коммуникациями.

В настоящей статье мы рассмотрим суть и характеристики политической лингвистики, особенности политического языка на примере публичного выступления Джозефа Байдена 7 ноября 2020 г., избранного 46-м президентом США.

Изучением политических коммуникаций занимается политическая лингвистика, которая связана не только с языкознанием, но и с политологией, социальной психологией, социологией и многими другими науками.

Предметом исследования политической лингвистики выступает политическая коммуникация, которая представляет собой речевую деятельность с целью пропаганды каких-либо идей, эмоционального воздействия на жителей государства и побуждения их к политическим действиям. Участники данного вида коммуникации выполняют ее основную функцию, а именно – борются за политическую власть. Следовательно, политическая коммуникация является отражением настоящих политических процессов, меняется вместе с ними и принимает участие в их преобразовании [Чудинов 2012: 6].

А.П. Чудинов полагает, что основная цель политической лингвистики заключается в изучении многообразных взаимоотношений между языком, мышлением, коммуникацией, субъектами политической деятельности и политическим состоянием общества, что создает условия для выработки оптимальных стратегий и тактик политической деятельности. Политическая коммуникация является основным средством эмоционального воздействия на реципиента и может полностью или частично изменить его мнение [Чудинов 2012: 7].

Стоит принять во внимание, что каждый текст изучается в рамках рассматриваемой политической ситуации, с учетом политических установок и взглядов автора, его личностных качеств, и, самое главное, специфики восприятия данной информации обществом. Данный постулат политической лингвистики означает, что одни и те же высказывания и идеи будут по-разному восприниматься в разных культурах.

Лингвисты спорят, существует ли такое понятие как «политический язык». Некоторые ученые ([Шейгал 2000, Чудинов 2012]) считают, что политическая коммуникация происходит на определенном варианте языка, ориентированном на сферу политики национального языка. Также существует мнение, что в политической коммуникации нет существенных отличительных характеристик, а применение особой терминологии или языковой структуры незначительно и не является причиной преобразования данного вида коммуникации в отдельное понятие.

Стиль политического языка может быть разнообразным, в зависимости от предпочтений автора. Например, некоторые политики выражают свои мысли кратко, а другие многословны. Некоторые президенты часто используют книжные, не общеупотребительные слова, чтобы подчеркнуть свой авторитет и статус. Впрочем, другие президенты могут иногда позволить себе высказаться при помощи жаргонных слов или сленгизмов, чтобы «быть ближе к народу» или ограниченному кругу целевой аудитории.

Таким образом, можно заметить, что высказывания сторонников различных политических взглядов отличаются лексически и стилистически. Исследования лингвистов показали, что приверженцы либеральных взглядов чаще используют заимствованную терминологию, в то время как сторонники консервативных или национально-патриотических идей предпочитают традиционные способы выражения [Чудинов 2012: 34–35].

Для анализа публичного выступления Дж. Байдена, рассмотрим характеристики политической коммуникации, а именно ее виды и жанры согласно А.П. Чудинову:

1) аппаратная (служебная, внутренняя, бюрократическая). Данный вид коммуникации применяется внутри государственных или общественных структур. Часто такая информация является строго конфиденциальной;

2) политическая коммуникация в публичной политической деятельности. Такой вид можно встретить в предвыборной агитации, парламентских дебатах, официальных выступлениях лидеров государства;

3) политическая коммуникация, осуществляемая журналистами. Целью данной коммуникации выступает воздействие на массовую аудиторию. С помощью интервью, газетных статей, авторами которых являются журналисты или политологи, происходит максимальное влияние на избирателей или даже формирование их политического мнения;

4) политическая речевая деятельность «обычных» граждан, то есть избирателей, не являющихся профессионалами в сфере политики [Чудинов 2012: 36–38].

Политическая речь также может быть представлена различными жанрами. В зависимости от функций различают следующие жанры:

- 1) ритуальные – инаугурационная речь, приветственное слово и т.д.;
- 2) ориентационные – указы, договоры, соглашения и т.д.;
- 3) агональные – лозунг, листовка, публичные выступления на митингах и т.д.;
- 4) информативные – статьи в СМИ, обращения граждан [Чудинов 2012: 38].

По объему информации различают жанры:

- 1) малые – слоган, лозунг;
- 2) средние – публичные выступления на митингах, в парламенте; листовки, статьи в СМИ;
- 3) крупные – программа партии, доклад, книга на тему политологии [Чудинов 2012: 38].

По цели высказывания выделяют информативные, оценочные и императивные жанры [Чудинов 2012: 38].

Изучение политического текста и его элементов в первую очередь подразумевает исследование степени эмоционального воздействия на реципиента с учетом различных языковых, культурологических, социальных, экономических, политических, национальных и многих других факторов [Чудинов 2012: 41].

Э. Косериу [Coseriu 1987: 24] определяет следующие характеристики политического языка:

- 1) разнообразие политических терминов, при этом «неполитические» языковые знаки употребляются не всегда в таком же значении, как в разговорной речи или других стилях языка;
- 2) особая структура дискурса;
- 3) очень своеобразные речевые приемы;
- 4) специфичная реализация дискурса – звуковое или письменное его оформление.

Исследователи также считают, что политическому языку свойственна своеобразная «диглоссия» [Wierzbicka 1995: 90], то есть язык делится на два вида: официальную пропаганду и обычный язык.

А.П. Чудинов выделяет следующие дискурсивные характеристики политической коммуникации [Чудинов 2012: 73–77]:

- 1) авторство политического текста. Крупный политический лидер, например, президент, не всегда является создателем текста. Часто среди приближенных служащих президента есть специалист по написанию речей или других текстов. Абсолютно необходимо, чтобы мнения и идеи политика и автора текстов полностью совпадали. При произношении или подписании такого текста президент несет ответственность за его содержание;

- 2) адресность политического текста. В политической коммуникации можно выделить три основных адресата – единомышленники, оппоненты и избиратели, т. е. население;

3) стратегия и тактика в политической коммуникации. Коммуникативная стратегия и тактика подразумевают планирование речи, отбор принципов, способов и приемов, обеспечивающих достижение желаемого результата.

Политики применяют различные стратегии, учитывая поставленную цель, специфику и интересы аудитории, иные обстоятельства. Например, если политический лидер нацелен на получение поддержки населения, то в своей речи он, скорее всего, будет описывать свои положительные деловые и моральные качества, сильные стороны своей идеологии, обещать удовлетворение потребностей населения или каким-либо образом пытаться дискредитировать своего оппонента в глазах избирателей. В попытках понизить уровень популярности и доверия своего соперника политические деятели часто предсказывают негативные последствия избрания оппонента, оскорбляют его, его идеи и символы; обращают внимание на такие личные качества, как, например, лживость и некомпетентность.

Таким образом, принимая во внимание все рассмотренные выше характеристики, особенности, свойства и функции политического языка, мы можем проанализировать обращение к избирателям Джозефа Байдена, который в ноябре 2020 г. был избран президентом США.

В своей речи Дж. Байден использует различные стратегии и тактики. Можно предположить, что Байден выбирает только одну стратегию – создание положительного мнения о себе как политике. Для этого он использует ряд тактик:

1) Единство американской нации. Он начинает свое выступление с обращения: *My fellow Americans.* / «Мои друзья-американцы». Далее Дж. Байден несколько раз обращается к народу и напоминает об их национальной принадлежности: *Folks.* / «Друзья», *Well, folks, we stand at an inflection point.* / «Итак, друзья, наступил переломный момент», *They are not our enemies. They're Americans.* / «Они – не наши враги. Они – американцы», *We're good people. This is the United States of America.* / «Мы – хорошие люди. Это – Соединенные Штаты Америки», *The United States of America, ladies and gentlemen, there's never, never been anything we've tried we've not been able to do.* / «В Соединенных Штатах Америки, дамы и господа, никогда не случалось ничего, с чем бы мы не справились». Байден напрямую обращается к народу, часто использует личное местоимение первого лица множественного числа «мы», которое указывает на множество, к которому он относит и себя вместе с другими;

2) Апелляция к важнейшей ценности американского народа – семье. Таким образом он создает положительное мнение избирателей о своих идеях. Он обращает внимание на членов своей семьи и утверждает, что они также играют большую роль в достижениях политического лидера. Данную тактику можем увидеть в следующих примерах: *...I'm Jill's husband. And I would not be here without her love and tireless support of Jill and my son Hunter, and Ashley, my daughter and all our grandchildren and their spouses and all our family. They're my heart.* / «Я – муж Джилл, и я бы не стоял здесь без ее любви и неустанной поддержки Джилл, моего сына Хантера, и Эшли, моей дочери, и всех наших внуков и их супругов, и всей нашей семьи. Они – мое сердце», *Folks, the last days of the campaign, I began think-*

ing about a hymn that means a lot to me and my family, particularly my deceased son, Beau. It captures the faith that sustains me, and which I believe sustains America. And I hope — and I hope it can provide some comfort and solace to the 230,000 Americans who've lost a loved one to this terrible virus this year. My heart goes out to each and every one of you. Hopefully, this hymn gives you solace as well. / «Друзья, в последние дни кампании я начал думать о гимне, который много значит для меня и моей семьи, особенно для моего покойного сына Бо. Он отражает веру, которая поддерживает меня и, как я считаю, поддерживает Америку. И я надеюсь, и я надеюсь, что это может утешить 230 000 американцев, потерявших в этом году любимых из-за этого ужасного вируса. Мое сердце беспокоится о каждом из вас. Надеюсь, этот гимн утешит и вас».

3) Ссылка на авторитет. Президент обращается к цитатам величайшей книги всего человечества, Библии. Здесь видим взаимосвязь с первой тактикой – вера объединяет все народы, вера объединит и американцев: *The Bible tells us to everything there is a season, a time to build, a time to reap and a time to sow. And a time to heal. This is the time to heal in America.* / «Библия говорит нам, что всему свое время: время созидать, время пожинать плоды и время сеять. И время исцелять. В Америке настало время исцелять», *So I remember as my grandpa said when I walked out of his home when I was a kid up in Scranton, he said: "Joey, keep the faith." And our grandmother, when she was alive, she yelled: "No, Joey, spread it." Spread the faith.* / «Я помню, как мой дедушка сказал, когда я выходил из его дома, в детстве в Скрэнтоне: “Джоуи, храни веру”. А наша бабушка при жизни возражала: “Нет, Джоуи, распространяй”. Распространяйте веру».

Далее Байден ссылается на высказывания авторитетной личности, экс-президента США, Барака Обамы, где он подчеркивает, что основная цель его политической кампании – стремление к сотрудничеству и объединению соперничающих партий. Байден делает акцент на единстве нации, независимо от решения избирателя. Он отмечает, что деятельность управляющего аппарата США будет направлена на удовлетворение потребностей всех граждан: как сторонников его политики, так и политики Дональда Трампа. Президент применяет тактику получения доверия всего населения, приверженцев различных идей и мнений: демократов, республиканцев, либералов, консерваторов, молодого и возрастного населения, жителей всех штатов, разных национальных и социальных групп. Осуществление данной тактики мы можем увидеть в следующих примерах:

I pledge to be a president who seeks not to divide but unify, who doesn't see red states and blue states, only sees the United States. / «Я обещаю быть президентом, который стремится не разделять, а объединять, который не видит красных штатов и синих штатов, а видит только Соединенные Штаты», *I'm proud of the coalition we put together, the broadest and most diverse coalition in history. Democrats, Republicans, independents, progressives, moderates, conservatives, young, old, urban, suburban, rural, gay, straight, transgender, white, Latino, Asian, Native American.* / «Я горжусь созданной нами коалицией, самой широкой и разнообразной коалицией в истории. Демократы, республиканцы, независимые, прогрессивные, умеренные,

консерваторы, молодые, старые, жители города, жители пригородов и сельской местности, геи, натуралы, трансгендеры, белые, латиноамериканцы, азиаты, коренные американцы», *For all those of you who voted for President Trump, I understand the disappointment tonight... It's time to put away the harsh rhetoric, lower the temperature, see each other again. Listen to each other again. And to make progress, we have to stop treating our opponents as our enemies. They are not our enemies. They are Americans. They're Americans.* / «Для всех тех из вас, кто голосовал за президента Трампа, я понимаю сегодняшнее разочарование... Пора отбросить резкую риторику, снизить температуру, снова посмотреть друг на друга. Услышать друг друга снова. И чтобы добиться прогресса, мы должны перестать относиться к нашим противникам как к своим врагам. Они – не наши враги. Они – американцы. Они – американцы», *Folks, I'm a proud Democrat, but I will govern as an American president. I'll work as hard for those who didn't vote for me as those who did. Let this grim era of demonization in America begin to end here and now. Refusal of Democrats and Republicans to cooperate with one another. It's not some mysterious force beyond our control. It's a decision, a choice we make. And if we can decide not to cooperate, then we can decide to cooperate.* / «Друзья, я горжусь, что я демократ, но буду править как американский президент. Я буду работать для тех, кто не голосовал за меня, так же, как и для тех, кто голосовал за меня. Пусть эта мрачная эра демонизации в Америке закончится здесь и сейчас. Отказ демократов и республиканцев сотрудничать друг с другом. Это не какая-то таинственная сила вне нашего контроля. Это решение, выбор, который мы делаем. И если мы можем решить не сотрудничать, тогда мы можем решить сотрудничать».

4) Дискредитация противника (Дональда Трампа). Получив доверие публики, Байден напоминает о провалах политики предыдущего президента, чем понижает его авторитет и повышает свой. Эту тактику можем увидеть в следующем примере: *I've long talked about the battle for the soul of America. We must restore the soul of America. Our nation is shaped by the constant battle between our better angels and our darkest impulses. And what presidents say in this battle matters. It's time for our better angels to prevail.* / «Я давно говорю о битве за душу Америки. Мы должны восстановить душу Америки. Наша нация сформирована постоянной битвой между нашими лучшими ангелами и самыми темными импульсами. И то, что говорят президенты в этой битве, имеет значение. Пришло время нашим лучшим ангелам победить». В начале своей кампании Байден использовал лозунг о битве за душу нации. Когда политический лидер использует данное высказывание, он подразумевает битву с расизмом и разногласиями, которые стали острой проблемой во время правления Трампа. Байден также упоминал, что во время президентства Трампа он пришел к убеждению, что невозможно победить такое мышление, но можно отбросить его в «темное прошлое».

5) Косвенная тактика побуждения: *The Bible tells us to everything there is a season, a time to build, a time to reap and a time to sow. And a time to heal. This is the time to heal in America.* / «Библия говорит нам, что всему свое время: время созидать, время пожинать плоды и время сеять. И время исцелять. В Америке настало

время исцелять». Здесь видим косвенный призыв к действию; повелительное наклонение напрямую не используется (let's to heal in America), вместо него Байден использует обороты *a time to / the time to*.

Исходя из изученного материала, можно сделать следующие выводы:

- 1) изучение политического языка актуально в современном мире в связи с ростом влияния политики на жизнь человека;
- 2) политическая коммуникация отражает политическую реальность и может влиять на решения избирателей или политических лидеров;
- 3) политический язык многообразен: он может включать в себя различные стили, терминологию, повседневные формулировки или сленгизмы в зависимости от цели высказывания и аудитории;
- 4) основной целью политического языка является эмоциональное влияние на мнение реципиента;
- 5) речь Джозефа Байдена, произнесенную после оглашения результатов выборов президента США в 2020 г., можно определить как авторскую, обращенную к гражданам, акцентирующую внимание на единстве нации, важнейших ценностях народа, и призывающую к объединению рассогласованного народа;
- 6) Джозеф Байден применяет различные стратегии и тактики с целью влияния на народ, получения поддержки и доверия.

Список источников

The Washington Post. URL: <https://www.washingtonpost.com/politics/2020/11/07/annotated-biden-victory-speech/> (дата обращения: 16.12.2020).

Список литературы

Демьянков В. З. Интерпретация политического дискурса в СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: Учебное пособие / Отв. ред. М. Н. Володина. М.: Изд-во Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, 2003. С.116–133.

Чудинов А. П. Политическая лингвистика: учеб. пособие. 4-е изд. М., 2012. 256 с.

Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. Волгоград, 2000. 431 с.

Coseriu E. Lenguaje y política // M. Alvar ed. El lenguaje político. – Madrid: Fundación Friedrich Ebert, Instituto de Cooperación Iberoamericana, 1987. P.9–31.

Januschek F. ed. Politische Sprachwissenschaft: Zur Analyse von Sprache als kultureller Praxis. – Opladen: Westdeutscher Verlag, 1985. 372 S.

Wierzbicka A. Dictionaries and Ideologies: Three Examples from Eastern Europe // B. B. Kachru, H. Kahane eds. Cultures, Ideologies, and the Dictionary: Studies in Honor of Ladislav Zgusta. – Tübingen: Niemeyer, 1995. P.181–195.

E.V. Skibenko

Master Student of Institute of Philology, Journalism, and Intercultural Communications
Southern Federal University

FEATURES OF THE POLITICAL LANGUAGE (USING THE EXAMPLE OF JOSEPH BIDEN'S SPEECH AFTER WINNING THE ELECTION IN 2020)

This article studies the political discourse. The paper examines the types, goals, functions, characteristics, features, strategies, and tactics of the political language. According to the studied characteristics, an example of political communication is analyzed – the speech of Joseph Biden after winning the election in November 2020.

Keywords: discourse; political discourse; political language; political communication; Joseph Biden.

УДК 159.9-> 316.6

Анна Сергеевна Смирнова
магистрант филологического факультета
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
ann.smirns@gmail.com

СООБЩЕСТВА ПАМЯТИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

В настоящей работе исследуется формирование в социальных сетях сообществ, посвященных памяти о советском прошлом. Исследование проводится на материале социальной сети «ВКонтакте», где такие сообщества активно функционируют. Нас интересует, по какому принципу данные паблики выбирают темы публикаций, какой отклик они находят у пользователей и как на коллективную память влияет интерактивное бытование.

Ключевые слова: memory studies; коллективная память; социальные сети; места памяти; мифологизация; культурная травма.

Согласно теории Мориса Хальбвакса, основателя memory studies, коллективная память – это общее представление о прошлом членов отдельной социальной группы, которое конструируется в результате сложного взаимодействия их индивидуальной памяти: *«Она представляет группе ее собственный образ, который, конечно, развертывается во времени, поскольку речь идет о ее прошлом, но таким образом, что она всегда узнает себя в сменяющихся друг друга картинках»* [Хальбвакс 2005]. В отличие от исторической (согласно М. Хальбваксу, это набор передаваемых из поколения в поколение исторических сообщений, мифов, субъективно преломленных рефлексий о событиях прошлого [Хальбвакс 2005]), индивидуальной (внутренняя, личная, автобиографическая), коллективная память выполняет функции памяти групп и потому именно в социальных сетях, где люди собираются в группы согласно своим интересам, коллективная память реализуется в полной мере.

Сегодня в социальной сети «ВКонтакте» существует большое количество сообществ, посвященных памяти о советском прошлом. Среди них особенно популярны те, которые созвучны с советской идеологией, в которых мифологизируется советское прошлое. В публикациях таких сообществ утверждается, что СССР – золотое время, «прекрасное далёко», где все были равны, добры, веселы, трудолюбивы; это была великая держава, граждане которой были одним сплоченным дружным народом. В качестве примеров можно привести такие сообщества, как «Мы из СССР» (805972 подписчика), «СССР – вспомним всё» (788609 подписчиков), «СССР – вспомним лучшее» (688740 подписчиков), «Рожденные в СССР» (56427 подписчиков) (данные на 14.05.2020).

Часть сообществ обращается к актуальной повестке дня. Например, в центре внимания группы «Мы из СССР» – современность с акцентом на соци-

альное неравенство, коррупцию, политику. Примеры публикаций: «*Экс-министр связи Прикамья обвиняемый в хищении 26,5 млн рублей получил условный срок, так как он раскаялся и вернул 1,8 млн рублей. А чего добился ты?*» (15 мая 2020 г.) [Мы из СССР]; «*Власть оказалась неспособной обеспечить граждан масками. Даже за деньги. Но оказалась способной штрафовать своих граждан за их отсутствие!*» (15 мая 2020 г.) [Мы из СССР].

Преимущества ушедшей эпохи кажутся особенно значимыми на фоне изъянов современной жизни, этот контраст вызывает боль от утраты светлого прошлого. Создается следующий миф: в настоящем есть лишь вопиющая несправедливость, а в прошлом осталось справедливое социальное устройство, когда коррупционерам не удавалось избежать наказания, а государство заботилось о своих гражданах.

«*Рожденные в СССР*» [Рожденные в СССР] – пример комьюнити другого характера. Здесь новостная повестка отсутствует. Все внимание обращено к «прекрасному далёко» с акцентом на его положительных сторонах. Например: «*Кто такой Брежнев? Это не просто человек. Это период в истории страны, когда народ жил спокойно и был полностью уверен в завтрашнем дне*» (16 июля 2020 г.) [Рожденные в СССР].

Во всех сообществах этой тематической группы присутствуют публикации о том, что в СССР все было самым лучшим – продукты, игрушки, школьная форма, трехколесные велосипеды, детсадовские стульчики и т.п. Пользователи принимают негласные правила, своими комментариями доказывая, что все новое хуже старого: стульчики неудобные, учебники безграмотные, игрушки опасны для здоровья. Например, пост в сообществе «Мы из СССР»: «*Тайна всеми любимой докторской колбасы! Докторская колбаса называется так по приказу Сталина от 1936 года. Состав был специально разработан врачами для лечения больных, “подорвавших свое здоровье в результате войны и царского деспотизма”. На 1 кг колбасы приходилось: 250 гр. говядины высшего сорта, 700 гр. полужирной свинины, 30 гр. куриных яиц, 20 мл коровьего молока*» (13 мая 2020 г.) [Мы из СССР].

Комментарии:

«*Зато сейчас сортов много, а мяса в них нет*» (13 мая 2020 г.) [Мы из СССР]; «*Я помню зайдешь в магазин и понимаешь, что завезли колбасу))) запах стоял, ни с чем не перепутаешь! Очень вкусная была! А сейчас уже не помню, когда и покупала, гадость редкостная*» (13 мая 2020 г.) [Мы из СССР].

В такие публикации уже заложен отклик – сожаление об утраченном прошлом и недовольство настоящим.

Появление онлайн-коммуникации интенсифицировало процесс обсуждения. Раньше такие дискуссии возникали от случая к случаю, а теперь интернет-сообщества регулярно выкладывают соответствующие посты с изображением реалий прошлого. Эти публикации апеллируют к личному опыту пользователей, буквально заставляя их ностальгировать.

Каждый такой пост обязательно содержит фотографию, иллюстрацию. На них счастливые лица советских людей, дорогие сердцу советского человека предметы. Французский ученый П. Нора говорит о «местах памяти» – памятниках, людях, событиях, которые окружены «символической аурой» [Нора 1999: 40]. В анализируемых сообществах во «ВКонтакте» по аналогии можно выделить отсылки к «объектам памяти»: бытовым предметам, которые могут проиллюстрировать ностальгию (продукты, игрушки, одежда, мебель и др.).

Так же регулярно и активно, как ностальгические высказывания, появляются комментарии несогласных с идеализацией образа прошлого. Эти пользователи обращаются к семейной памяти, личным воспоминаниям, которые не вписываются в рамки, задаваемые исследуемыми комьюнити, и пытаются опровергнуть мифологизированные установки. Например, пост в сообществе «Рожденные в СССР»: *«Смешно. В СССР на январь 1976 г. было 400 курортов, 2,4 тысячи санаториев и пансионатов на 504 тысячи мест, 6203 дома и базы отдыха на 828 тысяч мест, принимающих за летние месяцы 6000000 отдыхающих, более 50% путевок от профсоюзных организаций с оплатой 30% от их стоимости или бесплатно»* (1 мая 2020 года) [Рожденные в СССР].

Комментарии несогласных:

«Эти путевки доставались по блату, не каждый мог по путевке отдохнуть» (1 мая 2020 года) [Рожденные в СССР]; *«Я астматик. Ни разу не давали санаторий <...> А вообще ни мама ни папа ни разу не ездили никуда <...> Много родственников, которые ни разу не были на море. Так что, может это и было все, но не у нас»* (1 мая 2020 года) [Рожденные в СССР].

На подобные комментарии отвечают те, кто ездил в санатории, получал путевки. В результате разгораются словесные баталии за «правильную» память: *«Я родилась в 1972 году, мама всю жизнь работала на стройке, на одну бригаду из 15 чел. давали 3–4 путевки, и ехали кто? Прорабы, бригадиры и может передовик маляр, чтобы обидно не было, так что не надо ля-ля»* (1 мая 2020 года) [Рожденные в СССР]; *«Я с 59. У нас ездили ВСЕ кто хотел»*))) *Кроме этого – каждую неделю на заводскую турбазу. За счет профсоюза <...> Мурманск. 85–89 годы»* (1 мая 2020 года) [Рожденные в СССР].

Распад советского государства является культурной травмой. Это понятие ввел в научный дискурс американский социолог Р. Айерман. В отличие от психологической или физической травмы, когда есть рана и опыт сильного эмоционального страдания отдельного человека, культурная травма означает драматичную утрату идентичности, которая оказывает влияние на группу людей, достигших сплоченности. В этом смысле не обязательно, чтобы травму ощущали все члены сообщества или ее непосредственно пережил кто-то из них. Однако необходимо некое событие, которое является значимой «причиной», и его травматический смысл должен быть утвержден и воспринят; этот процесс занимает время и требует опосредования и репрезентации [Айерман 2016].

С.А. Ушакин, российский исследователь, отмечает, что *«люди учатся жить с травмой – не подавляя и не вытесняя ее негативное воздействие, но*

находя для нее место в своей судьбе и в истории о себе» [Ушакин 2009: 8]. Он считает, что в современной России складывается тенденция к воспеванию утрат: «Формирование терапевтического контекста – т.е. задача преодоления травмы – вытесняется попытками пережить (чужую) утрату вновь и вновь, сделать ее частью повседневной жизни, выстроить вокруг нее сеть объединяющих ритуалов и практик». И таким образом «...стремление вписать следы травмы в структуру повседневности настоящего становится сутью пост-травматической жизни» [Ушакин 2009: 6–7].

Сообщества памяти запрограммированы на столкновение разных точек зрения, поскольку люди с разным опытом, разной семейной памятью будут по-разному реагировать на однозначные утверждения о прошлом, по-разному презентировать события.

К тому же человеку важно идентифицировать себя. Он определяет себя через положение по отношению к другим членам общества, причем не только в настоящий момент, но и в прошлом. Сегодня для бывших граждан советского государства остается актуальным самоопределение относительно времен СССР. Изучаемые сообщества предоставляют почву для такой самоидентификации: идеологические установки, сходные и отличные мнения и опыт других людей. Вербальные сражения, разыгрывающиеся в сообществах, позволяют осознавать свое положение через оппозицию «сторонники – противники СССР».

Подводя итог, можно сказать, что посвященные памяти сообщества мифологизируют советское прошлое, высвечивая только положительные моменты и «забывая» об отрицательных. На первый план здесь выходят «объекты памяти» – предметы советского быта, которые символизируют ушедшую эпоху. Культурная травма от распада государства вызывает потребность найти для нее место в жизни общества, дискуссии в социальных сетях – своего рода поиск этого места. К тому же пользователи приходят в комьюнити за самоопределением: обмениваясь мнениями с единомышленниками и вступая в дискуссии с противниками, они осознают свое положение в мире.

Список литературы

Айерман Р. Культурная травма и коллективная память // Новое литературное обозрение. 2016. № 5. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/141_nlo_5_2016/article/12171/ (дата обращения: 15.04.2020).

Мы из СССР [официальная страница]. URL: https://vk.com/my_iz_cccp (дата обращения: 15.05.2020).

Мы из СССР [публикация]. URL: https://vk.com/my_iz_cccp?z=photo-164836200_457378954%2Falbum-164836200_00%2Frev (дата обращения: 15.05.2020).

Мы из СССР [публикация]. URL: https://vk.com/my_iz_cccp?z=photo-164836200_457379021%2Falbum-164836200_00%2Frev (дата обращения: 15.05.2020).

Нора П. Проблематика мест памяти / пер. с фр. Д. Хапаевой // Франция – память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. СПб: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. С.7–50.

Рожденные в СССР [официальная страница]. URL: <https://vk.com/rozhdennye.cccp>

Рожденные в СССР [публикация]. URL: https://vk.com/im?sel=16045439&w=wall-164871242_111553%2F7f7777c2d32dabe019&z=photo-164871242_457248541%2Falbum-164871242_00%2Frev (дата обращения: 15.05.2020).

Рожденные в СССР [публикация]. URL: https://vk.com/rozhdennye.cccp?w=wall-164871242_11408 (дата обращения: 15.05.2020).

Ушакин С. А. Нам этой болью дышать // Травма: Пункты. Под редакцией С. Ушакина и Е. Трубиной. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С.5–40.

Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/kollektivnaya-i-istoricheskaya-pamyat.html> (дата обращения: 15.04.2020).

A.S. Smirnova

Master Student of Philological Faculty
Perm State University

MEMORY COMMUNITIES IN SOCIAL NETWORK

This paper explores the formation of communities in social networks dedicated to the memory of the Soviet past. The research is based on the material of the social network “Vkontakte”, where such communities are actively functioning. Let's ask ourselves how the past is drawn here, how the topics of publications are chosen, what response they find in users, and what interactive living gives (or takes away) to collective memory.

Key words: memory studies; collective memory; social networks; place of memory; mythologization; cultural trauma.

УДК 659.127.42

**Анна Давидовна Чантуридзе,
Милла Владиславовна Померанцева**
студенты факультета рекламы и связей с общественностью
АНОВО «Московский
международный университет»
amino2016@yandex.ru, mila_and_pony@mail.ru

ПРИНЦИПЫ СОЗДАНИЯ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТОВ НА ПРИМЕРЕ INSTAGRAM-СТРАНИЦЫ МАГАЗИНА ТАЙСКИХ КОСМЕТИЧЕСКИХ ТОВАРОВ «ТИГРОФФЪ»

Статья посвящена вопросу важности соблюдения базовых правил создания рекламных текстов. Перечислены основные аспекты грамотного написания рекламного текста, призванного создавать и поддерживать востребованность предлагаемого продукта на потребительском рынке. В качестве примера рассмотрена конверсия магазина тайской косметической продукции до внедрения принципов эффективного написания текстов и после.

Ключевые слова: текст; рекламный текст; социальная коммуникация; воздействие; обратная связь.

Профессиональному копирайтеру необходимо находить эффективные методы воздействия на аудиторию и знать специфику создания продающего текста, чтобы коммуницировать с любой аудиторией. В социальных сетях момент контакта аудитории с текстом минимален, а скорость потребления информации высока, поэтому важно быстро вовлекать людей в продающий контент.

Вопросами эффективности рекламных текстов занимаются российские и зарубежные исследователи, поскольку проблематика данной темы соответствует современным вызовам. Еще Д.Э. Розенталь и Н.Н. Кохтев сформулировали основные параметры, которые характерны для языка рекламы. Они определяют, что язык рекламы «должен быть литературно грамотным. Его отличают конкретность и целенаправленность – это помогает понять, чем рекламируемый объект отличается от себе подобных» [Розенталь 1981: 120]. Следует отметить, что одной из важнейших характерных черт рекламных текстов является их сжатость. С развитием дигитализации и информатизации общества эта мысль получила дальнейшее развитие. Современный ритм жизни формирует соответствующую скорость восприятия информации. По мере развития компьютерных технологий и увеличения объемов информации люди стали более избирательны в текстовых сообщениях [Гоулман 2021: 35]. Это правило обусловлено тем, что «жесткие финансовые условия заставляют рекламистов экономить на каждом квадратном сантиметре печатной площади или каждой секунде эфирного времени» [Фещенко 2003: 39]. Некоторые исследователи начали рассматривать языковую составляющую рекламы как часть маркетинга и рекламного дела (см.

подробнее [Бландел 2000], [Музыкант 1998], [Серегина 2006]) [Эйтчисон 2007: 312], в то время как другие (см. [Слойцева 2014]) фокусируют внимание именно на стилистических средствах и языковых характеристиках рекламного текста [Жданова 2015: 82–83]. В свою очередь, С.В. Ильясова, Л.П. Амири раскрывают иное, отвечающее вызовам времени определение понятия «рекламный текст»: «текст, представленный в устной или письменной форме, заранее подготовленный, обладающий автономностью, изначально направленный на донесение до адресата определенной информации, с превалирующей коммерческой целью – привлечение внимания адресата к тому или иному виду товара» [Ильясова 2012: 29].

Современные исследования Forbes подтверждают результативность коммуникаций с аудиторией в социальной сети Instagram. Приложение предлагает ряд инструментов, которые при эффективной реализации способны поднять продажи и сформировать положительное мнение об аккаунте компании в глазах подписчиков. Основное пространство для размещения информации представлено в «ленте» новостей. Социальная сеть также предлагает пользователям использовать раздел «сторис». Данный раздел представлен в виде фотографий или небольших видео, которые автоматически удаляются по истечении суток. Существует опция «прямой эфир», где владелец страницы в режиме реального времени делится с аудиторией какой-либо информацией. Также Instagram предлагает «карусель» – функцию публикации нескольких изображений или видео, объединенных одним постом. В контексте развития бизнес-аккаунта «карусель» полезна в целях демонстрации сразу ряда товаров, без необходимости постинга отдельно каждого элемента. Данное преимущество минимизирует возможность возникновения информационного шума и позволяет представить информацию в сжатой форме. Возможности социальной сети были расширены благодаря разделу «highlights», который расположен под «шапкой» страницы (небольшим блоком под именем пользователя, куда можно добавить необходимую информацию). «Highlights» позволяет подписчикам видеть закрепленные «сторис». Владельцы компаний систематизируют данный раздел по блокам: ответы на часто задаваемые вопросы, цены на услуги или товары, отзывы, акции и анонсы. Отметим, что Instagram располагает широкими и эффективными возможностями для продвижения товаров или услуг, выступая в качестве мощного инструмента рекламы и саморекламы не только для известных личностей, но и для СМИ, владельцев малого, среднего и крупного бизнеса и пр. [Компании выбирают Instagram 2021].

С момента появления соцсети в 2010 г. значительно изменилась роль текста и роль визуального контента. Если десять лет назад ключевой единицей контента являлась фотография и краткая подпись к ней, то сегодня текст в постах Instagram имеет вид полноценного текстового сообщения с максимальным объемом 2000 знаков. Важность текста, возросшая вместе с появлением блогеров и гражданской журналистики, говорит о возросшем уровне информативности креолизованного сообщения в Instagram. Более того, «невербальный кон-

тент в Инстаграме часто не соотносится с предметной темой текста и больше нацелен исключительно на привлечение внимания читателя» [Кащеев 2019: 83–87]. В Instagram весьма лаконичная форма заполнения профиля и использовать ее необходимо по принципу «ничего лишнего»: понятное, но яркое описание бизнеса, дополнительные контакты, ссылки на сайт или группу Вконтакте, телефон и, при наличии, физический адрес магазина или офиса [Лебедева 2018: 45–49].

В Instagram ключевым форматом рекламы, где активно используется текст, является реклама в ленте пользователя. Такой контент создается как обычный пост, который видят подписчики страницы и который можно продвигать, чтобы привлечь внимание новых пользователей. Важно понимать, что эффективность рекламы в ленте зависит напрямую от качества контента и корректности таргетирования или знания собственной целевой аудитории [Выдрина 2021: 175].

В качестве объекта изучения эффективности рекламных текстов мы выбрали аккаунт магазина тайских товаров. С сентября по октябрь 2020 г. нами была запущена кампания по развитию магазина «Тигрофф» в Instagram, где мы создавали рекламные тексты, занимались визуальным оформлением страницы и копирайтингом. Было необходимо заменить имеющиеся тексты и выработать принципы формирования новых текстов, чтобы увеличить продажи и вовлечение аудитории.

В магазине «Тигрофф» можно приобрести органические товары из Таиланда. Изначально профиль магазина в Instagram не отличался пользовательской активностью. В числе подписчиков было 1892 человека, из которых лишь пять человек регулярно ставили «лайки» под не всегда визуально привлекательными постами со стилистически слабым текстом. Что касается конверсии, на начальном этапе она была нулевой, поскольку страница в социальной сети не фокусировала внимание потенциальных клиентов и не внушала доверия. Именно поэтому аудитория не совершала целевых действий.

С помощью анализа имеющихся комментариев и наиболее активных подписчиков удалось выяснить, что ядром целевой аудитории являются женщины, которые любят путешествовать. Подписчицы ценят уходovou натуральную косметику и полагаются на рациональные преимущества продукта.

Изначально тексты не были систематизированы по блокам, раздел «сторис» был оформлен в хаотичном порядке, под постами к каждой публикации было нагромождение «эмодзи» («смайликов») и неактуальной информации, которая мешала восприятию контента. У текстов не было единой структуры, из-за чего в сознании потребителя не сформировался целостный образ бренда. Фотографии на странице не затрагивали ключевые потребности целевой аудитории. Информация о продукте была представлена в достаточном количестве, но из-за ее некачественной визуализации вовлеченность в контент находилась на низком уровне. У текстов не было единой структуры, весь рекламный блок был оформлен без пробелов и отступов, которые упрощают восприятие информации, а термины и наименования компонентов в составе рекламируемых продук-

тов не были расшифрованы, визуальная составляющая не отличалась эстетическим превосходством по сравнению с магазинами-конкурентами.

Кроме того, посты содержали исключительно описательную информацию о продукте, отсутствовали вовлекающие тексты. В данном случае под вовлекающим постом мы понимаем публикацию, нацеленную на то, чтобы вызвать у подписчиков активную обратную реакцию и увеличить вовлеченность в профиле, повысить узнаваемость бренда и привлечь потенциальную аудиторию [Лебедева 2018: 45–49]. В постах не было «лайфхаков», призывов к действию, конкурсов и иных материалов, способных повысить вовлеченность. Упор был сделан исключительно на информирование аудитории без учета ее запросов и интересов. Посты с продукцией публиковались вне зависимости от инфоповодов, грядущих праздников и не были с ними интегрированы. Например, в преддверии Международного женского дня на страничке «Тигрофф» не были анонсированы скидки и акции, которые могли бы стимулировать аудиторию к покупке. С учетом проведенного анализа, было решено пересмотреть подход к написанию рекламных текстов для аккаунта магазина и сделать страницу в социальной сети более презентабельной.

Мы начали создавать новые рекламные тексты для магазина «Тигрофф» в Instagram. В рекламных текстах было решено использовать рациональные аргументы – говорить о пользе продукта [Росситер 2007: 431]. Изначально мы исправили грамматические и стилистические ошибки в старых текстах, представленную информацию сократили и структурировали в едином стиле, который впоследствии использовали в новых постах. В качестве примера приводим один из текстов со страницы:

«Если вас беспокоят растяжки, шрамы, ожоги, прыщи, требуется послеоперационное заживление, – попробуйте уникальный гель Scagel cybele!

Тестирования показали, что экстракт семян эмблики содержит протеолитические и липолитические ферменты, которые регенерируют ткани, а гиалуроновая кислота разглаживает рубцы и предотвращает образование утолщений раны.

Свойства геля:

- *увлажняет*
- *смягчает*
- *успокаивает*
- *уменьшает зуд и покраснение*
- *не раздражает чувствительную кожу*
- *снижает обесцвечивание шрамов*

Полный состав и характеристику геля вы можете посмотреть на сайте roy-sian.ru».

С помощью первой фразы мы обращаем внимание аудитории на проблемы, от которых может избавить рекламируемый продукт. Далее приводятся рациональные аргументы: опираясь на результаты тестирования, подтверждаем, что натуральный состав оказывает положительное влияние на поврежденные участки

кожи на биологическом уровне. Дополнительный интерес у аудитории вызывают свойства, которыми обладает товар, поэтому необходимо их перечислить. В качестве заключительного предложения добавляем призыв к действию – указана ссылка на сайт, где пользователь может узнать подробную информацию о товаре и приобрести его. Таким образом, пост в Instagram-аккаунте способен перенаправить потенциального клиента в другое информационное поле (на сайт), где представлен бóльший ассортимент.

Раскрывая преимущества товара и приводя в качестве аргументации факты об органическом составе и тестировании, мы увеличиваем шанс на покупку данного продукта. На примере текста демонстрируется классическая модель воздействия на поведение потребителя AIDA: привлекаем внимание пользователя, вызываем у него интерес к товару, формируем потребность в рекламируемом объекте и предлагаем совершить целевое действие.

Для анализа эффективности наших текстов мы решили сравнить количество просмотров в постах, продублированных в «сторис», и в постах, которые отображались исключительно в ленте. На протяжении двух недель в ленте новостей публиковались посты, которые синхронно попадали в раздел «сторис». В результате просмотра статистики аккаунта удалось подтвердить эффективность использования «сторис» в Instagram. Дополнительное напоминание пользователям о новом материале на примере магазина «Тигрофф» увеличило количество пользователей, увидевших публикацию, на 20%. Из-за нововведения разработчиков в виде рекомендуемых публикаций в ленте, пользователи начали «терять» новые посты. Благодаря дублированию материала бизнес-аккаунты получают существенное преимущество в коммуникации с аудиторией, поскольку продающие посты находятся в фокусе внимания подписчиков.

Мы решили придерживаться лаконичного метода изложения информации, совмещая информационный и развлекательный контент. Было решено объединить информацию о товаре с «лайфхаками», опросами и конкурсами. В качестве результатов мы получили следующие показатели: за месяц количество подписчиков на странице увеличилось с 1892 до 2080 человек, кроме того, изменения коснулись и конверсии. Если до начала работы с рекламными текстами пользователи не переходили из аккаунта на сайт компании и не совершали покупки, то после внедрения изменений на сайт регулярно стали приходить пользователи, которые совершают целевые действия. Таким образом, конверсия стала равна 0,38% (общее количество подписчиков аккаунта в Instagram, поделенное на число совершивших покупку на сайте, умноженное на 100%). Кроме того, учитывая статистику переходов на сайт магазина, мы выяснили, что заказы с сайта увеличились на 16%, что также говорит об эффективности проведенных мероприятий.

В итоге, для привлечения внимания аудитории к Instagram-аккаунту компании «Тигрофф» мы внесли ряд изменений.

Расширили информационный контент:

1. Добавили к публикациям уведомления о новинках: каждый месяц в профиле появляется уведомление и рассказ о новой мини-коллекции;

2. Сформулировали информацию о товаре: под фотографией поста теперь конкретизировано, из каких ингредиентов состоит тот или иной косметический продукт, что есть в наличии, убраны избыточные «эмодзи», структурирован текст;

3. Добавили «лайфхаки»: например, в тематическом материале «Какую косметику подобрать для жирной кожи» аудитории представлена информация о том, как правильно выбрать продукцию; в аккаунте бренда есть публикации о том, как ухаживать за кожей лица и тела, делать стильный макияж и т.п.

Сделали акцент на развлекательном контенте:

1. Добавили поздравления с праздниками, в том числе в виде мини-сериалов, как произошло, например, в День знаний;

2. Стали создавать опросы: ежедневно проводятся опросы развлекательного характера. Например, в одном из материалов была опубликована фотография натурального антиперспиранта причудливой формы с вопросом к подписчикам, что это за товар и каково его назначение;

3. Добавили конкурсы и квезты: ежемесячно на странице стали проводить несколько конкурсов. Не всегда они предполагают призы, но тем не менее собирают большое количество участников.

Интегрировали в инфотейнмент продающий контент, сохраняя лаконичный стиль изложения:

1. Стали публиковать уведомления об акциях, скидках, распродажах;

2. Добавили блок о программе лояльности;

3. Текст начал затрагивать «боли» (запросы) аудитории, делать акцент на том, чего аудитории не хватает, и предлагать решение проблем.

В результате проведенной работы выросло количество подписчиков на странице, увеличилась конверсия переходов из аккаунта на сайт, количество заказов на сайте стало больше на 16%, а общее число продаж – на 20%. Коммуникация с аудиторией в социальной сети – актуальная возможность быстрее и эффективнее отвечать на запросы аудитории с помощью современной трендовой площадки. Также повысилась узнаваемость бренда и был сформирован положительный имидж компании, на основании чего можно сделать вывод, что при дальнейшем продвижении магазина в социальных сетях имеющимися инструментами возможно достичь высоких результатов.

Список литературы

Бландел Р. Эффективные бизнес-коммуникации. Принципы и практика в эпоху информации / пер. с англ. Л.Н. Токарева. СПб.: Питер, 2000. 384 с.

Выдрина А. С., Кириллов А. Н., Кобызева В. О. Реклама и PR. Смена стратегий в новую эпоху. Москва-Берлин: Директ-Медиа, 2021. 201 с.

Гоулман Д. Эмоциональный интеллект. Фокус внимания / пер. с англ. М.Ш. Чумахидзе-Дорониной. СПб.: Манн, Иванов и Фербер, 2021. 192 с.

Жданова Е. Ю. Рекламный текст как объект лингвистического исследования // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2015. № 2–1 (32–1). С.82–83.

Ильясова С. В., Амири Л. П. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы. 2-е изд. М.: Флинта, 2012. 296 с.

Кащеев О. В., Головкин В. Я. Социальная сеть Instagram как часть культуры общества // Вестник славянских культур. 2019. Т.52. С.83–87.

Компании выбирают Instagram. 2021. URL: <https://business.instagram.com/> (дата обращения: 18.06.2021).

Лебедева Т. Е., Прохорова М. П. Потенциал социальной сети Инстаграм в продвижении компании. // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. №7 (33), Т.2. 2018. С.45–49.

Музыкант В. Л. Теория и практика современной рекламы. В 2 ч. М.: Евразийский регион, 1998. 728 с.

Росситер Д. Р., Перси Л. Реклама и продвижение товаров. 2-е изд. / пер. с англ. М. Бугаева, под ред. Л. А. Волковой. СПб.: Питер, 2007. 651 с.

Розенталь Д. Э., Кохтев Н. Н. Язык рекламных текстов. М.: Высш. шк., 1981. 127 с.

Серегина Т. К., Титкова Л. М. Реклама в бизнесе. М.: Маркетинг, 2006. 112 с.

Слойцева Е.В. Язык рекламы и лингвостилистические особенности рекламного текста // Язык и культура. Новосибирск. 2014. №11. С.76–83.

Фещенко Л. Г. Структура рекламного текста. СПб.: Петербургский институт печати, 2003. 232 с.

Эйтчисон Д. Разящая реклама. Как создать самую лучшую в мире печатную рекламу брендов в XXI веке. 2-е изд. / пер. с англ. Б. Л. Глушака, Ю. А. Полонской, под ред. А. А. Кольцовой, А. В. Назаренко. М.: Вильямс, 2007. 512 с.

A.D. Chanturidze, M.V. Pomerantseva

Students of Faculty of Advertising and Public Relations
Moscow International University

PRINCIPLES OF CREATING ADVERTISING TEXTS ON THE EXAMPLE OF INSTAGRAM - THE PAGE OF THE THAI GOODS STORE "TIGROFF"

The article is devoted to the issue of the importance of observing the basic rules for creating advertising texts. There are listed the main aspects of competent writing of advertising text which is supposed to create and maintain the demand for the proposed product in the consumer market. As an example, we consider the conversion of a Thai cosmetics store before and after the implementation of the principles of effective writing.

Key words: text; advertising text; social communication; impact; feedback.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 81'373.222

Диана Маратовна Актирина
студент Института международных отношений
Казанского (Приволжского)
Федерального Университета
diana.aktirina1@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОРНИТОНИМОВ В АНГЛИЙСКОМ И ТАТАРСКОМ ЯЗЫКАХ

Язык и культура каждого народа тесно переплетены и являются отражением картины мира его носителей. Данная работа посвящена изучению особенностей использования орнитонимов в английском и татарском языках. В статье рассматривается лексико-семантическая группа «орнитонимы» и ее роль в английском и татарском языках. Изучается место орнитонимов в системе языковых реалий, а также значимость данной группы слов в восприятии разными народами окружающей действительности. Под термином «орнитоним» понимается номинативная единица, служащая для идентификации одной птицы среди других.

Ключевые слова: орнитонимы; животный мир; птицы; языковые реалии; культурно-символическое значение.

Древние люди описывали животных, исходя из своих наблюдений за их поведением в среде обитания, искали сходства и различия между представителями фауны. Эти процессы оставили свой след в лексическом составе различных языков. Так в науке образовались термины, обозначающие наименования животных, насекомых, птиц. Одним из таких терминов является «орнитоним».

Орнитоним (от греч. “ornis” – «птица» и “onima” – «имя, название») – это номинативная единица, служащая для выделения одной птицы среди других [Симакова 2003: 20]. Применительно к научным названиям птиц номинативная функция состоит в установлении определенного термина для отдельно взятого вида животного с учетом всех основных признаков, благодаря которым его можно идентифицировать.

Классификационная функция заключается в выявлении характерных черт животного, анализе его сходств и различий с другими представителями фауны.

Информативная и коммуникативная функции научных названий воссоздаются благодаря включению данных единиц в информационный обмен, что дает возможность специалистам ориентироваться в многообразии птиц и отвечать на вопросы, связанные с орнитологией.

Н.Ю. Костина в монографии «Русские и английские названия птиц: опыт системно-сопоставительного описания», рассматривая орнитоним как термин, называет его номинативным знаком систематизированного научного знания [Костина 2012: 16]. Каждому термину, по ее мнению, соответствует строго отведенное место

в иерархии таксонов. Термины же интернациональны, так как они образуются по универсальным критериям. Например, таким критерием для орнитонимов является ряд признаков, выделяющих тот или иной вид птиц среди остальных: место обитания, размер птицы, окраска оперения всего тела или его части, форма тела или его части, особенности поведения и гнездования, а также характер питания [Костина 2012: 16].

Наиболее древние орнитонимы являются общими для многих тюркских, финно-угорских и тунгусо-маньчжурских языков. К ним относятся такие известные названия птиц, как, например, бөркет – орел, беркут, карчыга – ястреб, тавык – курица, лачын – сокол, бүдәнә – перепел, шоңкар – кречет, саескан – сорока и др. Общетюркский пласт составляют следующие орнитонимы: тургай – жаворонок, этәч – петух, үрдәк – утка и др.

Собственно татарские названия птиц формировались в ходе развития тюркской группы языков и дальнейшего ее разделения на различные языковые группы, поэтому в татарском в языке исконно татарских названий птиц значительно меньше. Это объясняется тем, что большая часть орнитологической лексики появилась в период тюркской и даже алтайской общности языков [Симакова 2003: 120]. Характерной особенностью орнитонимов, которые были образованы на основе татарского языка, является наличие ясной семантики и четкой структуры, например, чумгалак (нырок) – обозначает вид уток, которые искусно ныряют в воду. Название образовано от глагольной основы чум (ныряя). Карабүрек (снегирь) – название образовано путем сложения двух корней: кара – черный и бүрек – шапка.

При образовании названий птиц в татарском языке используются все способы словообразования. Наиболее продуктивный способ – суффиксальный: чум+га, кар+га, карлы+гач, яба+лак, акчар+лак и др. Следующий распространенный способ – словосложение: сиртмәкойрык – стрепет, каракош – орел и др. Эффективным также является способ лексико-семантического словосочетания: балыкчы карчыга – скопа, балан чыпчыгы – снегирь, эрәмә чыпчыклары – славковые и др. В развитии орнитологической лексики татарского языка значительна роль калькирования. Среди них выделяют точные (күзлекле бабакош – очковый пеликан) и полукальки (кара гриф – черный гриф) [Сафина 2006: 34].

Одними из самых ранних заимствований являются орнитонимы, имеющие арабо-персидское происхождение: ләкләк – аист, былбыл – соловей, һөдһөд – удод и др. Есть и русские заимствования, например, гагаралар – гагары. Через русский язык в татарский вошли и греко-латинские заимствования, а также западноевропейские названия: павлин (лат. pavo), гриф (гр. gryps).

Рассмотренные орнитонимы составляют самый древний пласт татарских названий птиц и употребляются во многих тюркских, финно-угорских, тунгусо-маньчжурских, монгольских языках. Наименования врановых также часто употребляются в речи.

Существенная часть орнитонимов современного английского языка представлена словами звукоизобразительного происхождения: к ним относятся ор-

нитонимы, появившиеся исключительно на основе звукоподражания, т.е. названия, непосредственно передающие звучание голоса птицы, а также орнитонимы, основанные на двух мотивировочных признаках и состоящие из двух основ, например, crane (лат. Grus) – журавль; орнитоним происходит от древнеанглийского cran, близким этому слову является древнесаксонское cranō. Они восходят к индоевропейскому корню gere-no-, от gere- «кричать резко, охрипшим голосом» [Бродович 2004: 80].

Звукоизобразительность, или примарная мотивированность, является процессом, напрямую связанным с явлением номинации. Ее изучение имеет глубокие корни, но лишь во второй половине XX в. исследования этого феномена достигли высокого теоретического уровня.

В настоящее время явление звукоизобразительности изучает особый раздел лингвистики – фоносемантика, которая использует методы типологии, этимологии и экспериментальной психолингвистики для изучения процесса звукоизображения.

Еще одну группу составляют орнитонимы, основным признаком для номинации которых стал «цвет». Важно отметить, что этот признак является довольно распространенным. Сюда входят орнитонимы, в которых мотивировочный признак указывается непосредственно через сам цвет (white, red) и через признак предмета, который обладает такими же цветовыми особенностями. Например, goldcrest (лат. Regulus regulus) – желтоголовый королек; вдоль темени этой птицы имеется желтая полоса, откуда и происходит название (gold «золотой» и crest «хохолок») [Бродович 2004: 82].

Наименования некоторых птиц в английском языке также появлялись благодаря следующим признакам. Во-первых, особенности телосложения (pin-tail (лат. Anas acuta) – шилохвость; самец этого вида птиц обладает заостренным хвостом, что и легло в основу наименования птицы; орнитоним состоит из основ: pin – булавка и tail – хвост). Во-вторых, место обитания (junco (лат. Junco) – юнко; орнитоним образован от испанского слова, восходящего к лат. Juncus – ситник (вид растения). В-третьих, привычки в питании (bee-eater (лат. Merops) – щурка; в рацион питания этих птиц входят осы и пчелы, что и легло в основу номинации). Кроме того, есть и иные мотивировочные признаки, куда входят все остальные названия птиц, мотив наименования которых не попадает ни в одну из вышеперечисленных подгрупп или же неясен.

Все классификации создаются учеными для удовлетворения своих научных потребностей, а процесс называния характеризует называющего (субъект) в большей степени, чем объект называния. По этой причине, как отмечает в своих поздних рассуждениях К.Г. Юнг, «сущность действительности не изменяется, если ей дают иное именование. Воздействию этого подвергаемся лишь мы сами» [Юнг 1996: 365].

Знание орнитонимов показывает богатство словарного запаса и широту мировоззрения, все пункты, раскрытые в данной статье, могут быть полезны

как в неформальном повседневном общении, так и в общении, имеющем официально-деловой характер.

В заключение необходимо подчеркнуть, что орнитонимы, как и любые номенклатурные единицы, выполняют не только номинативную, классификационную, информативную, коммуникативную, но и когнитивную функцию, закрепляя в языке и передавая последующим поколениям важную информацию о познавательной деятельности человека в сфере экологии. А экологические знания, нашедшие свое место в языке, не должны быть утрачены.

Список литературы

Бродович О. И. Звукоизобразительная лексика в английских диалектах: вариативность и фоносемантика / О. И. Бродович, Н. Н. Швецова // *Studia Linguistica XII. Перспективные направления соврем. лингвистики: сб.* – СПб: Изд-во РГПУ им. Герцена, 2004. С.80–84.

Костина Н. Ю. Русские и английские названия птиц: опыт системно-сопоставительного описания: монография. / Н. Ю. Костина. – Пенза: ПГПУ им. В. Г. Белинского, 2012. 164 с.

Сафина Э. И. Названия птиц в татарском языке и их лексикографирование / Э.И. Сафина. – Казань: Изд-во «Дом печати», 2006. 160 с.

Симакова О. Б. Лексико-семантическая группа «Орнитонимы» (на материале русского и французского языков): дис. ... канд. филол. наук. Пенза, 2003. 293 с.

Юнг К. Г. Поздние мысли // *Собрание сочинений. Дух Меркурий* / Пер. с нем. М.: Канон, 1996. С.343–373.

D.M. Aktirina

Student of the Institute of International Relations
Kazan (Volga region) Federal University

SPECIAL ASPECTS OF THE USE OF ORNITHONYMS IN ENGLISH AND TATAR LANGUAGES

The language and culture of each nation are closely intertwined and are a reflection of the picture of the world of its native speakers. This work is devoted to the study of the features of the use of ornithonyms in English and Tatar languages. The article considers the lexical and semantic group "ornithonyms" and its role in the English and Tatar languages. The place of ornithonyms in the system of linguistic realities is studied, as well as importance of this group of words in the perception of the surrounding reality by different peoples. The term "ornithonym" is understood as a nominative unit that serves to identify one bird among others.

Key words: ornithonyms; animal world; birds; linguistic realities; cultural and symbolic meaning.

УДК 81'44

Дарья Анатольевна Лактионова
студент кафедры романо-германских языков
Костромской государственной университет
dasha.laktionova@inbox.ru

ОЦЕНОЧНОСТЬ В АНГЛИЙСКИХ И РУССКИХ ПАРЕМИЯХ С СЕМАНТИКОЙ 'НАЧАЛА' И 'КОНЦА'

В статье исследуются языковые способы выражения оценки в английских и русских пословицах с семантикой «начала» и «конца». На примерах пословиц с выбранной семантикой показано, что наиболее характерной особенностью выражения оценки паремий является употребление этического и эмотивного компонента в обеих языковых картинах мира. Делается вывод о нравственных установках и общепринятых оценках данных этносов.

Ключевые слова: английские пословицы; русские пословицы; паремии; стилистические приемы; выразительные средства; оценочность.

В современной лингвистике проverbsиальная картина мира становится объектом многих исследований. Изучая паремиологический фонд языка, мы можем сформулировать выводы о специфических чертах данного этноса, репрезентирующих национальную идентичность.

Для полного понимания темы исследования, необходимо ознакомиться с понятием «паремия». Данный термин берет начало от греческого *παροιμία* – притча. В настоящее время понятие «паремия» рассматривается как наименование для обозначения народного изречения, в первую очередь пословиц. Л.Б. Кацюба дает следующее определение термина: «1. Пословица, изречение, краткое высказывание и суждение, относящееся к пословице; 2. Устойчивое высказывание, которое зачастую употребляется в переносном смысле, оформляется в виде простого или сложного предложения и несет в себе смысл, отражающий важные истины, принципы поведения или нравственные законы, которые сформированы на основе жизненного опыта» [Кацюба 2013: 67]. В английских источниках часто употребляется термин «*proverb*». Обратившись к «The Oxford English Dictionary», мы можем найти следующее определение пословицы: «*proverb – a well-known phrase or sentence that gives advice or says something that is generally true*» [The Oxford English Dictionary]. Рассмотрев варианты дефиниций термина «паремия» в английской и русской языковых картинах мира, мы можем сделать вывод о практически соразмерном смысле трактовок.

В качестве материала для исследования были выбраны словари «The Oxford Dictionary Of English Proverbs», «Пословицы и поговорки русского народа» В.И. Даля и «Фразеологизмы в русской речи» А.М. Мелеровича и В.М. Мокиенко.

В паремиях содержится совокупность значимых знаний, эксплицирующих систему общепринятых оценок. Анализ пословиц позволяет выявить морально-нравственные установки и сформулировать вывод о менталитете данного этноса. В современном обществе возрастает необходимость изучения ценностных категорий в культурном сознании этноса и способов их отражения в языковых картинах мира. В связи с этим, мы рассматриваем паремии с точки зрения лингвоаксиологии, что позволяет провести сравнительный анализ способов выражения оценки в русских и английских паремиях и выявить связь между понятиями «начало» и «конец». Вслед за А.Н. Барановым и Д.О. Добровольским, мы полагаем, что эти понятия образуют концептуальную зависимость [Баранов, Добровольский 2002: 32].

Объектом нашей работы является семантика 'начала' и 'конца' в английских и русских оценочных паремиях. Предметом – языковые способы представленности оценочной семантики в русских и английских пословицах.

Мы провели количественный анализ пословиц и проанализировали 62 паремии, среди которых было выявлено несколько видов оценки. В большинстве случаев оценочность выражалась через ряд компонентов: этический (37), эмоциональный (21), нормативный (4), интеллектуальный (1).

Анализируемые паремии можно разделить на две группы: те, в которых семантика 'начала' и 'конца' имеет оценочность, то есть сама является объектом и те, в которых данная семантика является характеристикой других объектов и указывает на их конечность. К первой группе относятся следующие английские паремии: «*a good beginning makes a good ending*», «*such beginning, such end*», «*good to begin well, better to end well*». В русских паремиях следует выделить следующие: «*доброе начало – полдела откачало*», «*не дорого начало, а похвален конец*», «*добрый конец всему делу венец*». Ко второй группе относятся пословицы: «*what the fool does in the end, the wise man does at the beginning*», «*love is sweet in the beginning but sour in the ending*», «*the end of passion is the beginning of repentance*». В качестве примеров русских пословиц приведем следующие примеры: «*сначала думай, а под конец делай*», «*была под венцом, так и дело с концом*», «*сначала густо, а под конец пусто*».

Рассмотрим первую группу англоязычных паремий. Ведущим стилистическим приемом здесь является сравнение, что придает пословице запоминающуюся выразительность: «*such beginning, such end*». В пословице «*a good beginning makes a good ending*» мы можем проследить ярко выраженную зависимость конца от начала и значимость качественного начального этапа.

В русских пословицах мы наблюдаем частое использование такого приема как рифма, что придает паремии особую благозвучность: «*добрый конец – всему делу венец*». Рассматривая семантику 'начала' и 'конца' в паремиологическом фонде английского и русского языков, мы можем сделать вывод о схожем смысле пословиц, в которых эксплицируется взаимозависимость данных концептов: «*доброе начало – полдела откачало*». Стоит особо отметить, что

прилагательные встречаются в пословицах обеих языковых картин мира чаще других частей речи.

Проанализируем вторую группу английских паремий, которые характеризуют объекты и явления, имеющие начало и конец. Наиболее употребляемыми стилистическими приемами являются антитеза и параллелизм. Также мы можем наблюдать использование контекстуальных антонимов, что выражает экспрессивную окраску: *«the end of passion is the beginning of repentance»*.

В русской пословице *«сначала густо, а под конец пусто»* ведущим стилистическим приемом является антитеза в сочетании с рифмой: «густо» – «пусто», что подчеркивает несоответствие деятельности субъекта на начальном этапе полученному результату.

Современные лингвисты рассматривают отдельные критерии оценки и на их основании выделяют различные классификации. Так, анализируя наличие эмотивного компонента, мы говорим о рациональной (интеллектуально-логической) и эмоциональной оценке [Карамова 2003: 52]. В качестве примера рациональной оценки приведем английскую паремию *«what the fool does in the end, the wise man does at the beginning»*. Использование стилистической фигуры параллелизм позволяет создать единый концептуальный образ. В русском языке близкой по смыслу является паремия *«сначала думай, а под конец делай»*. Здесь, помимо использования параллелизма, мы видим употребление побудительной конструкции императива, что указывает на важность анализа своих потенциальных действий перед их выполнением. Примером эмоциональной оценки является пословица *«love is sweet in the beginning, but sour in the ending»*. Для усиления контраста между начальным этапом романтических отношений и их завершением используются слова в метафорическом значении *«sweet»* и *«sour»*. В русских паремиях примером эмоциональной оценки является пословица *«была под венцом, так и дело с концом»*. Отметим, что здесь снова встречается рифма в сочетании с параллелизмом. Как мы видим, и в русских, и в английских паремиях для придания убедительности звучанию используется параллелизм. Данный стилистический прием в сочетании с антитезой и эпифорой эксплицирует аллитерационный и смысловой компоненты, в связи с чем паремии воспринимаются более ярко. Примечательно, что русские пословицы строятся на прямом обращении к человеку, а английские паремии описывают ситуации с позиции наблюдателя.

Согласно Е.М. Вольф, современные лингвисты, изучая оценочную модальность, рассматривают абсолютную и сравнительную оценки. «В формулировках первой используются такие термины, как ‘хорошо/плохо’, второй – ‘лучше / хуже’. При абсолютной оценке речь идет, как правило, об одном оценочном объекте, при сравнительной – имеются по крайней мере два объекта или два состояния одного и того же объекта» [Вольф 1985: 15]. Рассмотрим английскую пословицу *«all is well that ends well»* в качестве примера абсолютной оценки. В русском языке ее эквивалентом является паремия *«все хорошо, что хорошо кончается»*. В обоих случаях мы можем наблюдать использование та-

кого явления, как тавтология, что придает гармоничность звучанию поговорки. Проанализируем сравнительную оценку, рассмотрев поговорку «*better come at the latter end of a feast than the beginning of a fray*». Здесь мы видим использование контекстуальных антонимов «feast» – «fray», что усиливает контраст между началом и концом данных событий. Рассмотрим русскую поговорку «*чем иметь счастливое начало, лучше иметь счастливый конец*» с ярко выраженной сравнительной оценкой. В данном случае прилагательное «счастливый» является ведущей частью речи в поговорке для выражения оценочности. Как мы видим, в обоих языках антитеза придает поговоркам экспрессивность и создает противопоставление между частями предложения, а параллелизм делает поговорки благозвучными.

В современной лингвистике объект анализируется с позиции традиционной народной морали [Соладткина 2011: 41]. В данном случае мы рассматриваем этическую оценку. В качестве примера приведем английскую поговорку «*liars begin by imposing upon others, but end by deceiving themselves*». В этой поговорке использование пейоративной лексики выражает негативную оценку, что указывает на несоблюдение норм морали субъектом деятельности. Рассмотрим русскую поговорку «*как веревочке ни виться, а конца не миновать*». Здесь мы также наблюдаем выражение негативной оценки, которая подчеркивает, что любое безнравственное действие субъекта в определенный момент времени станет очевидным и приведет к общественному порицанию.

Проанализировав различные поговорки, мы делаем вывод, что каждое явление имеет начало и конец, которые, в свою очередь, являются взаимозависимыми понятиями. Отметим, что начало и конец – это конструкторы обыденного сознания, которые имеют частое употребление в идиоматике для вторичной номинации самых разных существностей.

Рассмотрев оценочность поговорок, проанализированных в данной работе, мы можем сделать следующие выводы:

1. Понятия ‘начало’ и ‘конец’ образуют концептуальную зависимость в обеих языковых картинах мира.

2. И в русских, и в английских поговорках наиболее употребляемой частью речи для выражения оценки является прилагательное.

3. Русские и английские оценочные поговорки различны по своей структуре: русские поговорки представлены в виде совета-наставления, в то время как английские поговорки не содержат в себе прямого обращения к человеку.

4. В английских поговорках одним из ведущих стилистических приемов для выражения оценки является антитеза, в то время как в русских поговорках главную роль занимает параллелизм.

5. Оценочность в обеих языковых картинах мира часто выражается через этический и эмотивный компоненты, некоторые примеры поговорок эксплицитно сразу несколько видов оценки.

Таким образом, паремиологический фонд английского и русского языков репрезентирует оценку вариаций отношений и ситуаций, существующих в данных этносах.

Список литературы

Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 337 с.

Баранов А. Н., Добровольский, Д. О. ‘Начало’ и ‘конец’ в русской идиоматике // Логический анализ языка. Семантика начала и конца, 2002. С.27–35.

Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985. 258 с.

Даль В. И. Пословицы и поговорки русского народа. URL: <https://vdahl.ru/> (дата обращения: 4.05.2021).

Карамова А. А. Категория оценки в современном русском языке: учебное пособие. Уфа, 2003. 51 с.

Кацюба Л. Б. Определение паремии (лингвистический аспект дефиниции) // Вестник ЮУрГУ, 2013. № 1. С.65–67.

Мелерович А. М., Мокиенко В. М. Фразеологизмы в русской речи. М : Русские словари, 1997. 863 с

Солдаткина Т. А. Паремии с оценочным концептом в сознании человека// Вестник Вятского государственного гуманитарного университета, 2011. № 4. С.38–42.

The Oxford English Dictionary. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/proverb?q=proverb> (дата обращения: 25.04.2021).

D.A.Laktionova

Student of the Faculty of Romano-Germanic Languages
Kostroma State University

EVALUATION IN ENGLISH AND RUSSIAN PAROEMIAS WITH THE SEMANTICS OF ‘BEGINNING’ AND ‘ENDING’

The article is devoted to the investigation of the linguistic ways of expressing evaluation in English and Russian proverbs with the semantics of ‘beginning’ and ‘ending’, which allows us to make a conclusion about the moral attitudes and generally accepted values of these ethnic groups. Using the examples of the proverbs with the chosen semantics, the authors achieve that the most characteristic feature of the expression of the evaluation of paroemias is the use of an ethical and emotive components in both linguistic views of the world.

Key words: English proverbs; paroemias; stylistic devises; means of expression; evaluation

УДК 81'27 + 811.581

Юнню Ли
аспирант филологического факультета
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
844238106@qq.com

ЛЕКСЕМА *СЧАСТЬЕ* В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ

Статья посвящена результатам лингвистического эксперимента, целью которого являлось выявление национально-специфических особенностей значений и личностных смыслов, закрепленных за словом *счастье* в представлениях китайских студентов. Материалом исследования являются данные лингвистического эксперимента, в котором 20 китайских информантов давали толкования слова *счастье*. Выборка информантов сбалансирована по стратам «возраст», «гендер» и «специальность». Анализ данных эксперимента показал, что китайские информанты понимают слово *счастье* как состояние удовлетворенности жизнью и чувство радости.

Ключевые слова: язык; языковое сознание; лексическое значение слова; семантическая структура лексемы; социальная группа.

Язык как система знаков, созданная людьми в процессе длительного производства, играет важную роль в нашей жизни как инструмент коммуникации, инструмент мышления и инструмент культурного наследия. Разные ученые определяют язык по-разному. Мы разделяем точку зрения Пермской школы социолингвистики: язык является не только «социальной структурой, обусловленной социальным контекстом своего функционирования», но и «внутренней психической структурой, которая представляет собой составляющую сознания, базу речевой способности индивида» [Доценко, Е.В. Ерофеева, Т.И. Ерофеева 2010: 147].

Слово является основной единицей языка, которая «представляет собой и фонетическое, и морфологическое, и лексико-семантическое целое» [Шмелев 1977: 49–50]. За термином «слово» скрываются разные понятия, например, лексема. «Лексема, являясь по существу множеством словоформ, обладает лексическим значением (собственным специфическим значением)» [Кронгауз 2005: 102]. Как пишет А.А. Уфимцева, «основной, предельной единицей лексического уровня языка является слово как единое целое в совокупности всех его форм и значений, называемое традиционно лексемой. Предельной же единицей (содержания) семантического уровня слова является, соответственно, словарное значение лексемы как единицы номинации или определенная обобщенно-грамматическая значимость, которой слово обладает как определенный элемент грамматического строя языка» [Уфимцева 1968: 251].

В словаре лингвистических терминов Т.В. Матвеевой семантической структуре слова дается следующее определение: «Семантическая структура слова – это строение лексического значения слова. Представление о семантической структуре слова выработано на основе компонентного семантического анализа, т.е. деления значения на мельчайшие далее неделимые компоненты – семы» [Матвеева 2010: 406].

Рассматривая в работе лексические значения, мы опираемся на определение И.А. Стернина: «Лексическое значение обусловлено рядом как лингвистических, так и экстралингвистических факторов, к которым относятся, в первую очередь, реальная действительность (отношение к предмету), мышление (отношение к понятию), языковая система (отношение к языку), эмоционально-оценочное отношение человека к обозначаемому» [Стернин 2002: 51].

В настоящей статье мы рассматриваем языковое сознание китайских студентов. Соглашаясь с точкой зрения Е.Ф. Тарасова, что языковое сознание – это «совокупность перцептивных, концептуальных и процедурных знаний носителя культуры об объектах реального мира» [Тарасов 2000: 4], понимаем языковое сознание в этническом аспекте как «часть национального сознания, способ вербального восприятия и отражения образа мира с помощью психических процессов порождения и восприятия речи, а также как опосредованную языком форму жизнедеятельности этноса, механизм его адаптации к окружающему миру» [Абильдинова 2017: 39].

Основными методами исследования являются метод компонентного анализа и метод конструирования семантической структуры лексемы.

С целью выявления национальных особенностей понимания слова *счастье* нами был проведен эксперимент с носителями китайского языка. Мы пригласили 20 китайских информантов принять участие в этом эксперименте. Все информанты – студенты, проживающие в городах (Циндао, Хэфэй, Шанхай, Гуанчжоу), их возраст – от 20 до 24 лет. Выборка информантов была сбалансирована по гендеру и специальности (гуманитарии/не гуманитарии).

При анализе использовано членение семантической структуры. Нами рассматривались следующие зоны:

Первая зона (ядерная) включает самые частотные семы, обозначающие постоянные, обязательные и неустраимые признаки предмета.

Вторая зона (предъядерная) – зона важных для информантов актуальных смыслов с достаточно высокой частотой сем.

Третья зона (периферия) – зона индивидуальных реакций, в которых выделяемые семы каким-либо образом уточняют актуальные смыслы слова.

Распределение сем по зонам позволяет выявить актуальные семы в понимании слов. Зоны разделяются с помощью метода перепада.

Реакции информантов были обработаны с помощью выделения сем. В ответах информантов-женщин мы получили 9 сем: *состояние удовлетворенности жизнью* (6 ответов), *наслаждение в жизни* (3 ответа), *чувство радости* (3 ответа), *удача* (2 ответа), *быть любимым* (2 ответа), *забота о любимых, семье* (2 от-

вета), *ожидание будущего, исполнение желания, средство достижения целей, состояние отсутствия боли* (на каждую из данных пяти сем приходилось по одному ответу).

Данные семы можно представить графически. Получим семантическую структуру лексемы *счастье*, репрезентированную в языковом сознании китайских информантов-женщин (см. Рис.1).

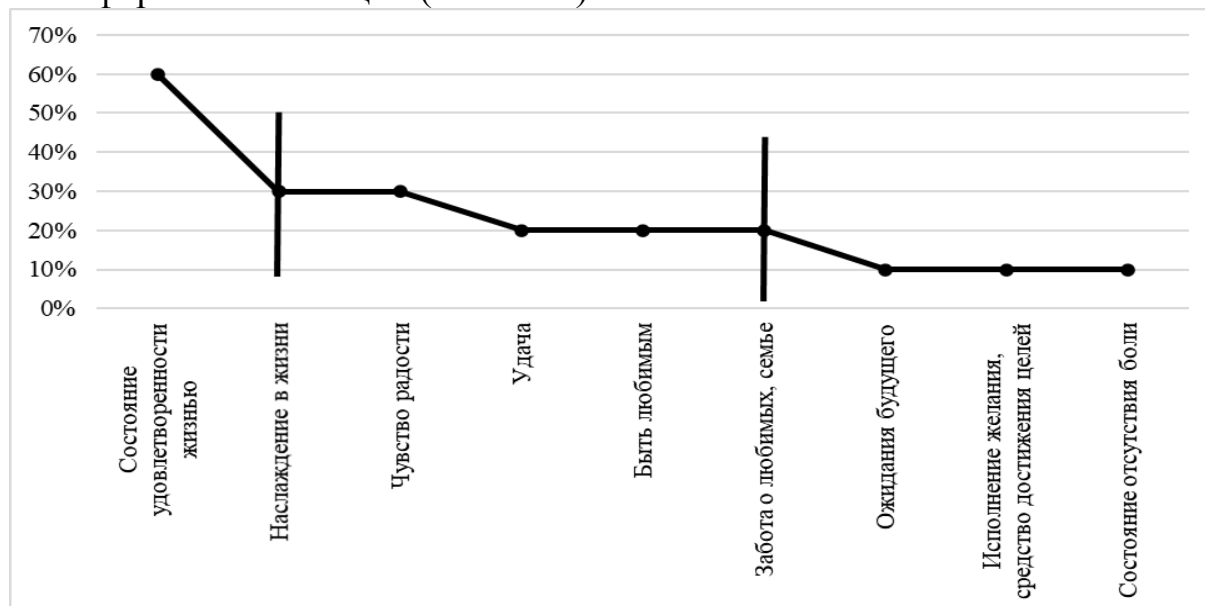

Рис. 1. Семантическая структура лексемы *счастье* в сознании китайских информантов-женщин

Ядро состоит из одной семы – *состояние удовлетворенности жизнью*, которая является самой частотной семой и составляет 60% ответов китайских женщин.

Предъядерная зона включает такие семы, как *наслаждение в жизни, чувство радости, удача, быть любимым, забота о любимых, семье*.

Периферийную зону составляют семы *ожидание будущего, исполнение желаний, средство достижения целей, состояние отсутствия боли*.

Следовательно, счастье в языковом сознании китайских женщин – это *состояние удовлетворенности жизнью*, возможность наслаждаться жизнью, чувство радости и забота о семье.

В ответах информантов-мужчин выделено 9 сем: *чувство радости* (5 ответов), *состояние удовлетворенности жизнью* (4 ответа), *эмоциональное чувство* (2 ответа), *беззаботность* (2 ответа), *здоровье, цельное, неразделимое чувство, разные уровни проявления чувства, устойчивость и стабильность, комфорт и спокойствие* (на каждую из данных пяти сем приходилось по одному ответу).

Полученные данные семы можно представить графически с помощью метода конструирования семантической структуры лексемы (см. Рис.2).

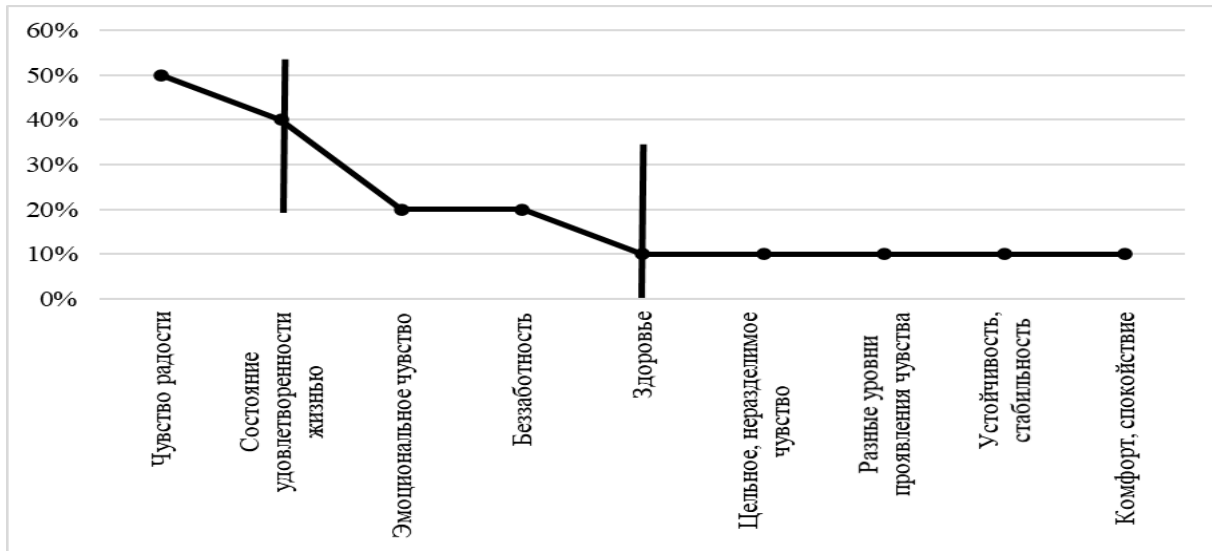

Рис. 2. Семантическая структура лексемы *счастье* в сознании китайских информантов-мужчин

Ядро представлено одной семьей – *чувство радости*, которая является самой частотной семьей – 50% ответов китайских информантов.

Предъядерная зона включает следующие семьи: *состояние удовлетворенности жизнью, эмоциональное чувство, беззаботность*.

Периферийную зону составляют 5 сем: *здоровье, цельное, неразделимое чувство, разные уровни проявления чувства, устойчивость и стабильность, комфорт и спокойствие*.

Следовательно, счастье в языковом сознании китайских мужчин определяется семьей *чувство радости*, в котором важное место занимает состояние удовлетворенности жизнью. Оно означает беззаботность и здоровье человека. Счастье также является цельным и эмоциональным чувством.

Сопоставим ответы, данные на слово *счастье* китайскими информантами-женщинами и мужчинами (см. Табл.1).

Таблица 1

Сопоставительный анализ ответов китайских информантов на слово *счастье*

Ядро	
Кит. Жен	Кит. муж
Состояние удовлетворенности жизнью	Чувство радости
Предъядерная зона	
Кит. Жен	Кит. муж
Наслаждение в жизни Чувство радости Удача Быть любимым Забота о любимых, семье	Состояние удовлетворенности жизнью Эмоциональное чувство Беззаботность
Периферийная зона	
Кит. Жен	Кит. муж
Ожидания будущего Исполнение желания, средство достижения целей Состояние отсутствия боли	Здоровье Цельное, неразделимое чувство Разные уровни проявления чувства Устойчивость, стабильность Комфорт, спокойствие

Из таблицы видно, что ядерная зона слова *счастье* у китайских мужчин и женщин различна, для китайских женщин счастье – это состояние удовлетворенности жизнью, а для китайских мужчин – чувство радости.

Предъядерная и периферийная зоны у китайских женщин включают 8 сем. Важными семами являются *наслаждение в жизни, чувство радости*. Для женщин счастье означает удачу и быть любимой в жизни. Забота о любимых и семье также занимает важное место в понимании счастья. Когда у женщин есть надежда на будущее, когда они достигают своих целей или находятся в беззаботном состоянии, они будут чувствовать себя счастливыми.

Предъядерная и периферийная зоны в ответах китайских информантов-мужчин представлены также 8 семами. Для мужчин счастье – это состояние удовлетворенности жизнью, но в то же время это эмоциональное и цельное чувство, беззаботная жизнь и здоровье. По мнению мужчин, у разных людей разные стандарты счастья, поэтому оно проявляется на разных уровнях, но при этом связано с устойчивостью, стабильностью, чувством комфорта и спокойствия.

Можно отметить общие семы в понимании счастья китайскими мужчинами и женщинами, обнаруженные в ядерной и предъядерной зонах.

Например, счастье как состояние удовлетворенности жизнью совпадает с определением «Словаря современного китайского языка» 2017 г., где первое значение формулируется как «обстоятельства и жизнь, в которых люди чувствуют себя комфортно». Общей семой является сема *чувство радости*, которая играет важную роль в сознании китайских информантов.

Таким образом, результат нашего исследования отражает особенности значений и личностных смыслов, закрепленных за словом *счастье* в представлении китайских информантов. Мы считаем, что исследование результативно, а его данные могут быть использованы для последующего изучения морально-этических представлений лексических единиц в китайском социуме.

Список литературы

Абильдинова Ж. Б. Языковое сознание как психолингвистический феномен // Нефилология. 2018. Т4. № 14. С.33–43

Доценко Т. И., Ерофеева Е. В., Ерофеева Т. И. Пермская школа социолингвистики: теоретические и методологические основания // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. Вып. 2(8). С.144–155.

Кронгауз М. А. Семантика. М.: Издательский центр «Академия», 2005. 352 с.

Матвеева Т. В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д: Феникс, 2010. 562 с.

Стернин И. А. Коммуникативное и когнитивное сознание // С любовью к языку. М.: Изд. Воронеж, 2002. С.44–51.

Словарь современного китайского языка. Пекин: Коммерческое издательство, 2017. 1471 с.

Трасов Е. Ф. Языковое сознание – перспективы исследования // Языковое сознание: содержание и функционирование: матер. XIII Междунар. симп. по психолингвистике и теории коммуникации. М, 2000. С.3–4.

Уфимцева А. А. Слово в лексико-семантической системе языка. М.: «Наука», 1968. 272 с.

Шмелев Д. Н. Современный русский язык. М.: Лексика, 1977. 333 с.

Li Yongnuo

Master Student of Philological Faculty

Perm State University

LEXEME HAPPINESS IN THE LANGUAGE CONSCIOUSNESS OF CHINESE UNIVERSITY STUDENTS

The article is devoted to the results of a linguistic experiment, the purpose of which is to identify the nationally-specific features of the meanings and personal meanings assigned to the word happiness in the representations of Chinese students. The research material is the data of a linguistic experiment in which 20 Chinese informants interpreted the word happiness. The sample of informants is balanced according to the strata “age”, “gender” and “specialty”. Analysis of the experimental data showed that Chinese informants understand the word happiness as a state of satisfaction with life and a feeling of joy.

Key words: language; linguistic consciousness; lexical meaning of the word; the semantic structure of the lexeme; social group.

УДК 81-119

Ксения Евгеньевна Старкова
студент филологического факультета
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
starkovak24@gmail.com

УПОТРЕБЛЕНИЕ ЭВФЕМИЗМОВ АЛКОГОЛЬНОЙ ТЕМАТИКИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Эвфемизация (замена грубых, обидных, нежелательных слов или словосочетаний на нейтральные смягчающие слова) рассматривается как один из активных процессов в языке, гармонизирующих речь современных его носителей. В статье представлены результаты исследования одной семантической группы (о пьянстве), широко представленной в русской языковой картине мира и позволяющей увидеть, как стилистическую неоднородность эвфемизмов исследуемой тематики, так и некоторые их лингвокультурологические особенности.

Ключевые слова: эвфемизация; эвфемизмы об алкоголизме; стилистические и лингвокультурологические особенности.

На современном этапе развития русского языка явление эвфемизации оценивается как одно из активных и ярких, участвующих в формировании тенденции к интеллектуализации языка, которая противостоит тенденции к демократизации (к общему «снижению стиля») и способствует гармонизации языка. Эвфемизмы облагораживают речь современного человека, делают ее менее грубой и вульгарной, а потому заслуживают особого внимания со стороны специалистов.

Среди эвфемизмов можно выделить довольно много тематических групп (о рождении, о смерти, о дьяволе, об отношениях мужчины и женщины и мн. др.) Мы выбрали для изучения такую тематическую группу, как «алкоголь» и «алкоголизм», поскольку она, как показал анализ материала¹, является довольно многочисленной в русском языке, что, по-видимому, определенным образом свидетельствует о серьезности проблемы алкоголизма в обществе.

На материале первого словаря эвфемизмов русского языка Е.П. Сеничкиной (2008 г.) нами были обнаружены 139 эвфемизмов об алкоголе и алкоголизме. Мы определили 5 микротем этой тематической группы. В представленной ниже диаграмме (Рис. 1) видно количественное соотношение этих микротем.

Среди национальных русских эвфемизмов изученных нами групп на первом месте оказалась тематическая группа *О пьянстве*. При этом она дробится на микротемы, что вместе с многочисленностью эвфемизмов (139 единиц) говорит о явной «проработанности» данной темы в рамках русской лингвокультуры. Назовем эти микротемы и приведем примеры эвфемизмов по каждой из них: **постоянно пьющий человек** (*Алкоголик, Асоциальная категория населе-*

ния, *В питии усердный, Клюквенный нос (нос пьяницы), Поклонник (угодник) Бахуса, Поклонник Вакха, Пьющий, Пьяница, Употребляющий*); **пьяный, выпивать** (*В градусе, В подпитии, В хмельном виде, Клюкать (клюкнуть), Лечить (полечить), Нарядный*), **спиртное** (*Горчайшая, Ерофеич, Горячительные (увеселительные, крепкие, спиртные) напитки, Горячительное, Огненная вода, Дары Вакха, Живая вода, Жидкая валюта, Заряд, Зеленый змей, Злая водица, Литровка, Литрочка, Маленькая (бутылка 0,25), Медицинский раствор, Питие, Эликсир*). Как видно из примеров, эвфемизмы этой группы не только передают нюансы самого состояния опьянения (от легкого опьянения до стадии запоя), но и представляют полную палитру стилистически разнородных эвфемизмов данной тематической группы (от разговорных (*Клюкать, Трахать* и под.) до слов высокого стиля (*Дары Вакха, Угодник Бахуса* и под.) и лексики научной и официально-деловой (*Алкоголизм, Асоциальная категория населения, В состоянии сильного алкогольного опьянения* и под.). В любом случае эвфемизмы на эту тему, несмотря на то что в определенной степени реализуют свое предназначение (позволяют уйти от нежелательных прямых высказываний), все же не несут необходимой нейтральности, а остаются весьма оценочными словами.

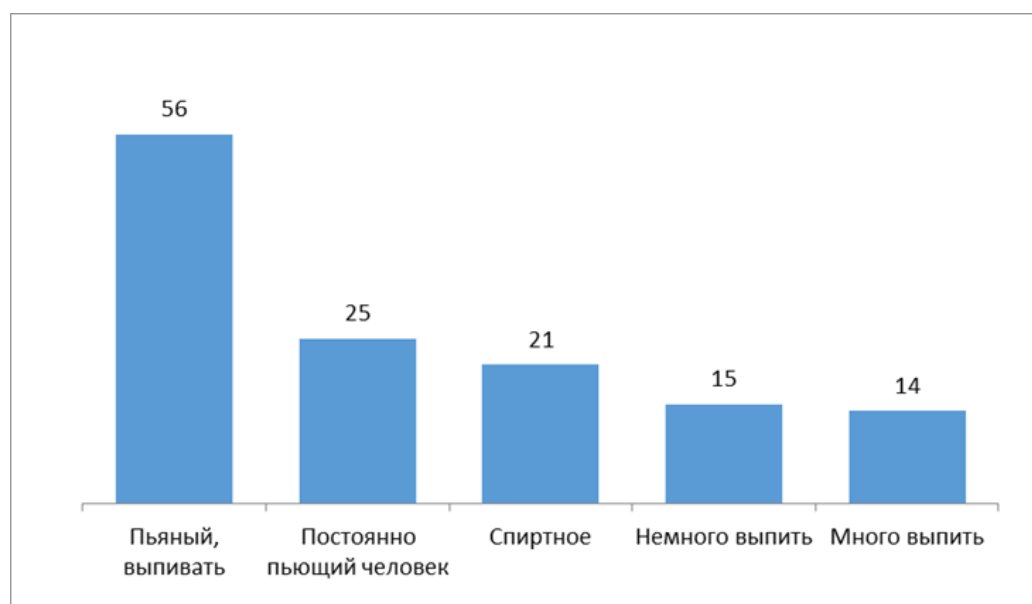

Рис. 1.

По диаграмме видно количественное преимущество микротемы «пьяный, выпивать» (см. примеры: *В неподобающем виде, В нетрезвом виде (состоянии), В состоянии алкогольного опьянения, Нарядный, Нетрезвый; Впрыскивать, За галстук (за воротник) закладывать (заливать, пропускать, трахать), Лечиться, Пить горькую, Приговорить бутылочку, Принять на грудь, Раздавить бутылочку, Сообразить на троих* и т.д.). Эвфемизмы в таком значении более распространены, поскольку имеют обобщенное значение и могут быть применимы практически к любому человеку в ситуации алкогольного опьянения. Это не относится к микротемам «немного выпить» и «много выпить», где эвфемиз-

мы несут более конкретную смысловую нагрузку. Сравним на примерах: *тепленький* – пьяный; *навеселе* – слегка пьяный; *никакой* – сильно пьяный. По микротеме «спиртное» видно разнообразие наименований алкогольных напитков. По-видимому, они возникли из-за нежелания называть напрямую алкоголь, ассоциирующийся с непристойным занятием человека, а потому можно говорить о заметной тенденции к завуалированию прямого значения слов. Например, водку предпочитают называть более приятными для слуха образными оборотами *живая вода, жидкая валюта, увеселительный напиток, эликсир*.

На основе помет, указанных в словарных статьях самим автором словаря эвфемизмов, нами был проведен стилистический анализ эвфемизмов алкогольной тематики. Из 139 эвфемизмов было выделено 7 стилистических групп (см. Рис. 2).

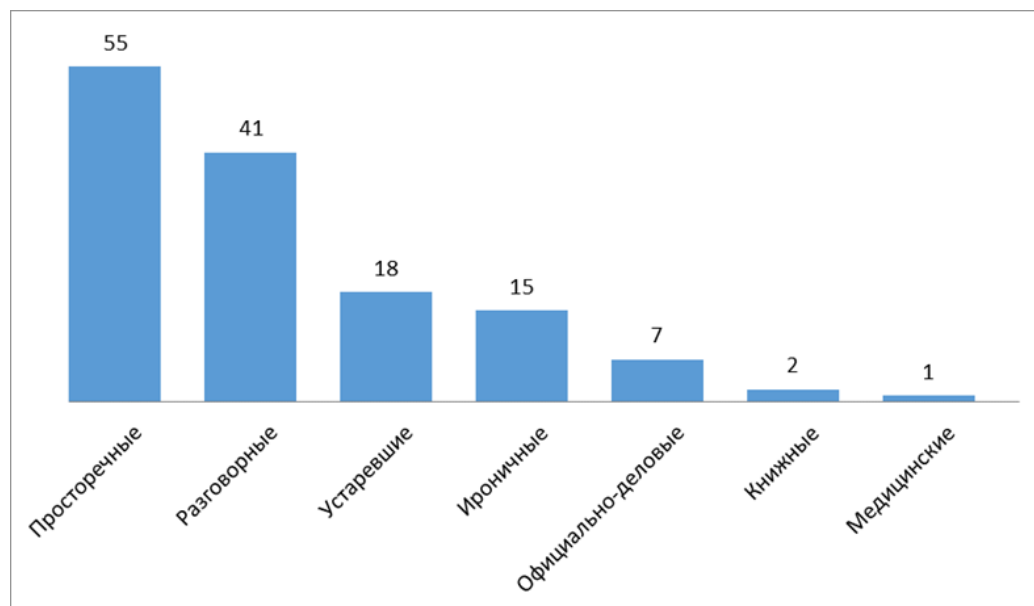

Рис. 2.

По диаграмме видно, что выявленные эвфемизмы стилистически разнородны. Мы пришли к выводу, что большинство эвфемизмов относятся к **просторечной** (55) лексике, то есть к нелитературным компонентам языка (*алканавт, закрутить, под мухой, раздавить бутылочку, поправляться*). Это объясняется тем, что сама ситуация алкогольного опьянения связана с частной жизнью человека, а потому здесь уместна именно сниженная лексика, не входящая в состав литературного языка. Далее по количеству идут **разговорные** (41) (*веселенький, крепкие напитки, заливать горе, любитель выпить*). Разговорный стиль также обеспечивает неформальное общение. Основную часть разговорной речи составляет обычная, нейтральная, общелитературная лексика. Неофициальное, непосредственное общение, не оставляющее времени на поиск слова, создает психологические предпосылки для появления окказиональных обозначений и эвфемизмов. Следующие по численности – **устаревшие** (18) (*бахический, поклонник Вакха, Ерофеич, зеленый змий*), сюда относятся слова, которые больше не употребляются или употребляются

ся очень редко. Их можно отнести к стилистически окрашенной группе, по сути своей эти слова относятся как к разговорным и просторечным, так и к книжным. Можно предположить, что некоторые слова из представленных стилистических групп также в скором времени выйдут из обращения и тоже будут считаться устаревшими. Далее – **ироничные** эвфемизмы (15): *кренделя ногами выводить, на автопилоте, под веселую руку, национальный спорт* и под. Следующие по количеству идут **официально-деловые** (7) (*в состоянии алкогольного опьянения, асоциальный, пагубная привычка, распитие*); **книжные** (2) (*дары Вакха, подшофе*) и самая малочисленная – **медицинские** (1) (*дипсомания*). В этих стилистических группах эвфемизмы на тему пьянства встречаются уже не так часто, носят более официальный характер.

Распределение эвфемизмов по стилистическим группам показало степень вовлеченности русскоговорящего населения в данную тематику, также показало сферы речи, которые наиболее подвержены применению эвфемизмов об алкоголизме. Несмотря на то, что большинство эвфемизмов относятся к просторечию и разговорному стилю, все же можно сделать вывод о стилистической разнородности эвфемизмов на тему пьянства, они действительно встречаются в разных сферах человеческой жизни.

Это подтвердил также анализ живой речи по материалам национального корпуса русского языка. Для примеров нами были взяты 5 групп эвфемизмов алкогольной тематики: за пределами литературного языка, официально-деловые, устаревшие, ироничные, книжные. Мы пришли к выводу, что эвфемизмы тематической группы «алкоголизм» встречаются в текстах разных стилей и жанров: в художественной литературе, в общественных форумах, в криминальной хронике и репортерских заметках. Однако мы заметили, что далеко не в каждом случае употребления заявленных слов мы видим результат процесса эвфемизации, контексты показали, что слова употребляются не всегда в эвфемистическом значении (например, *грузный* – тяжеловесный, а не сильно пьяный; *веселый* – жизнерадостный, а не пьяный). Также мы заметили, что довольно многие анализируемые нами слова не встречаются в национальном корпусе языка вообще (такие как *булавка в голове, переложить лишнего, Бахический, дары Вакха, выделявать антраша*). Возможно, эвфемизмы алкогольной тематики, зафиксированные в словаре эвфемизмов, утратили свои значения в современном русском языке и не являются столь актуальными, как это было раньше (см. Рис. 3).

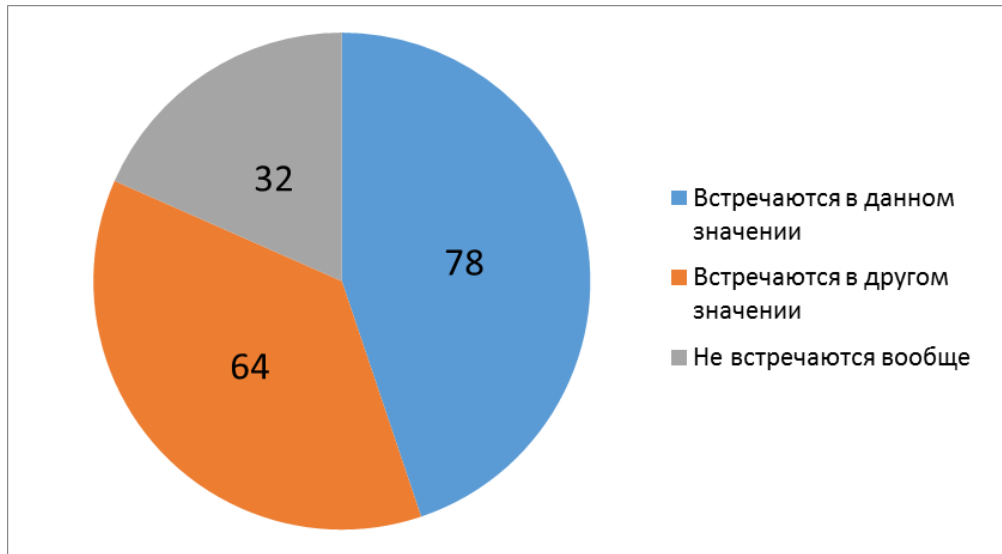

Рис. 3

Таким образом, эвфемизмы алкогольной тематики служат для замены различного рода неприятных прямых наименований, вызывающих такие эмоции, как стыд, отвращение, неудобство и подобные. Хотя многие из эвфемизмов об алкоголизме и сохраняют оценочные значения (и даже иногда негативные), все же в целом они реализуют свое предназначение: позволяют уйти от первоначальных нежелательных высказываний к чему-то более нейтральному, этичному и эстетичному.

Примечание

¹ Имеется в виду работа Т.Б. Карповой и Янь Сяои «Эвфемизмы в русском и китайском языках: универсальное и национальное». В статье рассматривались различные тематические группы эвфемизмов в сравнении с китайским языком.

Список литературы

Арапова Н. С. Лингвистический энциклопедический словарь / В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. 683 с.

Карпова Т. Б., Янь Сяои. Эвфемизмы в русском и китайском языках: универсальное и национальное // филология в XXI веке – №2(4). Пермь, 2019. С.35–41.

Ковшова М. Л. Семантика и прагматика эвфемизмов: Краткий тематический словарь современных русских эвфемизмов / Лузина Л. Г. М.: Гнозис, 2007. 319 с.

Крысин Л. П. Эвфемизмы в современной русской речи. / Русистика. №1–2. Берлин, 1994. С.384–408.

Москвин В. П. Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка. М: Ленанд, 2010. 260 с.

Мухамедьянова Г. Н. Эвфемия в современной общественно-политической речи: монография. Уфа, 2009. 114 с.

Сеничкина Е. П. Словарь эвфемизмов русского языка / Цой А. С. М.: Флинта: Наука, 2008. 464 с.

Шмелев Д. Н. Эвфемизм. Русский язык. М.: Энциклопедия, 1979. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/new/index.html> (дата обращения: 01.03.21).

К.Е. Starkova

Student of Philological Faculty

Perm State University

CONSUMPTION OF EUPHEMISMS OF ALCOHOLIC THEME IN RUSSIAN LANGUAGE

Euphemization (the replacement of rude, offensive, undesirable words or phrases with neutral softening words) is considered as one of the active processes in the language that harmonize the speech of its modern speakers. The article presents the results of a study of one semantic group (about drunkenness), which is widely represented in the Russian language picture of the world and allows us to see both the stylistic heterogeneity of the euphemisms of the subject under study, and some of their linguistic and cultural features.

Keywords: euphemization; euphemisms about alcoholism; stylistic and linguoculturological features.

РЕГИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА И ФОЛЬКЛОР

УДК 82-94

Алена Вячеславовна Смирнова
студент филологического факультета
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
alenasmirnova21082000@yandex.ru

«КАЖДЫЙ БОЖИЙ ДЕНЬ ПИШУ»: ОТРАЖЕННАЯ СЕЛЬСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ В ДНЕВНИКЕ В.И. ИВАНОВОЙ

В статье на материале нелитературного дневника В.И. Ивановой анализируется повседневность сельского жителя второй половины XX – начала XXI в. В дневниковом тексте выявляются упоминаемые топосы, анализируются описания отношений между людьми и ежедневно прodelываемых действий, на основе которых реконструируется картина мира автора. Делается вывод о значимости дневника В.И. Ивановой как исторического источника, о принадлежности автора дневника к полутрадиционному обществу, которое, сохраняя черты традиционного, характеризуется постепенным переходом к новым поведенческим практикам.

Ключевые слова: повседневность; эго-документы; дневник; наивные тексты; полутрадиционное общество.

В настоящее время в исторических исследованиях бурно развивается направление, основанное на использовании концепции повседневности. Неспадающий рост его популярности можно связать с антропологическим поворотом, который ставит повседневность в фокус исследовательского внимания, а также с тем, что «изучение повседневности позволяет создать многомерную картину культуры в ее противоречивости и целостности» [Капкан 2016: 5].

Категория повседневности может рассматриваться на разном материале. При анализе повседневной картины мира могут быть полезны и дневниковые тексты, интерес к которым на сегодняшний день возрастает среди исследователей, занимающихся народной культурой, современным фольклором и «парафольклорными» традициями. Дневник – это «литературное произведение в форме регулярных записей, современных описываемым событиям» [Русова 2004]. Именно в дневнике автор наиболее полно, от первого лица, отражает свой обычный уклад жизни, фиксируя важные события дня.

Значимой ступенью в изучении наивных дневниковых текстов стала книга Н.Н. Козловой и И.И. Сандомирской [Козлова 1996]. Активную деятельность по изучению наивной словесности ведет С.Ю. Неклюдов в Институте высших гуманитарных исследований РГГУ. В Пермском государственном национальном исследовательском университете сотрудниками лаборатории региональной лексикологии и лексикографии (рук. И.И. Русинова) изучен и в 2007 г. опубли-

кован дневник Марии Петровны Сусловой, жительницы с. Камгорт Пермского края. Отраженная в дневнике повседневность также рассматривалась в исследовании А.А. Арустамовой «Дневник М.П. Сусловой: Человек – природа – социум» (2016). Наиболее активно оцифровкой и публикацией дневников на сегодняшний день занимается Центр изучения эго-документов «Прожито» Европейского Университета в Санкт-Петербурге (рук. М. Мельниченко).

Нам кажется интересным проанализировать и охарактеризовать отраженную повседневность на примере дневника Василисы Ивановны Ивановой (1933 г.р.), жительницы д. Новоселова Юрлинского района, который она писала на протяжении двадцати трех лет. Дневник состоит из трех сохранившихся в хорошем состоянии тетрадей: первая включает в себя записи с 1990 по 2006 г., вторая – с 2006 по 2013, третья – с июля 2013 по июль 2014 г. В тетради вложены открытки, брошюры, бумажные иконы, записи рецептов, фотографии, заметки и т.д. Фотокопии дневника были сделаны во время краеведческой и диалектологической практики 2014 г. и затем переданы в архив лаборатории теоретической и прикладной фольклористики ПГНИУ. Дневник еще не стал материалом исследований, и его анализ может внести вклад в изучение повседневности сельского жителя XX – XXI века, отражаемой сельскими нелитературными дневниками.

Повседневность можно характеризовать как «целостный социокультурный жизненный мир, представляющий в функционировании общества как “естественное”, самоочевидное условие человеческой жизнедеятельности» [Козлова 1998: 318]. Определяет повседневное существование ряд феноменов, которые можно классифицировать как объекты трех видов:

1. Природные (к ним можно отнести среду обитания человека, вещи «вокруг» и «для» него);
2. Социальные (включают общественные обязанности, девиантное поведение, профессиональную деятельность и т.д.);
3. Ментальные (состоят из ценностных представлений, гендерных, возрастных установок, общей культуры) [Банникова 2011: 21–22].

В нашем исследовании мы будем анализировать повседневность в соответствии с данной классификацией.

При характеристике отраженной повседневности важным является пространственно-временной аспект, который включает природные объекты. В дневнике В.И. Ивановой представлены несколько уровней организации времени.

Один из уровней – «историческое время». Так как дневник велся на протяжении достаточно долгого периода (23 года), он успел отразить события жизни автора, его родственников, друзей («30- Золотая свадьба», «24- 7- Холодильник купила», «15/IX Приезжали Ольга с ребятами» и т.д.), политические и общественные явления разной степени значимости («1-30- Патриарх Кирилл стал святейшим всея Руси», «разбился самолет», «14.3 -7 Выборы президента» и т.д.). С юности привыкшая к активной политической жизни («Я депутатом

сколько...созыва была...четыре или пять-ли. На два года»), Василиса Ивановна признается, что многим интересуется, следит за событиями в мире.

Следующий уровень временной организации – годовой цикл. Василиса Ивановна упоминает в дневнике каждый праздник Нового года, выделяя его среди остальных записей цветом, графическими элементами и т.д. Для автора годовой цикл неразрывно связан с природным, так как именно от него зависит хозяйственная деятельность. Поэтому записи о формальной смене месяцев и лет сопровождаются упоминаниями о событиях, связанных со сменой времен года: «3 +2° – Первый снежок ночью и днем падает, до этого погода хороша», «корову первый день отпустили» и т.д.

Важное значение автор дневника придает и другим праздникам (как светским, так и православным), их наступление отмечается в дневнике красочной записью, выделяется шрифтом, рисунком. Кроме Нового года в дневнике встречаются упоминания таких праздников, как Старый Новый год, Рождество, праздник Покрова, масленичная неделя, Семенов день, Петров день, Вербное воскресенье, Благовещенье, Пасха, дни рождения родственников и друзей и т.д. Все они с размахом отмечаются, сопровождаются застольем, приездом к автору детей, внуков, друзей: «13 – готовлюсь к праздн. прибир. весь день самог. гнала», «7 -15° – РОЖДЕСТВО ХРИСТОВОЕ! Таись. приход. и все. Пекла пироги, шаньгу на сковор. слад; выпили 1 б. самог. я, Лид. Таись. потом ее провод. заход. к ним вып. по немн. потом домой управ. и все.», «23 – ПАСХА ХРИСТОВА! были Мех. и Вить. Пили, была брага, пиво, самог». Подобное внимание к праздникам может быть объяснено общительной натурой автора, стремлением собраться всей семьей, восполнить коммуникативный дефицит.

Следующий уровень представлен в дневнике суточным циклом. Василиса Ивановна, хоть и не часто, указывает в записях конкретное время описываемых событий. Однако нельзя сказать, что этот уровень проявлен в дневнике аналогично годовому, поскольку указание времени в тексте не структурировано и встречается довольно редко.

Так как образ жизни человека формируется во многом окружающим его миром, важнейшим при анализе отраженной в дневнике повседневности является топографический аспект. В дневнике В.И. Ивановой наряду с временной можно выделить и пространственную организацию повседневности, которая также представлена тремя уровнями.

Первый – «ближний мир», к которому относятся дом Василисы Ивановны, огород, двор, где находится баня, яма, дровяник, хлев, сенник, гараж, свинарник и т.д. К «ближнему миру» можно отнести также некоторые топоры соседних деревень, которые часто посещаются автором: магазин, клуб, почту.

К среднему уровню можно отнести локусы Пермского края: Перми, Кудымкара, Юрлы, Зулы, Новоселова, Костерево, Букреева и т.д. Упоминание других поселений и городов встречается довольно часто, что говорит о мобильности автора (на момент знакомства с собирателями она ездила на мотоцикле). При этом сам по себе факт поездки является важным событием. Так, иногда в

записи фиксируется просто название города, без упоминания действий, например: «29 – Пермь». Подавляющее большинство поездок связано с хозяйственными работами, визитами к родственникам и в больницу.

«Большой мир», третий уровень, представлен косвенно, в основном через упоминание телевизионных программ, кино, новостей, так как в дневнике отсутствуют сообщения о поездках в города за пределами Пермского края. Дневник изобилует записями, вложениями, которые отражают предпочтения автора в просмотре программ («кино смотр. доярка из хоценетовка», список любимых актеров, данные о победах на Олимпиаде 1998 года и т.д.). Просмотр телевизора для автора является не только способом проведения досуга, но и источником информации об актуальных событиях, связью с «большим миром».

Можно сделать вывод, что для Василисы Ивановны наибольшее значение имеет «ближний мир». В то же время, несмотря на то, что автор не выезжает за пределы Пермского края, она интересуется общественной жизнью, следит за новостями, событиями политики.

Подтверждают большую направленность автора на «ближний мир» и социальные контакты Василисы Ивановны. Автор знает каждого в пределах своей ойкумены (близлежащие деревни) лично или косвенно, через знакомых. Описание изобилует именами собственными, прозвищами. В этом узком кругу, состоящем из друзей и соседей, хорошие отношения и взаимовыручка помогают выжить, так как в хозяйстве часто требуется дополнительная помощь.

К социальным объектам, характеризующим повседневность, можно отнести и описанную в дневнике деятельность автора. Наиболее частотны в записях упоминания хозяйственных работ, прежде всего огородных. Важную роль в жизни Василисы Ивановны играет содержание скота. В ее хозяйстве были коровы, овцы, свиньи, курицы, лошади. Дневник содержит данные о приплоде, смерти, болезнях, первом весеннем выгоне и т.д. В интервью Василиса Ивановна признается, что наизусть помнит все клички, записывает годы жизни домашних животных: *«Вот, все у меня записано: “у Брони жеребята”, вот Лыська, Лысик, кто с какого года, какое число. Лыську, Броню, Санька, Марьяна, Барсик... кот был... Зося, Мымра... Касьяна – кошка, Лиза – кошка. Зорька... вот это собака. Все записано, я всех... продали... Броню продали, Майку продала две тысячи одиннадцатый, это после дедушки уже».*

Домашние животные и скот в жизни автора имеют большое значение не только потому, что от них зависит достаток. Они также являются, на наш взгляд, своеобразным объектом коммуникации, так как именно с ними большую часть времени взаимодействует автор, они становятся словно бы членами семьи («28 – зарез. телят, Милку и Гаврюшу, очень, очень жаль, я ревела, так жаль умнички были. очень скучно без Лены и телят»). Показательна одна из записей, в которой упоминается окончание разведения коров в личном хозяйстве автора. Для Василисы Ивановны это драматичное событие знаменует новый этап в жизни: *«Все! всех коров зарез. кончился коровий род в Новоселовой».*

Повседневность включает в себя и досуг. Подавляющее большинство записей включают упоминание застолья. «Гуляние» обычно сопровождается приездом родственников, распитием спиртного, песнями и танцами. Отдых Василисы Ивановны не обходится без музыки. Из интервью и записей можно узнать, что автор умеет играть на гармонии, под звуки которой и проходит большинство праздников: *«весело было пели песни, я играла на гармошке»*. Значимым событием становится приезд родственников, привезших аудиоплеер: *«вечером приех. Ольга Гафур и Таня. прив. Плэйер»*.

Ментальные объекты, характеризующие повседневность, неразрывно связаны в дневнике с семейными отношениями. Именно семья является главной ценностью для автора; это подтверждает, например, большое количество записей, с упоминаниями родственников.

На материале дневника В.И. Ивановой можно изучить распределение социальных ролей в семье, проанализировать возрастные установки. Так, Василиса Ивановна часто помогает детям и внукам, высылает им продукты. К ней приезжают родственники, которые помогают по хозяйству, справляют в семейном кругу праздники. Автор с заботой хранит фотографии, подаренные открытки: *«Бабушке... Это внучка у меня, Таня, написала. (Блокнот вам подарила?) Это все они, все они...»*. Василиса Ивановна собирает вокруг себя остальных членов семьи, создает отношения, где младшие помогают старшим и наоборот.

Таким образом, повседневность в дневнике В.И. Ивановой проявляется в описании природных, социальных, ментальных объектов. Анализ пространственно-временной организации показал, что автор более ориентирован на «ближний мир». Василиса Ивановна очень общительный, активный человек, который при этом существует в ситуации постоянного «коммуникативного дефицита» (живет одна в почти заброшенной деревне). Недостаток общения укрепляет отношения внутри небольшого коллектива, порождает соседскую взаимовыручку. Василиса Ивановна выступает как центральная фигура семьи, выстраивает преемственность между поколениями. Эти черты сближают образ жизни Василисы Ивановны с традиционным. Однако высокая мобильность автора, а также интерес к «большому миру» позволяют охарактеризовать ее жизненный стиль как полутрадиционный. При этом записи В.И. Ивановой позволяют конкретизировать категорию полутрадиционного образа жизни применительно к сельскому жителю XX – начала XXI века.

Список литературы

Арустамова А. А. Дневник М.П. Сусловой: Человек – природа – социум // Славянские языки и культуры в многоязычном мире: сб. науч. тр. VI междунар. рос.-македон. конф. (г. Пермь, 9–12 сент. 2014 г.) / Отв. ред. Н.В. Боронникова. Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2016. С.83–90.

Банникова Е. В. Критерии повседневности: теоретико-методологические основы истории повседневной жизни // Исторические, философские, политиче-

ские и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 7 (13). Ч. II. С.21–24.

Дневник М.П. Суловой (1981–1985): Публикация и исследование текста / Отв. ред. И.И. Русинова. Пермь: Перм. ун-т, 2007. 263 с.

Иванова В. И. [Дневник. 1990–2014.] (Рукопись.) // Архив лаборатории теоретической и прикладной фольклористики ПГНИУ.

Капкан М. В. Культура повседневности [учеб. пособие]. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. 110 с.

Козлова Н. Н. Повседневность // Современная западная философия: Словарь. 2-е изд., переработанное и дополненное. М.: ТОН. Остожье, 1998.

Козлова Н. Н., Сандомирская И. И. «Я так хочу назвать кино». «Наивное письмо: опыт лингво-социологического чтения». М.: Гнозис, Русское феноменологическое общество, 1996. 256 с.

Русова Н. Ю. Терминологический словарь-тезаурус по литературоведению. От аллегории до ямба // Академик. URL: <https://literaturologiya.academic.ru/155/дневник> (дата обращения: 05.06.2020).

A.V. Smirnova

Student of Philological Faculty

Perm State University

«I WRITE EVERY SINGLE DAY»: REFLECTED RURAL EVERYDAY LIFE IN THE DIARY OF V. I. IVANOVA

The article analyzes the everyday life of a rural resident of the second half of the XX – beginning of the XXI centuries on the material of the non-literary diary of V. I. Ivanova. The analysis of the mentioned topos, descriptions of relations between people, daily actions performed, on the basis of which the picture of the world of the author of the diary is reconstructed, is carried out. The conclusion is made about the importance of the diary of V. I. Ivanova as a historical source, the author of the diary belongs to a semi-traditional society, which, although it retains the features of the traditional, is characterized by a gradual transition to new behavioral practices.

Key words: everyday life; ego-documents; diary; naive texts; semi-traditional society.

УДК 801.81

Виолетта Евгеньевна Спиро
студент филологического факультета
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
violettaspiro@yandex.ru

НАЗВАНИЯ ЛЮДЕЙ СО СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННЫМИ СПОСОБНОСТЯМИ В ЗАГОВОРНОЙ ТРАДИЦИИ ПЕРМСКОГО КРАЯ

В статье рассмотрены названия людей со сверхъестественными способностями в обережных заговорах, собранных в разных районах Пермского края в XIX – начале XXI в. С помощью реконструкции мифологических представлений, связанных с атрибутами и признаками демонизируемых людей, были выделены отдельные группы вредоносных персонажей. Основные критерии, позволяющие носителям традиции подозревать наличие сверхъестественных способностей, могут определяться типом трудовой деятельности, характером, поведением, религиозной или национальной принадлежностью, половозрастным статусом, особенностями внешности, владением магическими практиками.

Ключевые слова: Пермский край; заговоры; мифологический персонаж; колдун; оберег; народная демонология; магическая лексика.

О русской заговорной традиции написано немало монографий и статей, предметом рассмотрения которых становились сюжеты и структура отдельных групп заговоров, использованные в них имена собственные, модели взаимодействия с вредоносными существами и т.д. (см. подробнее [Юдин 1997; Кляус 1997; Топорков 2005; Агапкина и др. 2014]). Названия вредоносных персонажей также изучались, но обычно в связи с иными задачами, чем те, что решаются в этой статье.

Несмотря на то, что Пермские заговоры введены в оборот публикациями второй половины XIX – начала XXI в., практически не исследованы как единая региональная заговорная традиция. Один из аспектов, в котором они могут быть рассмотрены, – это отразившиеся в заговорах мифологические верования, в частности представления о людях со сверхъестественными свойствами и их номинации. Эта область традиционных поверий хорошо изучена на материале мифологических рассказов, бытующих у русского населения Пермского края (см., к примеру [Этнодиалектный словарь мифологических рассказов Пермского края 2019], далее [ЭДСМР 2019]). Рассмотрение подобных представлений на примере другого жанра – обережного заговора – кажется логичным следующим шагом.

Обережные заговоры регламентируют отношения человека с окружающим миром и занимают особое место среди остальных разновидностей заговорных текстов, так как могут сочетать в себе и продуцирующую, и реабилитационную функцию, а также, выполняя обе функции, порождают новую – апо-

тропеическую [Левкиевская 2002: 9–10]. При произнесении обережного заговора воля говорящего направлена прежде всего на защиту от какого-либо вреда. Можно выделить три типа потенциальной угрозы:

1. **Магические болезни/явления/состояния** (примеры: *икота, кила*);
2. **Демонические существа** (*Иродовы дочери, русалка* и др.);
3. **Люди с демоническими свойствами/люди-демоны** (*баба-горбатка, гнусавый, рыжий* и др.).

Адресант заговора-оберега не станет произносить его для защиты от целительницы или знахарки, которые не представляют опасности, поэтому сверхъестественные свойства тех, кто перечислен в заговорах и имеет магическую силу, можно назвать демоническими. Таким образом, имеем еще одну классификацию, определяющую людей со сверхъестественными свойствами:

1. **Люди с реабилитирующими (положительно продуцирующими) свойствами/люди-целители;**
2. **Люди с демоническими (негативно продуцирующими) свойствами/люди-демоны.**

Распределение наименований в соответствии с этой классификацией может быть проблематичным, потому что в разных локальных традициях одни и те же слова – например, *знахарь* и *колдун*, – могут быть синонимами или, наоборот, противопоставляться по признаку «плохой – хороший» [Виноградова 2010: 31]. Следовательно, когда мы говорим о мифологических рассказах, для отнесения персонажа к одной из групп требуется контекст. Однако в работе с обережными заговорами все персонажи, от которых защищается адресант, могут считаться несущими угрозу.

Наше внимание будет сосредоточено на последней категории угроз, т.е. происходящих от людей с демоническими свойствами. Это персонажи, которые в народной культуре по каким-либо причинам демонизируются. Они же, иногда под другими названиями – *знаткие, люди с дурным глазом*, – фигурируют в сказочной прозе. «Магическая элита», составляющая отдельный слой деревенского социума, наделялась сокрытыми знаниями и способностями, недоступными для обычных крестьян. Любопытно, что против таких людей и начали создаваться и читаться обережные заговоры.

В нашем исследовании учтены пермские заговорные тексты XX–XXI вв. [Серебренников 1918; Попов 1927; Бахматов и др. 2003; Подюков 2004; Подюков и др. 2004; Подюков и др. 2006; Подюков и др. 2008]; фигурирующие в них наименования в силу консервативной природы фольклора и диалектов могут быть во многом актуальны. Общее число заговоров, обнаруженных в региональных собраниях, – 344, из них обережных – 31. Количество названий людей с демоническими свойствами в текстах этой группы – 114 (с учетом повторяющихся лексем). Число персонажей, упоминаемых в обережных заговорах, разнится (минимум 1, максимум 40). Они распределены по текстам из различных районов края неравномерно: в Оханском районе – 43 названия (в 4 текстах), в Кишертском – 19 (в 7 текстах), в Соликамском – 20 (в 8 текстах), в Юрлин-

ском – 14 (в 5 текстах), в Чердынском – 8 (в 1 тексте), в Карагайском – 8 (в 4 текстах), в Усольском – 2 (в 2 текстах).

Анализ заговоров показывает, что можно выделить наименования, которые встречаются в записях из одних районов и отсутствуют в других. Так, в текстах большинства территорий Пермского края фигурирует *черный* человек (видимо, с черными волосами; ср.: наименование *кудрявый* обнаружилось единожды – в Юрлинском районе). При этом самыми многочисленными оказались упоминания *злого человека* (в текстах всего двух районов – Оханского и Соликамского). Также выявлены вариативные наименования, основанные на характеристике по одному или нескольким сходным признакам (например, *баба-косматка* и *баба-долговолоска*).

В зависимости от особенностей, лежащих в основе наименований, антропонимы потенциально вредоносных персонажей можно распределить по следующим группам:

1. По типу трудовой деятельности и социальному статусу: *борец, кулачный боец, земледелец, поп, пономарь, военный/невоенный человек, торговец, купец, дьякон, начальник, судья, чернец, черница, властитель, властвующий, земледелец (русский, нерусский)*.

(Ср. в пермской мифологической прозе (далее – МП): *поп, чернец* [ЭДСМР 2019: 517, 709]).

2. По характеру: *ветренный, злой человек, лихой человек, завидящий, недобрый, неверный человек*.

(Ср. в МП: *злой, недобрый, завидуший* [ЭДСМР 2019: 243, 443, 219]).

3. По типу поведения/отношения: *враг (видимый/невидимый), пьяный-поганный, заглядящий, злодей, лиходей, пакостник, встречный, поперечный, супостат верный/неверный, неприятель*.

(Ср. в МП: *враг, поганный, пакостник* [ЭДСМР 2019: 106, 509, 480]).

4. По виду магической деятельности: *колдун, колдун-волшебник, колдун-веретник, колдун-еретник, колдун-ересь, колдуница, ведун, ведуница, травник, травница, еретик (нечистый), еретица, чародей, портун*.

(Ср. в МП: *колдун, колдун-еретник, колдуниха, колдунья, ведун, ведунья, травенник, травник, травиница, травница, травяница, ерекник, еретик, еретник, ерекница, еретниха, еретница, портун, волшебник, чародей, нечистый* [ЭДСМР 2019: 321, 325, 315, 80, 655–656, 208, 210, 525, 108, 702, 446–448]).

5. По религиозной принадлежности: *жидовка*.

6. По национальному признаку: *жидовка, земледелец (русский, нерусский)*.

7. По половозрастному признаку: *баба (-самокрутка, -пустоволоска, -косматка, -долговолоска, -шалопутка), вдова, вдовец, двоежонный, троерженный, девка (-беловолоска, -долговолоска, -простоволоска, -самокрутка), девка, отрок, отроковица, старик*.

(Ср. в МП: *старик, старик-колдун* [ЭДСМР 2019: 637]).

8. По внешнему признаку: *белый, кудрявый, русый, черный (черный-черный), синий, голубой, рыжий (красный, черемный), длинные волосы, баба (-пустоволоска, -косматка, -долговолоска), девка (-беловолоска, -долговолоска, -простоволоска), долгий зуб, двоезуб, однозуб, пережженый, сутулый, горбатый, горбатка.*

(Ср. в МП: *белый, рыжий, красный, черемный, горбатый* [ЭДСМР 2019: 54, 584, 342, 705, 168].

В народной традиции Пермского края былички о колдунах и знахарях распространены повсеместно. Также в мифологических рассказах встречаются персонажи, которых мифологическое сознание относит к источникам потенциальной угрозы по признакам «чужой», «специалист»/«профессионал» (сельские/деревенские жители, занимающиеся отличной от крестьянской трудовой деятельностью), представители других этнических групп, пожилые, перенявшие мудрость предков, и люди, причиняющие магическую угрозу без умысла (*сглаз*) или уже находящиеся под воздействием колдуна посредством, например, *икоты* [ЭДСМР 2019: 17]. Нам удалось выделить те же группы, что перечислены в «Этнодиалектном словаре мифологических рассказов Пермского края», кроме последней (люди, находящиеся под воздействием колдуна, болеющие магической болезнью). Следовательно, фигурирующие в заговорах персонажи со сверхъестественными свойствами по своим характеристикам почти полностью совпадают с аналогичными персонажами быличек (это утверждение, однако, нуждается в проверке, т.к. нами были проанализированы заговорные тексты не из всех районов Пермского края).

Перечисляя тех, от кого нужно защититься, адресант заговора нередко называет людей с противоположными характеристиками (например, «от *военных* и *невоенных*, <...> земледельцев *русских* и *нерусских* и от всякого человека... от супостатов *верных* и *неверных*»). Мы находим этому следующее объяснение: несмотря на то, что жанр заговора не относится к лирике, он подразумевает ритмическую организацию, создаваемую в т.ч. рядами перечислений. Следуя ей, адресант заговора «вспоминает» представителей разных социальных слоев, профессий, народностей и т.д. и, желая обрести абсолютную защиту, продолжает перечислять всех, порой конструируя такие лексемы и словосочетания, которых ранее не существовало. При подборе лексем важным оказывается также их созвучие (например, «от всех *ведунов* и *ведуниц*, *еретиков* и *еретниц*, от *чернецов*, *черниц*, от вдовых, *вдовиц*... от *стариков*, *отроковиц* и всех лихих людей»). Такими перечислениями поддерживается явный ритмический рисунок заговорного текста.

В статье «Языковой образ нечистой силы, связанной с колдуном» И. И. Русинова пишет о том, что механизмы демонизации человека проявляются в языковых единицах, используемых для его обозначения в фольклорных текстах. Наименования людей с магическими свойствами могут складываться за счет персонификации одной из присущих человеку функций (*гадаль* – тот, кто умеет гадать); наименований, персонифицирующих свойства персонажа

(*харкунья* – харкающая женщина); персонификации самой соотнесенности персонажа с демонами, которые наделили его магическими способностями (*беси-ха*) [Русинова 2014: 249]. В другой статье автор констатирует, что признаки и атрибуты вредоносных персонажей точно проработаны в фольклорных текстах по причине идеи опасности, исходящей от такого персонажа [Русинова 2015: 133]. Человек, желающий защититься, должен четко знать, как опознать того, кто обладает демонической силой. Следовательно, наименование должно отражать особенности внешнего вида и поведения «подозрительного» человека. Помимо этого, людей с демоническими способностями характеризует чуждость (этническая, конфессиональная, связанная с доминирующей формой труда и т.п.); в сознании народа формируется оппозиция «свой – чужой», основанная на профессиональной специализации в деревне [Русинова 2015: 134]. Последнее, как ни парадоксально, не помешало появиться в заговорном тексте *земледельцу русскому* (однако причина этого лежит, как уже было упомянуто, не в мифологической логике, а в особенностях жанровой поэтики).

Предложенный И. И. Русиновой алгоритм работы с названиями магических специалистов в мифологической прозе помог нам выстроить собственный способ интерпретации названий, но уже применительно к заговорам. Он состоит из следующих ступеней-вопросов:

1. Почему персонаж назван именно так? (От наименования к атрибуту/признаку/свойству);

2. Какие поверья и представления связаны с этим атрибутом/признаком/свойством персонажа? (От атрибута/признака/свойства к фольклорному образу персонажа).

В приведенной ниже таблице представлен пример того, как может быть произведена реконструкция народных представлений, стоящих за некоторыми заговорными номинациями людей с демоническими свойствами.

Таблица 1.

Примеры реконструкции народных представлений, связанных с наименованиями людей с демоническими свойствами

Персонаж	Атрибут/признак/свойство	Народное представление
Баба-долговолоска (баба-косматка, баба-пустоволоска)	Общая характеристика: женский пол, замужняя, чаще пожилая, имеет длинные (длинные), косматые (распущенные), пустые (непокрытые) волосы. Главный признак: длинные распущенные и непокрытые волосы.	Волосы – ресурс жизненной энергии человека и один из атрибутов магических обрядов. В то же время непокрытые волосы могут принести зло, вред другому человеку, его имуществу и хозяйству. Распущенные волосы символизируют причастность носительницы к нечистой силе [Славянские древности (далее СД) 1: 420, 423].

Еретик	Общая характеристика: мужской пол, отступник от веры. Главный признак: еретичество (в фольклорном понимании, т.е. обладание вредоносной магией, ради которого человек отступает от Бога и предает себя во власть нечистой силы).	Еретиком может именоваться колдун, ставший после смерти вампиром; он имеет те же признаки, что при жизни, но является живым мертвецом с бледно-синей холодной кожей [СД 1: 533]. В Пермском крае наименование используется как синонимичное слову «колдун». Самые сильные (дошлые) имеют способность к оборотничеству, направленному на себя и других [ЭДСМР 2019: 18, 19].
Красный Рыжий Черемный	Общая характеристика: мужской пол, рыжие волосы. Главный признак: рыжий цвет волос.	Помимо положительной характеристики (цвет жизни, здоровья и процветания) красный также является цветом потустороннего и дьявольского. Красные волосы – атрибут персонажа, связанного с миром демонов [СД 2: 647, 649; ЭДСМР 2019: 16, 33; Левкиевская 2000: 383].

Обладание перечисленными и другими признаками/атрибутами (или даже одним из них) автоматически переводит человека в разряд тех, кто потенциально представляет магическую угрозу. Реконструкция мифологических представлений, отразившихся в наименованиях людей со сверхъестественными свойствами, позволяет детализировать п. 7 и 8 классификации потенциально вредоносных персонажей. Приведем их в более подробном виде:

7. По половозрастному признаку:

- a. **По семейному статусу:** *вдова, вдовец, двоежонный, девка, баба- (долговолоска/косматка/пустоволоска/самокрутка), девка-(долговолоска/простоволоска);*
- b. **По возрасту:** *баба- (долговолоска/косматка/пустоволоска/ самокрутка), девка, девка- (долговолоска/простоволоска), отрок, отроковица, старик.*

8. По внешнему признаку:

- a. **Волосы:**
 - i. **Структура:** *кудрявый;*
 - ii. **Цвет:** *белый, русый, черный, рыжий (красный, черемный);*
 - iii. **Состояние:** *длинные волосы, баба- (пустоволоска/косматка/долговолоска), девка- (долговолоска/простоволоска).*
- b. **Зубы:** *долгий зуб, двоезуб, однозуб;*
- c. **Туловище:** *пережженный, сутулый, горбатый, горбатка;*
- d. **Глаза:** *голубой, синий, черный.*

Таким образом, самым обширным классом людей-демонов стал класс, выделяемый по внешнему признаку (24 названия): во-первых, он включает наибольшее количество наименований, а во-вторых, содержит самое большое количество «отклоняющихся» признаков. Вторая по количеству группа – с прямой отнесенностью человека к магическому миру (15 персонажей маркированы как знающие колдовство). Интересно, что следующая категория, где было выделено 14 персонажей, отличается особым семейным статусом и/или спосо-

бом вступления в брак (наличие покойных мужа, жены, второй/третьей жены, самостоятельность в выборе супруга) либо обозначается по возрасту (*отрок, старик*). Далее следуют персонажи, имеющие особый тип поведения или взаимодействия с окружающими (они выделяются сильно выраженными негативным поведением (14) или отрицательными чертами характера (7): *злостью, неверностью, лихостью* и т.д.). Следует отметить, что некоторые из названий мы включили в две категории, т.к. в наименовании объединяются два признака или лексема поддается двойной интерпретации (*черный* – по цвету волос и/или глаз). Остальные группы представлены меньшим количеством названий.

Список литературы

Агапкина Т. А. и др. Восточнославянские заговоры: Материалы к функциональному указателю сюжетов и мотивов / Т. А. Агапкина, А. Л. Топорков. М.: Индрик, 2014. 320 с.

Бахматов А. А. и др. Юрлинский край. Традиционная культура русских конца XIX–XX вв. / А. А. Бахматов, И. А. Подюков, С. В. Хоробрых, А. В. Черных. Кудымкар: Коми-Пермяцкое кн. изд-во, 2003. 493 с.

Виноградова Л. Н. и др. Народная демонология Полесья. Т. 1.: Люди со сверхъестественными свойствами / Л. Н. Виноградова, Е. Е. Левкиевская. М.: Языки славянских культур, 2010. 647 с.

Кляус В. Л. Указатель сюжетов и сюжетных ситуаций заговорных текстов восточных и южных славян. М.: Наследие, 1997. 462 с.

Кротова-Гарина А. В. и др. Материалы по коми-пермяцкой демонологии / А. В. Кротова-Гарина, Ю. А. Шкураток, А. С. Лобанова, С. Ю. Королева, И. И. Русинова. Пермь: Изд-во ПГНИУ, 2020. 168 с.

Левкиевская Е. Е. Славянский оберег. Семантика и структура. М.: Индрик, 2002. 334 с.

Подюков И. А. Карагайская сторона. Народная традиция в обрядности, фольклоре и языке. Кудымкар: Коми-пермяцкое кн. изд-во, 2004. 318 с.

Подюков И. А. и др. Земля соликамская. Традиционная культура, обрядность и фольклор русских Соликамского района / И. А. Подюков, А. В. Черных, С. В. Хоробрых. Пермь: Перм. кн. изд-во, 2006. 224 с.

Подюков И. А. и др. Усольские древности. Традиционная культура русских Усольского района конца XIX–XX вв. / И. А. Подюков, А. М. Белавин, Н. Б. Крыласова, С. В. Хоробрых, Д. А. Антипов. Пермь: Перм. кн. изд-во, 2004. 249 с.

Подюков И. А. и др. Песни и сказы Долины камней. Обрядность и фольклор Кишертского района / И. А. Подюков, С. М. Поздеева, А. В. Черных, С. В. Хоробрых. Пермь: Типогр. купца Тарасова, 2008. 384 с.

Попов В. И. Бытовая народная медицина Чердынского края // Чердынский край. Издание Общ-ва изучения Чердынского края. 1927. № 1. С.1–6.

Русинова И. И. Языковой образ нечистой силы, связанной с колдуном (на материале лексики говоров и мифологических рассказов Пермского края) //

Традиционная культура Пермского края в зеркале лексики и фразеологии / под общ. ред. И. И. Русиновой. Пермь: Изд-во ПермГУ, 2014. С.247–281.

Русинова И. И. Лексическая система мифологических рассказов Пермского края о людях со сверхъестественными свойствами // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2015. № 1. С.132–135.

Серебренников В. Н. Народные заговоры, записанные в Оханском уезде Пермской губернии. Пермь: Гос. типография, 1918. 32 с.

Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 1, 2. М.: Международные отношения, 1990; 1995.

Топорков А. Л. Заговоры в русской рукописной традиции XV–XIX вв. История, символика, поэтика. М.: Индрик, 2005. 478 с.

Этнодиалектный словарь мифологических рассказов Пермского края. Ч. 1: Люди со сверхъестественными свойствами / Авт.-сост. И. И. Русинова (отв. ред.), А. В. Черных, К. Э. Шумов, С. Ю. Королева. СПб.: Маматов, 2019. 832 с.

Юдин А. В. Ономастикон русских заговоров: имена собственные в русском магическом фольклоре. М.: МНФ, 1997. 319 с.

V.E. Spiro

Student of Philological Faculty
Perm State University

NOMINATIONS OF PEOPLE WITH SUPERNATURAL ABILITIES IN THE SPELL TRADITION OF THE PERM REGION

The article considers the nominations of people with supernatural abilities in protective spells collected in different regions of the Perm Region in the XIX – the beginning of XXI century. Reconstruction of mythological representations associated with the attributes and signs of demonized people helps to identify groups of magically dangerous characters. The main criteria due to people suspect that someone has supernatural abilities are determined by the type of work, character, behavior, religion or nationality, gender and age status, features of appearance, and possession of magical practices.

Key words: Perm Region; spell; mythological character; witch; amulet; folk demonology; magical lexis.

УДК 801.81

Екатерина Владимировна Зимнина
магистрант филологического факультета
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
katya_winter1@mail.ru

ГОРОДСКИЕ ЛЕГЕНДЫ О ПОДЗЕМЕЛЬЯХ И МЕТРОПОЛИТЕНАХ

Статья посвящена современным городским легендам о подземных ходах и «тайных» ветках метро в разных городах. Проанализировано более 35 легенд, рассмотрены рассказы пермских информантов. В урбанистических нарративах присутствуют и реалистические, и фантастические мотивы: легенды о секретном «Метро-2», крысах-мутантах, правительственных подземных ходах. Выделены три главных месторасположения подземных ходов: ходы или бункеры под университетами, городские здания или объекты (старинные либо административные), церкви и монастыри. Можно говорить о тенденции к увеличению числа квази-реалистических легенд (в т.ч. основанных на рациональной фантастике), потеснивших мистические сюжеты.

Ключевые слова: современный городской фольклор; городские легенды; метро; Метро-2; фантастические мотивы.

Вокруг метро как вида транспорта существует своя мифология. Причин мифологизации множество, но наиболее очевидны две. Первая – расположение метро под землей, что актуализирует разнообразные «хтонические» сюжеты и мотивы. Вторая – наличие разветвленной сети туннелей, почти полностью скрытых от горожан и провоцирующих различные домыслы. Не случайно мифология метро составляет значительный пласт современных фольклорных нарративов, функционирующих как в интернет-пространстве, так и в устной традиции. По мнению исследователей современных городских легенд, главными (ре)трансляторами таких нарративов являются СМИ и массовая литература: «именно они выступают сейчас в качестве основного канала, по которому распространяются эти легенды» [Богатырева 2018: 158].

В статье мы рассмотрим основные сюжеты и мотивы, которые встретились нам в легендах о городских подземельях и тайном метро. Материалом исследования послужили преимущественно записи автора. Большая часть историй была зафиксирована в 2020–2021 гг. в ходе устных и письменных опросов жителей Перми и других городов. Всего собрано 35 легенд; средний возраст опрошиваемых – 25 лет (список информантов см. в конце статьи).

Хотя опрос проводился среди представителей разных возрастных категорий, выяснилось, что молодежь знакома с легендами о тайных метро и скрытых подземных ходах лучше, чем старшее поколение. Вероятно, это связано с популярностью указанной темы на различных интернет-ресурсах: существуют фей-

ковые сайты метро и посвященные им сообщества в соцсетях [Куляпин 2018; Радченко 2018]; посредством форумов распространяются и городские легенды. Кроме того, знание сюжетов о городских «подземках» может быть связано с любовью молодежи к романам в жанре фэнтези, научной фантастики, хоррора. Наконец, именно молодые люди способны романтизировать реальность, придавать происшествиям мистическую окраску. Часть опрошенных интересуется историей, что также повлияло на знание легенд, но уже более реалистичных, без явной мистики (например, историй о секретном Метро-2). При этом юноши активнее делились информацией о тайных подземных ходах, а также в целом знали больше городских легенд, чем девушки.

Образ тайного метро в современном городском фольклоре. Сюжеты о тайных метро являются самыми распространенными (о них упомянули 11 рассказчиков). Нарратив о секретном правительственном Метро-2 строится как квазиреалистический и обычно не содержит явных фантастических деталей. Одна из рассказчиц уверена, что *«Секретное правительственное Метро-2 уже превратилось в обычную Калининско-Солнцевскую ветку»* [АПИ]. С этим сюжетом знакомо и старшее поколение: *«Еще есть название D-6 у него. Это засекреченные подземные ходы для правительства. Говорят, те, кто там работал, давали подписку о неразглашении»* [МНК]. Два жителя Москвы вспомнили об этой легенде практически сразу: *«Слышал про недостроенные в советское время станции метро. А еще про морозильники под основным зданием МГУ»* [ЗДА].

К этой же тематической группе могут быть отнесены легенды о правительственных подземных ходах и метро в закрытых городах (в данном случае речь идет о г. Снежинск). «Тайный» город, скрытый от посторонних глаз, «обрастает» легендами, становится местом появления и распространения информации о таинственных подземках для перевозки грузов: *«В начале 2000-х в местной газете опубликовали статью. В ней писали, что в Снежинске есть секретное метро. Один человек туда попал. <...> После выпуска из института он изучал конкретные районы и знал, что Снежинск – это большая тайна не только потому, что там делают ядерное оружие»* [ТМН]. Другой рассказчик поддержал возможную правдивость данной истории: *«У нас город закрытый, рассчитан на определенное количество людей. Если метро есть, то техническое. Перевозить секретные грузы среди жителей опасно для разглашения. А так, ветка могла быть востребована»* [КВИ]. Город закрытого типа, «недоступный» простым обывателям и оттого более притягательный, естественным образом включает в свое пространство еще один секретный локус: *«Слышал про метро, но не от местных. Это так, наверное, байки какие-то, придумки. Хотя давно в школе рассказывали про какие-то ходы правительственные, но это у нас вряд ли»* [АВВ].

В ходе сбора городских легенд была найдена информация о тематических экскурсиях в «открытых» городах – Москве и Екатеринбурге. Студентка МГУ рассказала о том, что *«предлагают экскурсии в это секретное метро»* [СМВ].

Аналогичные сведения сообщила и студентка из Екатеринбурга: *«Я знаю, что у нас экскурсии водят, но сейчас из-за коронавируса, их, по-моему, нет»* [КАВ₂]. Она рассказала, что на экскурсиях говорят о тайных подземных ходах, проложенных под администрацией города. Этот мотив примечателен, поскольку встречается также в рассказах жителей Перми и Москвы. Возможно, локализация тайного метро под административными зданиями связана с уже упомянутой легендой о Метро-2, созданном для правительства и имеющего недоступные для обычных пассажиров ветки.

Легенды о городских подземках могут включать фантастические сюжеты и мотивы. По нашим наблюдениям, подобные истории более распространены среди молодежи (20–25 лет). В наших записях встречается легенда о Черном обходчике (он же – Темный сторож, Черный проводник): *«Есть черный обходчик. Я помню то, что он работал в метро, погиб под колесами поезда и в качестве духа по подземке бродит»* [БНИ]. Во всех случаях Черный проводник – отрицательный персонаж: *«Ребята из Москвы рассказывали, что есть Черный и Белый проводник в метрополитене. Темная сторона и светлая. Черный пытается украсть души заблудившихся путников, а Белый – наоборот, он их выводит»* [ЯВН]. Образ Черного проводника распространен также в компьютерных играх и книжных изданиях, что, вероятно, поддерживает его популярность в устной городской традиции.

Четыре человека вспомнили истории о поездах-убийцах, *«растворяющихся в ночи»* [КОП]. Пятеро рассказали о призраках, обитающих на станции метро: *«В Москве каждую ночь Белая вдова выходит искать себе мужа. Очень аккуратно нужно ходить ночью, а то она оторвет тебе голову»* [БМВ]; *«Говорят, если ночью остаться в метро и сесть в последний вагон, доедешь в Небытие и там тебя встретят призраки. Не злые, добрые»* [КОП].

Кроме призраков, устные истории населяют метрополитен другими демоническими существами, в т.ч. вполне традиционными: чертями. Информантка из Москвы рассказала, что в подземельях прячутся черти, которые выходят ночью на охоту, поэтому метро не работает круглосуточно. Черти фигурируют и в рассказах пермяков – две студентки упомянули о тайных ходах и населяющих их существах: *«Черти – это прислужники Чернобога. Нехорошие они, злые»* [КАЮ].

Еще один сюжет создает образ метро как особого места, где время может повернуть вспять: *«На станции Кутузовская на одном пятачке висит штук 6 разных круглых часов. Это чисто наблюдение, хотя их не сразу заметишь. Были слухи про что-то типа часов, идущих в обратную сторону. Или еще называют ее станцией, на которой время повернулось вспять»* [БМВ].

И.С. Богатырева пишет, что образ метро в городских легендах «содержит разные источники опасности – от вредителей, загадочных тоннелей и самого технологического устройства метрополитена до изменений физических характеристик пространства и времени» [Богатырева 2018: 161]. Легенды о живых существах, населяющих реальный или виртуальный метрополитен, довольно

популярны. В основном фантастические существа – это огромные крысы «размером с лошадь» [БМВ]. По рассказам одной москвички, в метро «такой по тайной ход есть, куда попадать нельзя: оно все крысами кишит, лучше туда вообще не попадать. И они гигантские, страшные, с облезлыми хвостами» [СМВ]. Аналогичная легенда встречается в рассказах пермских диггеров: «Под землей в районе Мотовилихи в старых шахтах они несколько раз встречали огромную белую бесхвостую крысу. Каждый раз она преграждала им дорогу, когда они пытались найти подземную базу разбойников» [Субботин 2011].

Помимо крыс опрошенные рассказали о живущих в тоннеле насекомых. Этот мотив встречается не очень часто: «Помимо крыс есть вариант легенд с гигантскими насекомыми, видел ролик, типо диггеры шарятся и там какая-то гигантская ухвертка колбасится. Как-то так» [АРО]. Упоминают и об огромных мокрицах, поселившихся в Санкт-Петербургском метро: «Питер же на воде, и вот, в параллельном метро есть гигантские мокрицы, убивающие людей. А может и в реальном такие имеются» [ОДС]. Для современного человека существование гигантских подземных животных и насекомых чаще объясняется не мистическими причинами (наказание со стороны Бога или дьявольское создание, «исчадие ада»), а последствиями экологических катастроф, техногенных аварий и вызванных ими генетических мутаций. Подобные образы из области мистики смещаются в сферу рациональной фантастики.

Истории о тайном метро и городских подземельях: пермская версия.

Примечателен сюжет о тайном правительственном метро: он находит отражение и в пермских легендах. Это в первую очередь связано с тем, что к 1980-м годам Пермь стала городом-«миллионником», примерно в то же время было анонсировано строительство пермского метрополитена и создан его план. В 1990-х проектирование было приостановлено, а затем прекращено, но до сих пор ходят слухи, что метро действует – правда, секретно и только для высокопоставленных лиц. В интернете можно обнаружить схему так и не построенного пермского метрополитена, которая свидетельствует об интересе к этой теме со стороны горожан.

Сложно переоценить популярность легенд о тех местах, где теоретически могло располагаться (или располагается) пермское секретное метро. Молодой человек, который «облазил всю Пермь» и знаком с пермскими диггерами, уверен, что метро не выдумка: «Пермь – не выдуманное метро, а начало строящейся станции. Рядом с рынком. Теперь это часть отстойной системы. Начинали строить, но из-за Ельцина перенесли на очень, очень долгий срок. Есть ветка от центра Балатово до Мотовилихи. Она настоящая. Просто жд-тоннель под землей». Информант также отмечает, что «под эспланадой располагается система подземных тоннелей», поэтому там не дают ничего строить [АИИ]. Версия о том, что созданию пермского метро помешал Б.Н. Ельцин, поддерживается представителями старшего поколения, попадая на страницы местной прессы (см. [Третьякова 2021]). Неоднократно зафиксирова-

ны и слухи о тайном назначении эспланады: *«Знаешь, что недавно на эспланаде грунт обвалился? Я слышала, там подземные ходы, и поэтому на эспланаде не разрешают ничего строить»* [КАВ₁]. Сразу три информанта вспомнили о тайных ходах в районе Балатово: *«Видел где-то в интернете информацию, типа легенда, что метро находится под Балатовским лесом и Черняевским, что торчат трубы из земли и они как-то связаны с метро»* [РМИ].

Расположение пермского метро – недостроенного или работающего тайного – связывается и с центральными улицами города: *«Есть секретное пермское метро, начинается от Галереи и заканчивается на Маркса. Идет по всему Компросу...»* [ПМЭ]. Информантка, предоставившая сведения о подземных ходах под Пермью-1 и художественной галереей, является гидом и часто упоминает на экскурсиях о наличии тайных подземных веток: *«Это, скорее, миф, но доля правды в этом есть. Много подземных ходов в Перми просто заварили. Была ветка, маленькая сеть из мест, ведущих в разные части города. Одна – ближе к центру»* [КАП]. Одной из причин остановки строительства называют высокий уровень радиации: *«От Перми-1 под галереей вдоль Камы проходит один из основных тоннелей метро, который был заброшен в связи с тем, что там была найдена какая-то радиоактивная фигня»* [КАП]. С Пермской художественной галереей связывают не только метро, но и подземные ходы: *«Было в новостях, что какие-то подземные исследователи откопали под землей ходы в районе нашей галереи»* [КАЮ].

Еще одна распространенная гипотеза – о расположении тайного метро рядом с Башней Смерти: *«Сейчас папа сказал, типа есть засекреченное метро на случай критичной ситуации. (Войны, атомной атаки). Оно якобы для военных целей. Ему это рассказывали в 1993 году, когда он в армии служил. Еще сказал, что оно начинается от Башни Смерти»* [ПМВ]. Другой информант подтверждает эту теорию: *«В молодости слышал, что под Башней Смерти есть какой-то правительственный объект, нам недоступный. Плохие слухи про него ходили, потом, говорят, заварили ходы, что ли»* [ВНМ].

На популярность урбанистических рассказов о тайном метро в Перми в разной степени влияют современные фольклорные сюжеты о других подземных коммуникациях. Как уже упоминалось, в городе популярно диггерство (исследование подземной инфраструктуры), его представители входят в число создателей, рассказчиков и потребителей такого рода историй. В сети распространена легенда о том, что пермские диггеры обнаружили *Капище Чернобога* – модельный зал Дьявола [Правда и мифы: 2012]. Эта легенда активно функционирует в письменных и устных формах – информацию про капище Чернобога подтвердила молодая девушка: *«Был материал. Чернобог – дух языческий, не знаю, правда, почему ему поклонялись. Читала, что вход в зал нашли, там на стенах были какие-то символы, но дальше все завалено было»* [ЗЕВ]. Эта легенда встретилась нам и в другой версии: согласно ей, под галереей располагается капище Чернобога, которому приносились кровавые человеческие жертвы, а после того, как на этом месте был поставлен храм, Чернобог стал получелове-

ком-полувурдалаком и регулярно пытается утащить людей к себе в подземелье. Именно поэтому *«все входы в коллекторы рядом <...> заварены»* [КАП].

Также была получена информация о ходах, проложенных рядом с железнодорожным вокзалом Пермь-II: *«Там внизу раньше были скрытые убежища для большого количества людей. Насчет метро не знаю, но ходы там точно есть»* [ПМЭ]. Информантка рассказала про человека-полукрысу, который утаскивает людей, гуляющих ночью рядом с коллекторами.

Появление подземных туннелей и ходов может связываться не только с непостроенным / тайным метро, но и с историей Перми – в прошлом губернского центра (подробнее об этом см. [Кондаков и др. 2018]). Показательно, что эта информация активно публикуется в местных СМИ: в электронной версии газеты «Аргументы и факты. Пермь» сообщается, что под всей Пермью проложены подземные ходы, созданные два века назад для транспортировки грузов. Ведут они от старых купеческих особняков в сторону набережной [Пьянкова 2015].

В одном из подвалов улицы Пермской были обнаружены остатки лодки, поэтому рождается новый сюжет – что здесь существовали подземные каналы. Этот сюжет был записан и в ходе нашего опроса: одна из информанток пересказала легенду о подземных каналах рядом с ТюЗом: *«Говорят, там пираты свои тайные каналы в подземельях прокладывали, перевозили сокровища. Ну или купцы, не помню, разные есть варианты»* [КАЮ]. Вариант, где фигурируют пираты, по-видимому, нужно признать новым; он не так распространен, как более традиционная (и исторически более мотивированная) легенда о пермских купцах.

Пермские подземелья также отсылают к чудским мифам. Чудь – древний народ, по разным причинам «похоронивший сам себя». В современных городских легендах эти традиционные фольклорные персонажи предстают как странный народ, полулюди-полудухи. Некоторые считают, что чудь все еще живет в пермской земле и может нанести вред своим обидчикам: *«Про чудь легенды известные. Мне еще бабушка говорила, что в Перми клады какие-то зарыты, вроде бы даже на пересечении набережной и Комсомольского проспекта. И что их охраняют чудища»* [ЛКВ].

Среди молодежи популярны легенды о наличии подземных ходов под университетами (их вспомнили 9 человек): *«Говорят, лаз в ПГНИУ соединен с метро. Ходят легенды, что в 60-е еще можно было туда попасть, а сейчас уже нет»* [КАЮ]. По словам другой девушки, *«то ли в первом, то ли во втором корпусе есть подземные ходы. Раньше там проходили спиритические сессии, есть дырки в стенах, оттуда какие-то странные звуки слышались, там кого-то вызывали»* [ЛКВ]. Еще один студент рассказал об университетских тайных бункерах: *«Говорят, до войны там был в одном месте госпиталь, а на самом деле его потом обустроили под бункер или какое-то хранилище. Мне дед рассказывал»* [СТИ].

Показательно, что университет становится местом контакта с тайным подземным миром. Возможно, это связано с тем, что университетские корпуса отличаются технически развитой сетью различных коммуникаций, в т.ч. подземных. Пермские сюжеты не уникальны: студенты МГУ также упоминали о подземных ходах, ведущих к секретному Метро-2: *«Там еще какой-то ход вел на дачу Сталина. От нашего МГУ»* [СМЮ]. Распространителями подобных легенд в университетах зачастую становятся не только сами студенты, но и преподаватели.

Еще один тип объектов, выступающих как некий портал, связанный с засекреченным метро – церкви, храмы и монастыри. Мифологизация религиозных сооружений не только пермская особенность, подобные сюжеты распространены в различных регионах. Современный городской фольклор унаследовал эти истории из фольклора традиционного. Житель деревни Лыткарино Московской обл. рассказал о возможной связи храма с подземными ходами: *«В городе у нас был – да и сейчас есть, правда, в заброшенном виде – Никольский храм. По легенде в этом храме якобы находится гигантский подземный проход через Москву-реку на тот берег в село Остров. В селе Остров также расположен большой храм, и многие думают, что они между собой связаны»* [АРО]. Церковь выступает каналом связи с подземным миром и в рассказе молодого человека, упомянувшего о соликамских подземных ходах: *«На центральной площади, где церкви, подземных ходов много. Они между церквями»* [СТИ].

Популярность городских легенд о наличии тайных подземных ходов или веток метро, по нашим наблюдениям, с каждым годом возрастает. Подобные нарративы становятся одним из способов создания «воображаемого» города [Оже 1999]. При этом увеличивается количество квазиреалистических легенд, потеснивших мистические сюжеты. Городские легенды приобретают реалистичность за счет связи с историческими событиями или фактами. Выделяются три главных месторасположения подземных ходов, которые упоминаются чаще остальных: это тайные ходы или бункеры под университетами, значимыми городскими зданиями (обычно старинными либо административными), церквями и монастырями. К значимым городским локусам приурочивается обычно и расположение тайного метрополитена. Возможно, это связано с ключевыми функциями «воображаемых метро», которые напоминают о городских проблемах, а «создаваемые схемы метро связывают воедино ключевые городские объекты, проявляя, высвечивая, подчеркивая их значимость для города» [Радченко 2020].

Список информантов

АВВ – м., 1983 г. р., г. Снежинск, 2021.

АИИ – м., 1992 г. р., г. Пермь, 2021.

АПИ – ж., 1999 г. р., г. Москва, 2021.

АРО – м., 2006 г. р., г. Лыткарино Московской обл., 2020.

БМВ – ж., 1998 г. р., г. Москва, 2021.

- БНИ – м., 1997 г. р., г. Москва, 2020.
ВНМ – м., 1976 г. р., г. Березники Пермского края, 2021.
ЗДА – м., 1999 г. р., г. Москва, 2021.
ЗЕВ – ж., 1999 г. р., г. Пермь, 2021.
КАВ₁ – ж., 1998 г. р., г. Пермь, 2020.
КАВ₂ – ж., 2000 г. р., г. Екатеринбург, 2020.
КАП – ж., 1994 г. р., г. Пермь, 2021.
КАЮ – ж., 1999 г. р., г. Березники Пермского края, 2021.
КВИ – м., 1997 г. р., г. Снежинск, 2021.
КОП – ж., 1999 г. р., г. Москва, 2020.
ЛКВ – ж., 1999 г. р. г. Пермь, 2020.
МНК – ж., 1973 г. р., г. Москва, 2021.
ОДС – м., 1998 г. р., г. Санкт-Петербург, 2021.
ПМВ – ж., 1999 г. р., г. Пермь, 2020.
ПМЭ – ж., 1995 г. р., г. Пермь, 2021.
РМИ – м., 2000 г. р., г. Пермь, 2021.
СМВ – ж., 1999 г. р., г. Москва, 2021.
СМЮ – м., 1997 г. р., г. Москва, 2021.
СТИ – м., 1999 г. р., род. в г. Соликамск, прожив. в г. Пермь, 2020.
ТМН – ж., 1979 г. р., г. Снежинск, 2021.
ЯВН – м., 1997 г. р., г. Москва, 2021.

Список литературы

- Богатырева И. С.* Тайный, полезный, опасный: московский метрополитен в городских легендах // Фольклор и антропология города. 2018. №1. С.153–177.
- Кондаков Б. В., Королева С. Ю., Туманова О. С.* «Я только всякую страшную правду знаю»: легенды о промышленных объектах, катакомбах и долгостроих Перми // Фольклор и антропология города. 2018. №1. С.251–271.
- Кулятин А. И.* Феномен барнаульского метро в контексте городской мифологии // Культура и текст. 2018. №3 (34). С.76–87.
- Оже М.* От города воображаемого к городу-фигции // Московский художественный журнал. 1999. № 24. URL: <http://moscowartmagazine.com/issue/75/article/1623> (дата обращения: 20.06.2021).
- Правда и мифы о пермских катакомбах* // LiveJournal. 2012. 3 дек. URL: <https://permkosmopoisk.livejournal.com/tag/городские%20легенды> (дата обращения: 20.06.2021).
- Пьянкова Е.* Скрытый город. Экскурсия по старинным подземельям Перми. URL: https://perm.aif.ru/culture/details/skrytyy_gorod_ekskursiya_po_starinnym_podzemelyam_permi (дата обращения: 10.09.2021).
- Радченко Д. А.* Воображаемое метро: практики создания текстов о городских объектах // Медиатизация культуры: конструирование новых текстов и практик. Материалы Междунар. науч. конф. М.: Неолит, 2018. С.108–112.

Радченко Д. А. Антропология метро: как подземка меняет представление о городе [Аудиолекция с расшифровкой] // Arzamas. 2020. Курс №79: Метро в истории, культуре и жизни людей. Лекция № 3. URL: <https://arzamas.academy/courses/79/3> (дата обращения: 15.09.2021).

Субботин Н. Капище Чернобога // Око планеты [Электр. ресурс]. 2011. 4 марта. URL: <https://oko-planet.su/phenomen/phenomenseience/61947-kapische-chernoboga.html> (дата обращения: 25.09.2021).

Третьякова Е. Почему из-за Бориса Ельцина сожгли проект пермского метро // Комсомольская правда в Перми. 2021. 6 сентября. URL: <https://www.perm.kp.ru/daily/28326/4470714/> (дата обращения: 20.09.2021).

E.V. Zimnina

Master Student of Philological Faculty

Perm State University

URBAN LEGENDS ABOUT UNDERGROUNDS AND METROS

The article is devoted to modern urban legends about underground passages and "secret" metro lines in different cities. More than 35 legends are analyzed, the stories of Perm informants are considered. Urban narratives contain both realistic and fantastic motives: legends about the secret Metro-2, mutant rats, government underground passages. There are three main locations of underground passages: passages or bunkers under universities, city buildings or objects (old or administrative), churches and monasteries. We can talk about a tendency towards an increase in the number of quasi-realistic legends (including those based on rational fiction), which have supplanted mystical plots.

Keywords: modern urban folklore; urban legends; subways; Metro-2; fantastic motives.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

УДК 82.091

Ангелина Сергеевна Попова
студент филологического факультета
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
gelya111@mail.ru

«МЕРТВЫЕ ДУШИ» Н.В. ГОГОЛЯ И ЕВРОПЕЙСКАЯ ЭПИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ

В статье проводится компаративный, структурно-типологический и мотивный анализ поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» в сопоставлении с античными произведениями, относимыми к европейской эпической традиции («Одиссея» Гомера, «Энеида» Вергилия). В результате анализа фабульных элементов и их семантики в «Мертвых душах» обнаруживаются характерологическая соотнесенность героев, травестирование сюжетных элементов и иронические реминисценции.

Ключевые слова: Гоголь; Гомер; Вергилий; Мертвые души; Энеида; Одиссея; мотивный анализ.

В литературоведении хорошо изучена взаимосвязь «Мертвых душ» Н.В. Гоголя и «Божественной комедии» Данте Алигьери: оба произведения содержат мотив пути и образ дороги, имеют структурное и концептуальное сходство, им присущи универсализм, эпический масштаб, онтологический и сотериологический характер проблематики (см. подробнее [Голенищев-Кутузов 1971; Аксаков 1981; Герцен 1954; Купреянова 1981; Белый 1934; Гончаров 1997; Гольденберг 2007; Асоян 1989]). Однако абсолютизация данной преемственности существенно упрощает многогранное и интертекстуально насыщенное произведение Гоголя (см. подробнее [Воропаев 2014; Воропаев 2017; Виноградов 2000; Манн 1996]).

Вместе с тем проблеме сопоставления гоголевской поэмы с античным эпосом, на наш взгляд, уделено недостаточно внимания, поэтому в данной статье предлагается прочтение «Мертвых душ» в их интертекстуальных связях с античными эпическими поэмами – «Одиссеей» Гомера и «Энеидой» Вергилия. Выбор произведений обусловлен наличием в них общих с гоголевским текстом мотивов (пути, странствия, сна, предсказания и т.д.) и типологических параллелей, прослеживающихся на уровне персонажных систем.

Одним из основных в рассматриваемых произведениях является **мотив пути**. Дорога главных героев лежит в системе оппозиций: море – суша, город – деревня, истинные – ложные ценности. Герои сбиваются с пути и блуждают, что является основой сюжета. Самый «простой» тип «блужданий» – у Одиссея: они продолжительны во времени, детерминированы географически, составляют

его испытания и приключения. Линия судьбы Энея «повторяет» его морской путь, т.е. его географические «блуждания» параллельны духовным [Топоров 1993: 20]: он сбивается с курса и попадает в Карфаген, на время забывает о своем предназначении («Он теперь в Карфагене тирийском / Медлит, забыв об иных городах, судьбой ему данных» [Вергилий 1971: 185]¹). Но, пожертвовав любовью, у героя получается не «заблудиться нравственно» [Топоров 1993: 13–14]. Чичикова же географическое «заблуждение» не способно ни сбить с цели, ни заставить о ней забыть: намереваясь ехать к Собакевичу, он, заблудившись, попадает к Коробочке, но даже из этого извлекает выгоду. Таким образом, «блуждания» Чичикова совмещают оба типа: он физически сбивается с пути, образуя «боковые ходы» [Манн 1996: 275] сюжета, при этом идея поэмы состоит в том, чтобы показать нравственные, моральные «блуждания»-заблуждения души человека.

Подобно тому как Эней задерживается у Дидоны, Одиссеей семь лет находится на острове Калипсо. Чичикова отвлекает от идеи обогащения письмо незнакомки, которое «он перечел и в другой и в третий раз», «более часу он все думал об этом» [Гоголь 93]; и «задерживает» в пути губернаторская дочка: «Он тоже задумался и думал <...> “Славная бабенка!”» [Гоголь 161].

У Энея и Чичикова в критический момент появляется «идея спасительного пути» [Топоров 1993: 82]: опасаясь за будущее Энею после пожара Трои и смерти Приама план действий подсказывает Венера («Бегством спасайся, мой сын, покинь сраженья! С тобою / Буду всегда и к отчим дверям приведу безопасно» [Вергилий 157]); у Чичикова после неудачи на таможне возникает идея новой аферы («...героя нашего осенила вдохновеннейшая мысль <...> “Да накупи я всех этих, которые вымерли, <...> приобрети их, положим, тысячу, да, положим, опекунский совет даст по двести рублей на душу: вот уж двести тысяч капиталу!”» [Гоголь 240]). В поисках Италии Эней и его спутники несколько раз меняют курс, посещая различные локации. То же мы наблюдаем и у Чичикова, который до прибытия в NN бывал во многих губерниях: «...рассказывая множество приятных вещей, которые уже случилось ему проносить в подобных случаях в разных местах, именно: в Симбирской губернии, <...> в Рязанской губернии, <...> в Пензенской губернии, <...> в Вятской губернии» [Гоголь 170]. Разница в том, что Энея ведет судьба к географически конкретной цели. Конечная цель Чичикова географически не детерминирована, его движение – скорее сопротивление судьбе, в чем он сближается с Одиссеем.

В «Энеиде» и «Одиссее» морские скитания – испытание, посланное судьбой, необходимость, продиктованная географическими и историческими условиями. Дорога в эпических поэмах – средство; средством она остается и для Чичикова, при этом автор поэтизирует дорогу: «Какое странное, и манящее, и несущее, и чудесное в слове: дорога! и как чудна она сама, эта дорога», «Боже! как ты хороша подчас, далекая, далекая дорога!» [Гоголь 221–222]. Чичиков как бы продолжает тему морских скитаний античных героев, что акцентируется в яркой реминисценции: «Действительно, чего не потерпел я? как барка какая-

нибудь среди свирепых волн... Каких гонений, каких преследований не испытал, какого горя не вкусил...» [Гоголь 36–37].

Главные герои, прямо или косвенно, связаны с **царством мертвых**. Посещение Аида в «Одиссее» – лишь одно из приключений Одиссея, тогда как в «Энеиде» – место приобщения к эзотерическим знаниям, центральная, философская часть повествования. Схождение Энея в царство мертвых – своеобразная инициация. Деятельность Чичикова с мертвыми душами – ее переосмысление и снижение [Шульц 2017: 85]. В седьмой главе Чичиков «общается» с купленными крестьянами как с живыми. Одиссей и Эней в загробном мире так же разговаривают с душами («обнять захотел я отшедшую матери душу; / Три раза руки свои к ней <...> простер я, / Три раза между руками моими она проскользнула» [Гомер 125]; «Трижды пытался отца удержатъ он, сжимая в объятых, – / Трижды из сомкнутых рук бесплотная тень ускользала» [Вергилий 237]).

На протяжении всего сюжета Одиссей и Эней получают **предсказания**: Одиссею, Телемаху, Полифему и другим предсказывают Тиресий, Телам, Полифейд, Алиферс, Феоклимен; Энею сообщают о будущих испытаниях тень Креусы, Гелен, Сивилла, Келено, Анхиз. Оба героя спускаются в Аид за предсказанием, где Одиссей встречает свою мать и получает пророчество от Тиресия, Эней – от своего отца. Для них значимы слова их родителей. Чичиков в свою очередь посвятил всю жизнь реализации отцовского завета «беречь и копить копейку» [Гоголь 227]. Функцию предсказаний в «Мертвых душах» выполняет автор-повествователь в своей эпически-всезнающей роли («...пассаж, о котором читатель скоро узнает» [Гоголь 18]).

Мотив памяти часто появляется в античных поэмах: память о прошлом, о родине для героев чрезвычайно важна. Значимость памяти как категории для Чичикова сомнительна (о детстве героя, о его отце мы узнаем от автора-повествователя), ему в большей степени присуща опора на опыт.

С мотивом памяти связан **мотив искания**: Эней ищет Италию (свою родину), выполняя волю богов; Одиссей преодолевает препятствия для возвращения домой, к семье. Одиссей и Чичиков принадлежат к авантюрному типу героя, в них «проступают черты мифологическо-эпического плута-трикстера, сказочного героя-обманщика» [Шульц 2017: 55]. Они оба идут против судьбы (тогда как Эней вверяется судьбе), используют все средства для достижения цели: дома (реального и покинутого у Одиссея и воображаемого будущего у Чичикова), Телемаха и будущих «потомков» [Гоголь 89], Пенелопы и «бабенки» [Гоголь 161]. То, что для Одиссея было реальным, материальным и значимым, Гоголь «снижает», делает иллюзорным и миражным. Таким образом, Чичиков отчасти совмещает цели исканий Одиссея и Энея: чичиковская финальная цель близка одиссеевой, но в отличие от последнего Чичиков не желает вернуться в покинутый дом, а, подобно Энею, устремлен в будущее.

Некоторые мотивы из «Одиссеи» Гоголем переосмысляются, часто снижаются до бытового или физиологического уровня. Например, Одиссей и Те-

лемах с помощью Афины изменяют облик («С сими словами богиня к нему прикоснулась тростью. / Разом на членах его, вдруг иссохшее, сморщилось тело, / Спали с его головы златотемные кудри, сухою / Кожею дряхлого старца дрожащие кости покрылись, / Оба столь прежде прекрасные глаза подернулись струпом», «Образ его несказанной красой озарила Афина, / Так что дивились люди») [Гомер 15, 155]. В «Мертвых душах» вместо перевоплощения – карнавализованный **мотив переодевания**: в поэме часто встречаются описания одежды Чичикова, процесса его одевания («Чичиков ушел в комнату одеться и умыться», «довольное расположение сопровождало его во все время одевания», «надел перед зеркалом манишку», «очутился во фраке брусничного цвета с искрой», «он надел рубаху; платье, уже высушенное и вычищенное, лежало подле него. Одевшись, подошел он к зеркалу» [Гоголь 48, 83, 211]). Образ Плюшкина в плане одежды травестирован: «Платье на ней (фигуре) было совершенно неопределенное, похожее очень на женский капот; на голове колпак, какой носят деревенские дворовые бабы» [Гоголь 144].

Мотив узнавания из «Одиссеи» (Одиссея по прибытии узнают Телемах, Аргус, Эвриклея, Пенелопа, Лаэрт) в «Мертвых душах» превращается в **неузнавание**: Чичиков пытается понять, «баба или мужик» Плюшкин, чиновники не могут распознать самого Чичикова: «решилось дело тем, что никак не могли узнать, что такое был Чичиков» [Гоголь 209].

Эней и Одиссей видят пророческие, весьма информативные **сны**, которые имеют большое значение для них самих, для их судьбы и безопасности (Гермес торопит Энея отплыть из Карфагена). Чичиков тоже изображен спящим: ночует у Ноздрева, у Коробочки, в бричке в дороге, после празднования у губернатора «заснул решительно херсонским помещиком» [Гоголь 152]. Но ни от него, ни от автора нам не известно о содержании его сновидений и вообще об их наличии (ср. рассказ Коробочки о приснившемся черте, Ноздрева – о том, как его высекли). Так, сны, имеющие судьбоносную роль в античных поэмах, в «Мертвых душах» наполняются только физиологическими подробностями: «день <...> был заключен <...> крепким сном во всю насосную завертку» [Гоголь 12].

В «Энеиде» и «Одиссее» герои периодически попадают на **пиры**, устраивают их сами, приносят жертвы: при всей гиперреалистичности описания, еда играет, как правило, сакральную роль (исключение – пирующие женихи). В «Мертвых душах» акту купли-продажи предшествует акт еды. Однако, «при всей внешней схожести на архаичные формы древнего обряда в поэме Гоголя акт еды <...> становится бытовым обычаем и получает только плотски-физиологическую, т.е. дьявольскую семантику» [Ельницкая 2007].

И Одиссей, и Эней в трудные моменты обращаются к **богам** [Шульц 2017: 75–77] («Благочестивый Эней <...> / К небу руки простер и призвал бессмертных на помощь: “О всемогущий Отец! Коль не все, как один, ненавистны / Стали троянцы тебе, если есть в тебе прежняя жалость / К бедам людским, – о Юпитер! – не дай уничтожить пожару / Все корабли”» [Вергилий 214];

«произнес он такую молитву: / “Дий, наш отец, да исполнится все, что теперь обещал мне / Царь Алкиной, и да будет всегда <...> / Слава ему! А меня проводи безопасно в отчизну”» [Гомер 81]). Слово «бог» в речи Чичикова появляется часто, но оно произносится «всуе» и для героя не имеет особой ценности. Следовательно, в аксиологическом плане, Чичиков первого тома противопоставлен Энею и Одиссею.

В анализируемых произведениях можно проследить две системы оппозиций: «гости – хозяева» и «господа – рабы».

Эней, Одиссей и Чичиков часто оказываются в роли гостя. Эней задерживается в Карфагене у Дидоны, Одиссей – у Кирки, Калипсо, Алкиноя. Для них пребывание в гостях – задержка на пути к цели, тогда как визиты в гости для Чичикова – средство достижения цели. Хотя автор-повествователь подчеркивает, что хозяин в произведении Чичиков («это вина Чичикова, здесь он полный хозяин, и куда ему вздумается, туда и мы должны тащиться» [Гоголь 241]), определяет его как «хозяина, приобретателя» [Гоголь 241], но гораздо чаще говорит о нем как о госте («Приезжий гость и тут не уронил себя: он сказал какой-то комплимент», «“Нет, Павел Иванович, нет, вы гость”, говорил Манилов», «гость отказался и от почесывания пяток», «Плюшкин заключил, что гость должен быть совершенно глуп» [Гоголь 14, 27, 47, 123]). При этом автор-повествователь многократно называет других персонажей «хозяевами» («Чичиков заметил на крыльце самого хозяина (Манилова)», «Чичиков поблагодарил хозяйку (Коробочку)», «сам хозяин (Ноздрев) в другой раз назвал его уже другим именем», «Хозяин (Собакевич), казалось, сам чувствовал за собою этот грех», «(Плюшкин) был бережливым хозяином» [Гоголь 30, 48, 56, 77, 118]). Таким образом, дихотомия «гости – хозяева» в «Мертвых душах» неоднозначна. Неоднозначной она является и для «Одиссеи», поскольку во время своих странствий главный герой – гость, у себя дома – хозяин. Эней в роли «хозяина» мы также практически не видим: в начале поэмы у него уже нет дома, в конце – еще нет. Так, ни Эней, ни Чичиков не имеют того, в отношении чего их можно было бы именовать «хозяевами» – дома.

В «Диалектике Просвещения» М. Хоркхаймера и Т. Адорно взаимоотношения Одиссея и его спутников рассматриваются с точки зрения социальных ролей «господ» и «рабов». Как «господин», Одиссей заботится о своих спутниках, несет за них ответственность (залепляет уши воском при прохождении мимо Сирен, возвращает им человеческий облик на острове Кирки, выводит из пещеры Полифема), но вместе с тем расчетливо управляет ими: выбирает гибель шести спутников в пастях Скиллы вместо гибели всего корабля в водовороте Харибды, неоднократно посылает товарищей вперед себя («избрал я / Двух расторопнейших самых товарищей наших <...> и сведать послал их, к каким мы достигли / Людям», «Дело обдумав, уверился я наконец, что удобней / Было <...> / Там отобедать с людьми и, надежнейших выбрав, отправить / Их за вестями» [Гомер 97, 111]). Эней в подобных ситуациях, напротив, первым встречает опасность («Юного сына, отца Анхиза, троянских пенатов / Я пору-

чаю друзьям, укрыв их в изгибе долины, / Сам же в город стремлюсь <...> / Твердо решаю опять превратности боя изведать» [Вергилий 160]).

В отличие от мудрого и хитрого Одиссея, всегда остающегося человеком «цивилизации», его спутники невоздержаны, невежественны (развязывают мешок Эола, убивают коров Гелиоса), их превращение в свиней – социальная метафора (в «Мертвых душах» звериная тематика остается на уровне сравнений, например: «она (фигура) обсмотрела <...> Селифана и лошадей, начиная с хвоста и до морды» [Гоголь 114]).

В поэме Гоголя, где тема рабства и работорговли является значимой, рассматриваемая дихотомия не так однозначна: если в «Одиссее» герои принадлежат к одной условной группе и социально, и духовно, то в «Мертвых душах» эти два плана оксюморно объединены («социальные господа» являются «духовными рабами», при этом покупают и продают «духовных господ» и «социальных рабов»). Так, Селифан и Петрушка причисляются к «имуществу» Чичикова, тем самым их образ «снижается»: «держалось у него тысячонок десяток <...>, да дюжины две голландских рубашек, да небольшая бричка <...>, да два крепостных человека» [Гоголь 237]. В то же время они культурно «превосходят» некоторых помещиков: например, Петрушка любит читать (ср.: у Манилова «всегда лежала какая-то книжка, заложённая закладкою на четырнадцатой странице, которую он постоянно читал уже два года» [Гоголь 25]).

Таким образом, Гомер скрыто выражает идеологию господства и антропологического неравенства, а Гоголь, напротив, склонен отчасти сближать «рабов» и «господ»: Чичиков предприимчив, умен, имеет широкий кругозор («о чем бы разговор ни был, он всегда умел поддержать его», «вдохновеннейшая мысль, какая когда-либо приходила в человеческую голову» [Гоголь 17, 239–240]), вместе с тем автор-повествователь иронически намекает на возможность усомниться в «одиссеевской» хитрости героя, как посредством зооморфного снижения образа («у тебя-то, как у борова, вся спина и бок в грязи!», «Чичиков подымал только нос кверху да нюхал», «подошедший в это время к окну индейский петух <...> заболтал ему что-то», «Обругай оказал такую же дружбу Чичикову и, поднявшись на задние ноги, лизнул его языком в самые губы» [Гоголь 46–48, 73]), так и прямым текстом (Чичиков «заснул сильно <...> как спят одни только те счастливыцы, которые не ведают ни геморроя, ни блох, ни слишком сильных умственных способностей» [Гоголь 132]).

Несмотря на то, что в социальном плане Эней, безусловно, «господин» (как и Одиссей, он командует своими спутниками: «Друзьям тогда приказал я / Взять оружие и в бой вступить <...> / Точно приказ выполняют они», «И тевкры / С радостью бросились вмиг выполнять приказанья Энея» [Вергилий 167–168, 187]), со спутниками он ведет себя как с равными («Эней, не меньшим гневом исполнен / <...> Сам утешал он друзей и тревогу печального Юла» [Вергилий 349–350]).

Проанализировав реализацию некоторых общих мотивов, кратко сопоставим некоторые доминанты поэтики трех великих поэм. «Мертвые души» с

«Одиссеей» объединяет эстетическая разнородность, отход от эпического монументализма, натуралистичность, телесность деталей, описаний (о поэтике Гомера см. подробнее [Лосев 2006]), универсализм идейного замысла; вместе с тем судьба и цели Чичикова являются иронически-пародийным переосмыслением судьбы и целей Одиссея, что отчетливо видно во фрагменте из одиннадцатой главы: *«Теперь можно бы заключить, что после таких бурь, испытаний, превратностей судьбы и жизненного горя он удалится с оставшимися кровными десятью тысячками в какое-нибудь мирное захолустье <...> Но так не случилось. <...> В нем не потухла непостижимая страсть. Он был в горе, в досаде, роптал на весь свет, сердился на несправедливость судьбы, негодовал на несправедливость людей и, однако же, не мог отказаться от новых попыток. <...> Кровь Чичикова, напротив, играла сильно, и нужно было много разумной воли, чтоб набросить узду на все то, что хотело бы выпрыгнуть и погулять на свободе. Он рассуждал, и в рассуждениях его видна была некоторая сторона справедливости»* [Гоголь 238].

Переклички «Мертвых душ» с «Энеидой» заключаются в географической соотнесенности пути и судьбы героев, их устремленности в будущее, влиянии на них женщин, эхообразности пространства, наличии похоронной символики и антрополокальной соотнесенности (об этих чертах вергилиевского мира см. подробнее [Топоров 1993]).

На основании проведенного анализа можно сделать вывод о том, что «Мертвые души» имеют тематические, мотивные и сюжетные переклички с «Энеидой» и «Одиссеей», при этом семантика мотивов значительно изменяется: дегероизируется, овеществляется и травестируется. Поэма Гоголя объединяет два начала в иронически переосмысленном виде: внешнее авантюрное («Одиссея») и внутреннее психологическое («Энеида»).

Несмотря на то что Чичиков не эпический и не героический тип персонажа, он имеет общие черты характера с Энеем и Одиссеем (воля, хитрость, рассудительность, самоограничение во имя будущего, упорство), но ближе он «хитроумному» Одиссею, чем послушному судьбе Энею.

Эпическая традиция – своеобразный код, позволяющий увидеть в «Мертвых душах» новые смыслы, дающий оптику, благодаря которой раскрываются смысловые нюансы текста. Традиции Гомера и Вергилия Гоголем переосмысляются, снижаются, обытовляются, что проявляется в новаторском использовании мифологических аллюзий, иронических реминисценций, элементов гротеска, описании трапез. В этом отчасти реализуется функция другой традиции, присутствующей в произведении – мениппеиной парадигмы: философское рассуждение оформляется в комическую, гротесковую форму с элементами карнавальской поэтики. Наличие в одном произведении двух традиций, взаимодействующих на различных уровнях и раскрывающихся в сознании читателя, делает его поликодовым и емким в смысловом отношении.

Примечание

¹ Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: в 14 т. М.: Изд-во АН СССР, 1951. Т. 6, ч. 1. 924 с. Гомер. Одиссея / пер. с греч. В. А. Жуковского. М.: Наука, 2000. 482 с. Публий Вергилий Марон. Буколики. Георгики. Энеида / пер. с лат. С. А. Ошерова. М.: Художественная литература, 1971. 417 с. Здесь и далее произведения цитируются без указания года издания и тома с указанием страниц в квадратных скобках.

Список литературы

Аксаков К. С. Несколько слов о поэме Гоголя: «Похождения Чичикова, или Мертвые души». М.: Современник, 1981. С.141–150.

Асоян А. А. Данте и русская литература. Свердловск: Изд-во Уральского университета, 1989. С.63–71.

Белый А. Мастерство Гоголя. М.–Л.: ОГИЗ, 1934. 355 с.

Виноградов И. А. Гоголь – художник и мыслитель: христианские основы мирозерцания. М.: Наследие, 2000. 448 с.

Воропаев В. А. Николай Гоголь: Опыт духовной биографии. М.: Паломник, 2014. 336 с.

Воропаев В. А. Н.В. Гоголь: жизнь и творчество: В помощь преподавателям, старшеклассникам абитуриентам. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2017. 120 с.

Герцен А. И. Собрание сочинений: в 30 т. М.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. 2. 519 с.

Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: в 14 т. М.: Изд-во АН СССР, 1951. Т. 6, ч. 1. 924 с.

Голенищев-Кутузов И. Н. Творчество Данте и мировая культура. М.: Наука, 1971. 552 с.

Гольденберг А. Х. К проблеме Дантовского архетипа в поэтике Гоголя // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2007. № 5 (23). С.115–119.

Гольденберг А. Х. Часы в доме Коробочки (опыт мифопоэтического комментария) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2011. № 8 (62). С.156–161.

Гомер. Одиссея / пер. с греч. В. А. Жуковского. М.: Наука, 2000. 482 с.

Гончаров С. А. Творчество Гоголя в религиозно-мистическом контексте. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 1997. 338 с.

Ельницкая Л. М. О мифологическом подтексте и архаических элементах сюжета «Мертвых душ». М., 2007. URL: <http://www.domgogolya.ru/science/researches/1459/> (дата обращения: 12.02.2021).

Купреянова Е. Н. Н.В. Гоголь. История русской литературы: в 4 т. / Под ред. Е.Н. Купреяновой. Л.: Изд-во АН СССР, 1981. Т. 2 С.530–572.

Лосев А. Ф. Гомер. М.: Молодая гвардия, 2006. 400 с.

Манн Ю. В. Поэтика Гоголя. Вариации к теме. М.: Coda, 1996. 474 с.

Обидина Ю. С. Путешествие Одиссея в загробный мир: опыт осмысления места человека в греческой архаической космологии // *Запад – Восток*. 2016. № 9. С.9–17.

Публий Вергилий Марон. Буколики. Георгики. Энеида / пер. с лат. С. А. Ошерова. М.: Художественная литература, 1971. 417 с.

Топоров В. Н. Эней – человек судьбы. Часть I. М.: Радикс, 1993. 208 с.

Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты / пер. с нем. М. Кузнецова. М.–СПб.: Медиум, Ювента, 1997. 312 с.

Шульц С. А. Поэма Гоголя «Мертвые души»: внутренний мир и литературно-философские контексты. СПб.: Алетейя, 2017. 288 с.

A.S. Popova

Student of Philological Faculty

Perm State University

“DEAD SOULS” BY N. GOGOL AND EUROPEAN EPIC TRADITION

The article focuses on the comparative, motif, structural and typological analysis of the poem by N. Gogol “Dead souls” in comparison with antique works of European epic tradition. “Odyssey” by Homer and “Aeneid” by Virgil quote as typological parallels because they contain equal motifs. The article concludes that in the poem by N. Gogol there are characterological correlation of the characters, travesty of elements of the plot and ironic reminiscences.

Key words: Gogol; Homer; Virgil; Dead souls; Aeneid; Odyssey; motif analysis.

УДК 82+159.961.7

Ксения Владимировна Лунегова
магистрант филологического факультета
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
cobalt16@bk.ru

СПИРИТИЧЕСКИЕ СЕАНСЫ НА СТРАНИЦАХ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX–XX ВЕКОВ

В статье на литературном материале XIX–XX вв. предпринимается попытка выявить характерные для этого времени особенности проведения спиритических сеансов. В ходе анализа удалось установить, что художественное изображение сеансов и их участников может быть различным: на страницах произведений спиритизм предстает как модное развлечение для высшего общества и/или описывается с явным ироническим подтекстом. Литературные изображения спиритических сеансов содержат ценные для исследователя подробности, характеризующие модели коммуникации с «нечистой силой» и правила, которые необходимо было соблюдать участникам ритуала.

Ключевые слова: литература XIX века; литература XX века; спиритизм; спиритические сеансы; гадания.

Как известно, серьезное увлечение спиритизмом охватило Северную Америку, Европу и Россию во второй половине XIX века. В это время появляются разнообразные спиритические техники, основанные на вере в возможность общения с душами умерших и другими сверхъестественными силами. Довольно быстро упоминания различных спиритических ритуалов начинают встречаться и на страницах литературных произведений. Они представляют интерес для нашего исследования, поскольку помогают дополнить наши знания как о настроениях людей, так и о деталях ритуалов, проводившихся в различные исторические эпохи.

В последней трети XIX века к теме спиритизма обращается Ф.М. Достоевский. Он высказывается об этом явлении в *«Дневнике писателя»*, выходившем ежемесячно, представлявшем собой своеобразный синтез литературы и журналистики и доступном широкому кругу читателей. В январском выпуске за 1876 г. имеется раздел «Спиритизм. Нечто о чертях. Чрезвычайная хитрость чертей, если только это черти». Здесь обнаруживается упоминание о практике столоверчения, уже тогда хорошо известной в России. Отношение Ф.М. Достоевского к этому феномену можно охарактеризовать как крайне ироничное: *«...пишут, что духи глупы (то есть черти, нечистая сила: какие же тут могут быть другие духи, кроме чертей?), – что когда их зовут и спрашивают (столоверчением), то они отвечают все пустячки, не знают грамматики, не сообщили ни одной новой мысли, ни одного открытия»* [Достоевский

1981: 33]. Ф.М. Достоевский заканчивает статью утверждением, что раздор, разгоревшийся вокруг спиритизма, и изгнание людей из общества за приверженность ему лишь помогают распространению «идеи спиритизма в самом дурном ее смысле». Взамен возникающей нетерпимости и преследований автор предлагает «свободное исследование» этого явления.

Разговор о спиритизме, пусть и упомянутом вскользь, мы можем также найти в последнем романе Ф.М. Достоевского *«Братья Карамазовы»* (1880). Высказывание о спиритах принадлежит черту, который отзывается об этих людях с явной иронией за их веру в то, что с помощью своих действий они получают некие «материальные доказательства» существования «того света»: *«Вот, например, спириты... я их очень люблю... вообрази, они полагают, что полезны для веры, потому что им черти с того света рожки показывают. “Это, дескать, доказательство уже, так сказать, материальное, что есть тот свет”. Тот свет и материальные доказательства, ай-люли!»* [Достоевский 2015: 641]. По всей видимости, предметом иронии оказывается религиозность современного человека, который не может себе позволить поверить во что-то без «материальных доказательств».

Примерно в это же время появляются случаи комического изображения спиритических сеансов на сцене. Такова, к примеру, комедия А.Ф. Писемского *«Финансовый гений»*, написанная в 1876 году (и ставшая, по мнению А.А. Панченко, претекстом «Плодов просвещения» Л.Н. Толстого). Сюжет пьесы отчасти схож с более поздним толстовским произведением: главный герой – финансист Сосипатов – не только оказывается под влиянием мошенников, но и отдает все свои дела под руководство духов. Когда в присутствии героев впервые проводится спиритический сеанс, многие из них чувствуют страх, относясь к происходящему явно серьезно. Однако среди свидетелей коммуникации с духом находятся и скептики, которые утверждают, что это всего лишь фокус и ничего магического в этом нет. Другие же пытаются найти этому объяснения с помощью законов физики: *«Барон. Стол очень обыкновенная вещь; на него действуют хоть и маленьких, но несколько сил, которые и двигают его»* [Писемский 1876: 14–15].

Примечательно, что в сатирической сцене содержатся упоминания вполне реальных правил проведения спиритических ритуалов. Так, в качестве обязательного условия проведения спиритического сеанса указывается темнота. Когда только прибывшего сэра Тонеля просят показать «хоть маленький опыт спиритизма», он объясняет, что для этого в комнате должно стать темно. Конечно, темнота имеет здесь и другое значение: это условие, при котором мошенникам легче провести доверчивых участников сеанса. Что касается непосредственно коммуникации с потусторонними силами, то в пьесе Писемского она осуществляется, в первую очередь, с помощью стука, громких ударов в ответ на заданный вопрос. Нечетное число ударов трактуется как положительный ответ или же благоприятный исход события, а четное, следовательно, как отрицательный.

Любопытной для рассмотрения представляется пьеса Л.Н. Толстого «*Плоды просвещения*» (1891). Она была написана для домашнего спектакля под впечатлением, полученным от настоящего спиритического сеанса, на котором автор присутствовал.

В пьесе Толстого спиритические сеансы, которыми развлекают себя господа, выставлены в безусловно комическом свете. Крестьяне мало что понимают в развлечении господ, но им удается извлечь из него свою выгоду: получить землю, которую хозяин первоначально отказывался продавать им в рассрочку, требуя полной суммы. За медиума выдает своего жениха Семена горничная Татьяна, упоминая, что с ним творятся разные странные вещи:

«Таня. Да вот опасуюсь насчет Семена. С ним это бывает.

Леонид Федорович. Что бывает?

Таня. Да вот вроде, как спири...тичество. Это у людей спросите. Как только он задремлет у стола, сейчас стол затрясется, весь заскрипит так: тук, ту... тук! Все и люди слышали» [Толстой 1982: 132–133].

По тому, как героиня произносит слово «спиритичество», мы можем понять, насколько далеки простые люди от подобных развлечений. На контрасте между представителями разных сословий строится все действие пьесы. Сеанс здесь предстает тщательно продуманным спектаклем, в финале которого горничная и ее жених планируют подбросить бумагу о покупке земли на стол – словно это дух просит Леонида Федоровича ее подписать:

«Таня. А третье-то пуце всего. Ты помни: как бумага на стол падет – я еще в колокольчик позвоню, – так ты сейчас же руками вот так... Разведи шире и захватывай. Кто возле сидит, того и захватывай. А какхватишь, так жми. (Хохочет.) Барин ли, барыня ли, знай – жми, все жми, да и не выпускай, как будто во сне, а зубами скрыти али рычи, вот так... (Рычит.) А как я на гитаре заиграю, так как будто просыпайся, потянись, знаешь, так, и проснись... Все помнишь?» [Толстой 1982: 165].

Рассмотрим, как именно представлен спиритический сеанс в пьесе. Здесь мы можем найти некоторые конкретные подробности. В первую очередь, стоит упомянуть о том, что персонажи постоянно говорят о необходимости присутствия на сеансе медиума – человека с особыми, сверхъестественными способностями, с которым должно происходить нечто волшебное, необъяснимое.

В пьесе представлено несколько ритуальных способов коммуникации с духами. Первый упоминается, когда после просьбы мужиков Леонид Федорович удаляется «в раздумья». Слуги между собой обсуждают, что хозяин задает вопросы «по блюдечку», используя при этом азбуку – вполне вероятно, что буквы написаны по кругу и из тех, на которых блюдеце останавливается, складывается слово-ответ.

Второй способ реализуется непосредственно в ходе спиритического сеанса и подготовки к нему. Медиума «усыпляют», объясняя это некой научной необходимостью. Также одним из обязательных правил проведения сеанса является темнота; один из героев пьесы пытается объяснить это требование с

научной точки зрения, говоря о том, что темнота – непременно условие проявления «медиумной энергии». Сама коммуникация с духом осуществляется в этой сцене путем перестукивания: персонажи задают вопрос и слышат в ответ стук. Согласно их условным обозначениям, ответ «да» – это два удара, в случае отрицательного ответа стука быть не должно.

Чуть ранее к изображению спиритического сеанса обращается Д.Н. Мамин-Сибиряк в рассказе «*Седьмая труба*», написанном в 1888 году (цикл «Сибирские рассказы»). Это произведение представляет особый интерес, т.к. изображает спиритический ритуал, выполняемый в образованной, но более демократичной среде: основные участники сеанса – служащие-разночинцы и студенты. Действие происходит в доме богатой старухи-старообрядки, где собираются молодые люди, среди которых находятся и ее внуки. Спиритический ритуал в коротком эпизоде представлен как развлечение молодежи, не испытывающей особенного страха.

В произведении мы можем найти упоминание, что к этому развлечению герои прибегают на Святки – особое время, когда, согласно народной традиции, принято гадать. Именно с таким аргументом и обращается к Марфе Захаровне внучка Клавдия, упрашивая бабушку разрешить задуманную шалость: «– *Бабушка, миленькая, позволь нам подурачиться, ведь теперь святки!*» – *упрашивала девушка лет двадцати с таким красивым и типичным лицом* [Мамин-Сибиряк 1958: 357]. Возможно, в рассказе находит отражение процесс постепенного сближения спиритического сеанса с гаданиями – формой ритуального развлечения, более понятного и привычного широким слоям населения [Королева, Коршунков 2017].

В рассказе Д.Н. Мамина-Сибиряка начавшееся было гадание прерывается появлением коровницы Агафьи, пришедшей получить благословление хозяйки на дойку коровы. Почти сразу вслед за этим в дом старухи приезжает Садок Иванович – старый начетчик. Слушая покаяние Марфы Захаровны, он резко осуждает занятие молодых людей. В речи этого персонажа мы можем найти устоявшееся в старообрядческой среде отношение к спиритическим гаданиям – в них усматривается связь с «бесовщиной», нечистыми силами, которые в дальнейшем будут вредить человеку: «*Он [нечистый] его [стол] всегда поднимает и когтем еще поцарапает. Все знаю. Табашники теперь везде через стол бесов вызывают, а он им когтем: цап!.. Вот до чего дошло... Не бойсь, подавай ему стол. Тоже знает, где вылезти. А ты знаешь, миленькая, что такое есть стол? Ох, великий и непоправимый грех: хлеб на столе едят, миленькая, и с молитвой едят... Помрешь, миленькая, куда тебя положат-то? Вот он тебя тогда со стола-то когтем и зацепит... Верно тебе говорю: везде теперь маловернии бесоиманием занялись, и везде он оказывает свой звериный образ...*» [Мамин-Сибиряк 1958: 357].

Изображения спиритических ритуалов встречаются и в литературе XX века. Упоминания о спиритических сеансах можно найти в романе Андрея Белого «*Петербург*» (1913). Здесь данный феномен присутствует как бы на пе-

риферии повествования, упоминается как одно из существующих развлечений знати, ради которого был основан спиритический кружок. Лаконичное упоминание подобного рода практик здесь служит для создания целостной картины образа жизни петербургского высшего общества. Мы видим, что к началу XX века это развлечение было не только широко известно, но даже модно. Спиритические сеансы проводили у себя знатные дамы, которые приглашали к себе гостей.

Особенности проведения сеансов в этом символистском романе не описываются. Встречается, однако, упоминание о «спиритической цепи»: *«...дружно собравшиеся спириты составили спиритическую цепь: но едва составили они цепь, как среди цепи обнаружилось домино и коснулось в пляске складками мантии кончика носа титулярного советника С. Врач Г-усской больницы констатировал на носу титулярного советника С. сильнейший ожог: кончик носа, по слухам, покроют лиловые пятна»* [Белый 1999: 87]. Также в романе встречается короткое описание одного из сеансов, на котором дух обнаруживал себя посредством стуков, искр и подпрыгнувшего стола. Это описание дается в ироническом ключе, как бы ставящим под сомнение реальность происходящего на сеансе: *«У баронессы R.R. в этот вечер были постукиванья; белесоватые искорки бегали по стене; и однажды подпрыгнул даже стол, ничего более...»* [Белый 1999: 105].

В рассказе М. А. Булгакова *«Спиритический сеанс»* (1922) спиритический ритуал является событием, которое оказывается в центре произведения – по сути, мы можем говорить о нем как о том пространстве и времени, в условиях которого разворачивается все пародийно-сатирическое повествование.

В финале рассказа в дверь раздается стук и на пороге появляются представители советской власти. Однако их приход воспринимается участниками сеанса как продолжение коммуникации с вызванным духом. Выбранный автором способ повествования, с одной стороны, обыгрывает ожидания героев, а с другой – дает своего рода оценку тем, кто готовится войти в квартиру, что создает особый комический эффект: *«А дух действительно был полон силы. Он забарабанил так, что у спиритов волосы стали дыбом. Вмиг замерло дыхание, стала тишина...»*

Дрожащим голосом выкрикнул Павел Петрович:

– Дух! Кто ты?..

Из-за двери гробовой голос ответил:

– Чрезвычайная комиссия» [Булгаков 2012: 23].

Очевидно, что в этом случае с нечистой силой отождествляются представители ВЧК. В этом же явно сатирическом ключе следует и описание «духа», который приходит к героям (а на деле является уполномоченным, которому стало известно о проведении в квартире ритуала, который – наряду с прочими мистическими действиями – нынешним правительством не одобряется).

Несмотря на сатирический характер произведения, можно говорить о том, что детали подготовки и проведения спиритического сеанса автор описывает

весьма правдоподобно. В художественном тексте фигурирует целый ряд подробностей, которые часто встречаются в известных нам научных работах о спиритизме [Королева, Коршунков 2017; Мирвода 2020]. Например, в рассказе встречается упоминание «трехногого» стола, который для проведения сеанса должен быть без гвоздей. Изначальное нарушение важного условия ритуала как бы ставит под сомнение все последующее действие и в каком-то смысле может служить объяснением неожиданного финала (после нечистой силы и/или духа умершего человека на зов приходит еще более страшное существо – представитель ВЧК).

Когда стол установлен, одному из героев рассказа, Ксаверию Анатольевичу, предлагается быть медиумом. Это еще одно условие, которое было необходимо для спиритических сеансов: наличие особого человека, который будет взаимодействовать с вызванным духом. (Фигура медиума, популярная в «настоящих» спиритических сеансах, утрачивается в простонародных спиритических гаданиях. Ему на смену приходит *знающий* – хозяин гадающего стола или наиболее опытный участник гаданий, под чьим руководством будет проводиться ритуал и который будет задавать вопросы духу).

В русской литературе советского периода упоминаний о спиритических ритуалах обнаруживается значительно меньше. Одно из описаний мы находим в автобиографическом рассказе Олега Шестинского «*Словно вода сквозь камни*», опубликованном в апрельском номере журнала «Смена» за 1986 год. Действие происходит в военное время в Ленинграде. Сцена, где мальчишки решаются вызвать «души знаменитых людей», является лишь частью произведения и способствует развитию сюжета, основой которого являются взаимоотношения героя-рассказчика и девочки-одноклассницы по фамилии Шавейко. Судя по описанию, сам рассказчик выводит в качестве ответа ее фамилию:

«– Ваше величество, – вкрадчиво приступил он [одноклассник героя], – кто из девочек нашего класса вам больше всех нравится?»

Артюхов и Павлов с возмущением взглянули на юного кавалера, считая, что он задает неподобающий вопрос. Руки наши в очередной раз застыли на матовом фарфоре блюда. И неожиданно передо мной заколыхались темно-медные волны волос Шавейко. Они то рассыпались, то стягивались в жгут, переливаясь яркими звездочками меди. Мои пальцы дрогнули, опережая другие. И блюдо вывело ошеломленным товарищам: “Шавейко”» [Шестинский 1986: 24].

Именно после гадания герой твердо решает принять ее приглашение на день рождения, хотя до этого он явно сомневался, нужно ли туда идти.

При более подробном изучении описания ритуала, который проводили мальчишки, стоит отметить упоминание гадающей книги, которую инициатор развлечения Артюхов, по его словам, нашел у своей матери. Описанию подготовки к ритуалу в рассказе уделено всего несколько предложений, однако из них мы узнаем, что перед вызовом духов мальчишки закрывают окно и единственным источником света становится свеча, которую они зажигают. Что же касается отношения к происходящему, то для мальчишек это скорее необычное

развлечение; однако, принимая во внимание, что действие рассказа происходит в советское время, когда вера в «иную реальность» искоренялась и считалась «вредным пережитком», вызывать души знаменитых людей герои собираются втайне ото всех и никому не сообщают о том, чем собираются заняться. Герой-рассказчик даже употребляет слово «заговорщики», описывая, как они собираются для проведения ритуала: *«Я отметил, что с таким же загадочным видом он побеседовал с Павловым и Обольяниновым. После уроков мы сошлись в кружок, как заговорщики»* [Шестинский 1986: 24].

Необходимо упомянуть и технологию гадания, к которой прибегают герои. В рассказе представлена разновидность спиритической коммуникации с духами при помощи блюда. Артюхов подробно объясняет им правила, которые в точности соответствуют одному из самых распространенных в настоящее время видов спиритического гадания: *«На столе лежал большой белый лист плотной бумаги. На нем была начертана окружность, и по окружности выписаны буквы русского алфавита. Мы садимся за стол, ставим блюдо доньшком кверху на бумагу, каждый накладывает пальцы одной руки на блюдо, и произносим: “Дух такогото, явись к нам...” Когда блюдо задвигается, значит, дух явился, и мы будем ему задавать вопросы. На кромочке блюда хлебный мякиш, он и будет, двигаясь, останавливаться возле букв, составлять слова...»* [Шестинский 1986: 24].

Итак, можно говорить о том, что спиритические сеансы неоднократно находят свое отражение на страницах литературы. Они могут присутствовать как одна из реалий описываемого автором времени – модное развлечение для высшего общества. Нередко такие сеансы изображаются в ироническом и сатирическом ключе: писатели высмеивают людей, верящих в подлинность спиритизма как способа общения со сверхъестественным. Особая атмосфера спиритического сеанса и эффектные формы «коммуникации с духами» содержат большой выразительный потенциал, который был быстро распознан драматургами и привел к воспроизведению спиритических ритуалов на сцене. Многие авторы при описании опирались на собственный опыт участия в подобных мероприятиях, как, например, Булгаков (основой рассказа послужил действительный спиритический сеанс в квартире знакомых писателя). Это еще раз подтверждает широкую распространенность спиритических ритуалов в России в XIX – первой трети XX века.

Список литературы

- Белый А. Петербург. СПб.: Кристалл, 1999. 976 с.
- Булгаков М. А. Спиритический сеанс // Булгаков М. А. Спиритический сеанс: рассказы, фельетоны, очерки 1920-х годов / коммент. В. И. Лосева. СПб.: Азбука, 2012. С.13–24.
- Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. М.: Мартин, 2015. 687 с.
- Достоевский Ф. М. Собр. соч.: в 30 тт.: Дневник писателя за 1876 г. Январь – апрель / ИРЛИ (Пушкинский дом); гл. ред. В. Г. Базанов. Т. 22 Л.: Наука, 1981. С.234–457.

Королева С. Ю., Кориунков В. А. Народное столоверчение (городской ритуал в крестьянской среде) // Антропологический форум. 2017. № 34. С.127–155.

Мамин-Сибиряк Д. Н. Седьмая труба // Мамин-Сибиряк Д. Н. Собр. соч.: в 10 тт. Т.6. М.: Правда, 1958. С.357–383.

Мирвода Т. А. Детские вызывания духов в интернете: особенности традиции // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2020. №4. С.83–110.

Панченко А. А. Спиритизм и русская литература: Из истории социальной терапии // Труды Отд. ист.-филол. наук РАН. М.: Наука, 2005. С.529–540.

Писемский А. Ф. Финансовый гений. Москва: Типогр. А. В. Кудрявцева, 1876. 77 с.

Толстой Л. Н. Плоды просвещения // Толстой Л. Н. Собр. Соч.: в 22 тт. Т.11. М.: Художественная литература, 1982.. С.101–194.

Шестинский О. Слово вода сквозь камни // Смена. 1986. № 8. С.24–25.

K.V. Lunegova

Master Student of Philological Faculty
Perm State University

SPIRITUAL SESSIONS ON THE PAGES OF RUSSIAN LITERATURE OF THE XIX – XX CENTURIES

The article is devoted to the peculiarities of the organization of spiritualistic seances, which were reflected in Russian literature of the 19th–20th centuries. The literary image of the sessions and their participants can be different: spiritualism appears on the pages of novels, stories and plays as a fashionable entertainment for high society or is described clearly ironically. Regardless of how the authors relate to this phenomenon, the literary images of spiritualistic seances contain valuable details for the researcher, characterizing the models of communication with “evil spirits” and the rules that the participants of the ritual had to follow.

Key words: 19th century literature; 20th century literature; spiritualism; spiritualistic sessions; fortune telling.

УДК 82-3

Ульяна Николаевна Елохова
студент филологического факультета
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
uliana.elohova@yandex.ru

ОБРАЗ ПЕРМИ В ОЧЕРКЕ В.В. КАМЕНСКОГО «ПЕРМЬ В 1950 ГОДУ»

Статья посвящена исследованию образа Перми в очерке В.В. Каменского «Пермь в 1950 году». В работе анализируются особенности построения В.В. Каменским художественного пространства Перми, специфика структуры образа города и специфика образа повествователя. Основное внимание обращается на поэтику фантастического в творчестве В.В. Каменского, до сих пор не привлекавшую пристального внимания литературоведов. Делаются выводы о значительном влиянии разных типов фантастического на изображение пространства Перми, а также о присутствии в повествовании ярко выраженного индивидуально-авторского начала.

Ключевые слова: В.В. Каменский; Пермь; научная фантастика; утопия; социальная фантастика; газетная периодика.

В.В. Каменский является, пожалуй, самым известным поэтом Прикамья. Статус «певца Урала и Камы» прочно закрепился за этим автором благодаря его привязанности к малой родине. Образ родного города встречается как в стихах («Босиком по крапиве»; «Письмо домой»), так и в прозаических текстах писателя («Его-Моя биография Великого Футуриста»; «Путь энтузиаста»). Многие исследователи говорят о присутствии пермской тематики в творчестве Каменского, его роли в формировании пермской литературы.

Проблема взаимодействия поэта и города в творчестве Каменского была обозначена учеными. Так, в статьях З.С. Антипиной показана закономерность соотношения творческого наследия Каменского и его биографии. По словам ученого, «Каменский ощущал тесную связь с пермской землей и называл себя “сыном Камы”» [Антипина 2009: 101]. По мнению исследователя, биографическая основа его творчества способствовала становлению Каменского в качестве своеобразного литературного символа Перми 1930-х гг.

В монографии В.В. Абашева «Пермь как текст» показаны сложные взаимоотношения Каменского с родным городом. Исследователь противопоставляет Каму (и усадьбу поэта – Каменку), «*локус рождения Каменского в его природно-космической ипостаси*» [Абашев 2000: 189] и непосредственно Пермь – «*локус рождения поэта «в своей реальной, социальной ипостаси*» [Абашев 2000: 190], говоря о том, что Пермь, несмотря на любовь Каменского, долгое время «*словно бы не замечала своего сына*» [Абашев 2000: 191]. Обида Каменского на родной город отражается в его произведениях: «*Поэт любит детски Пермь и*

Каму. Но у Поэта здесь нет друзей – здесь гонят Поэтов взрослые пермяки – здесь никогда не радовалось Творчество. Здесь не знают Культуры, Поэзии, Слова» [Каменский 1918: 12]. По мнению В.В. Абашева, заслуга Каменского состоит именно в том, что *«он первый сопоставил свою жизнь с Пермью – как личностью и сюжет своего соперничества с городом сделал сюжетом творчества»* [Абашев 2000: 199].

Значительное количество произведений Каменского, созданных в период 1920–1930-х гг. принадлежит не только к художественной прозе, но и к литературно-публицистическим жанрам, что во многом отвечает потребностям того времени. Так, в статье Т.Н. Масальцевой «Литературные публикации пермских газет в 1920-е годы» имя Каменского упоминается в связи с его участием в литературной жизни газеты «Звезда»: *«1920 гг. – время не менее активного сотрудничества с газетой В.В. Каменского, который публикуется даже с такими объемными произведениями, как цикл очерков “Лето на Каменке” (1928). Каменский публикует рассказы (“Марийка, дочь рыбака”, “Яшка – председатель школьников”, “Селькор N 1”), путевые впечатления (“Золото на подметках”), стихотворения (“Осень”) и даже фантастические зарисовки (“Пермь в 1950 году)”* [Масальцева 2015: 297–298]. По словам исследователя, в этот период Каменский является не только писателем-публицистом, но и *«литературным наставником участников студии “Мы”»* [Масальцева 2015: 297] – литературного объединения, созданного при поддержке газеты «Звезда».

Таким образом, практически все исследователи отмечают, что пермское творчество Каменского характеризуется стремлением писателя к активному взаимодействию с родным городом.

Несмотря на большое количество работ, посвященных изучению пермского периода творчества Каменского, исследователей более всего привлекает «внешняя», биографическая сторона его творчества, тогда как специфика организации пермского городского пространства изучена еще не во всех произведениях писателя. Еще меньшей известностью в научной среде обладает творчество Каменского-фантаста. Между тем, элементы фантастики присутствуют во многих произведениях писателя (например, неопубликованная пьеса «Золотая банда. Американская буффонада»).

Очерк «Пермь в 1950 году» – небольшая работа Каменского, созданная им специально для газеты «Звезда», и представляющая собой *«фантастическую зарисовку»* [Масальцева 2015: 298].

Фантастическая модель города, создаваемая Каменским в очерке, во многом отвечала требованиям времени. Говоря об особенностях фантастики 1920–1930-х гг., исследователи отмечают, что она *«подвергалась жестким ограничениям со стороны цензуры: от нее требовался позитивный взгляд на будущее, вера в коммунистическое развитие. Приветствовалась техническая достоверность, осуждалась мистика, сатира»* [Грипас 2016]. Именно этим и обусловлена идеологическая насыщенность очерка, проявляющаяся в изображении идеальной коммунистической Перми.

Наряду с этим для очерка «Пермь в 1950 году» характерна еще одна черта фантастических произведений 1920-х гг. – «эклектичность научно-фантастических произведений: они могут “маскироваться” под жанр сказки, могут включать в себя авантурный сюжет, сюжет путешествия, детективную коллизию (правда, порожденную каким-либо фантастическим открытием)» [Козлов 2009: 144]. Мотив путешествия главного героя является завязкой произведения.

В этом отношении интересен авторский подзаголовок: сам Каменский обозначает его как фантазию, подчеркивая определяющую роль поэтики фантастического в своем произведении.

Однако Каменский удерживает себя от фантазии, и не предлагает нечто совсем небывалое. Поэтому ряд деталей приближен к ближайшему будущему. При этом автор настолько сильно стремится к созданию ощущения реальности происходящего, что вводит в повествование названия пермских топонимов (Мотовилихинский район, Верхняя Курья, Заимка) и улиц (Ленина, Карла Маркса и др.). В повествовании упоминается газета «Звезда» как главное пермское издание, что придает событиям еще большую правдоподобность: «...всюду сновали горластые мальчишки-газетчики в синих спец. одеждах. Размахивая белыми листами, они кричали: “– Вечерняя Звезда, Вечерняя Звезда!”» [Каменский 1925].

В очерке Каменского находят отражение некоторые черты утопии. Одной из них можно назвать представление о совершенном городе будущего, который является важной частью столь же совершенного мира. В качестве такого города Каменский выбирает Пермь, воплощая в фантазии свои мечты о преобразении малой родины: «Прежде всего, когда-то тихая Пермь теперь напротив – грохотала, шумела, звучала, волновалась, кипела бурной жизнью, трепетала современностью» [Каменский 1925]. Характеристики города будущего, приведенные в данном отрывке, указывают на то, что Каменский здесь сохраняет некоторые элементы футуристической поэтики, воспевая всеобщий прогресс и движение.

Подобное футуристическое описание города развертывается на протяжении всего повествования: здесь встречаются и «стремглав бегущие водяные автомобили», и «четыре экрана уличных кино», и «оркестр многотысячных моторов». В каждом следующем предложении Каменский рисует все новые и новые изобретения будущего: электрическую посуду, карманные печки-грелки, автоматическую продажу товаров и т.п. Подобная насыщенность повествования различными технологическими новациями и научными достижениями позволяет нам говорить о том, что в данном произведении сильны научно-фантастические элементы.

Примечательно, что многие технические предположения писателя действительно воплотились в современной нам эпохе. Это и рекламные видеоэкраны (у Каменского – «световые уличные экраны»), и движущиеся витрины магазинов, и автоматизированная оплата продуктов на кассах самообслуживания, и

даже прообраз пермской телевышки – железная башня в Гоголевском парке, «*наподобие башни Эйфеля в Париже*» [Каменский 1925]. Можно сказать, что произведение «Пермь в 1950 году» отчасти является предсказанием будущего, а сам Каменский выступает в качестве провидца, как и другие футуристы, например, В. Хлебников, предвидевший появление интернета.

Элементы утопии присутствуют и в описании социального устройства мира – победы коммунистических идей по всему свету. В небольшом произведении размыкаются границы провинциального города, Пермь входит в мировое пространство. Так, в очерке описано, как пермяки могут наблюдать на огромных экранах новости со всего света, например: объявления о революции в США: «*Отныне Северо-Американские соединенные штаты прибавили к своему названию великое слово: коммунистические штаты...*» [Каменский 1925]. Именно этот факт роднит фантазию Каменского с его же произведениями в жанре социалистической утопии, где предполагается мировая победа коммунизма.

Образная система очерка включает в себя и образы пермяков. Так, автор указывает на то, что основная часть населения Перми будущего – активные и молодые люди, которые являются основой развития любого общества: «*Это движение то и дело увеличивали быстро шагающие с музыкой многочисленные отряды пионеров, комсомольцев и физкультурников*» [Каменский 1925]. С этим связан и основной мотив произведения – всеобщего энтузиазма, ведь для Каменского молодость и энтузиастичность взаимосвязаны.

Еще одной важной характеристикой общества Перми будущего является высокий уровень его культуры: «*В этот вечерний час на ул. Карла Маркса было обычное исключительное движение, так как многие отсюда направлялись кто в театры, кто в кино, кто в цирк, кто на собрание, кто на лекции, кто в клубы, кто на радио-концерты*» [Каменский 1925]. Таким образом, Каменский подчеркивает прямую взаимосвязь между технологическим и культурным развитием общества.

Если Пермь является основным объектом повествования очерка, то главный субъект действия – рассказчик. Композиция очерка строится на основе взаимодействия этих образов, которое порой носит неявный характер и проявляется в отдельных пейзажно-пространственных деталях: «*Я направился на улицу Промышленности (бывшую Набережную), где теперь стройным грандиозным рядом были построены новой архитектуры дома по последнему слову жилищной техники, а по берегу был раскинут великолепный Гоголевский парк, с двумя летними театрами*» [Каменский 1925].

Образ рассказчика в данном произведении является воплощением индивидуально-авторского стиля Каменского. Здесь реализуется особый тип героя – активного, подчеркнуто деятельного и оптимистичного. Примечательно, что именно образ главного героя придает пермским произведениям Каменского жизнерадостную, энтузиастическую ноту, характерную для его произведений:

«Несмотря на свои 65 лет, я, как и все, чувствовал себя бодро, упруго и молодо, обвеянный жасждой жизни» [Каменский 1925].

Деятельностный характер героя проявляется в его стремлении утвердить себя в качестве действующего субъекта пермской жизни: *«через несколько дней, а именно 1 Мая, я влился в общий поток колоссального энтузиазма и неудержимо понесся со всеми навстречу ликующим сестрам и братьям всего ленинского человечества»* [Каменский 1925].

Восхищаясь прогрессом родного города, писатель-рассказчик подчеркивает факт принадлежности к бурной жизни Перми: *«Я вернулся в свою прекрасную гостиницу ПМХ № 18, чтобы на крыше, где был устроен летний сад, заняться своими делами – литературой»* [Каменский 1925]. Таким образом, по мнению Каменского, именно трудовая деятельность является критерием участия писателя в изменении Перми.

Энтузиастичности как доминанте образа повествователя соответствует экспрессивность как стилевая доминанта очерка. Вместе с тем нельзя не обратить внимание на то, что главный герой обладает характерными чертами самого Каменского – энтузиаста, труженика и «поэта-ребенка».

В очерке «Пермь в 1950 году» гармонично сочетаются черты реального существующего места – Перми и ее пригорода – и элементы классического утопически-идеального города, созданного в рамках научной и социальной фантастики. При этом каждый тип повествования о необычайном обладает своими функциями. Все типы фантастического, используемые Каменским, функционируют взаимосвязано и равноправно. Так, если утопия создает картину идеального города как части большого мира, то социальная фантастика изображает организацию жизни людей в этом городе. Научная же фантастика призвана показать как обилие социальных благ, так и уровень технического развития человечества.

В изображении пространства города в очерке «Пермь в 1950 году» присутствуют элементы поэтики футуризма, столь характерного для раннего периода творчества автора. В этом воплощается авторское представление о Перми – городе, развитом в технологическом отношении, Перми индустриальной, наполненной активной производственной жизнью.

При создании картины взаимодействия между городом и рассказчиком автор использует прием «я-повествования». В главном герое произведения Каменский фактически воплощает оптимистичного энтузиаста, активного труженика, привнося в его образ многие черты своей биографии. Все повествование словно проникнуто радостными чувствами героя, но и он при этом черпает свои впечатления из активной жизни города. Именно эта особенность видения мира и создает ту совершенную картину, которую Каменский называет *«солнечной легендой безбрежного счастья»* [Каменский 1925].

Список литературы

Абашев В. В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь: Изд-во Пермского университета, 2000. 404 с.

Антипина З. С. «Поэт Перми и Камы»: Василий Каменский в уральской периодике 1920–1930-х годов // Вестник Пермского университета, 2009. № 3. С.100–104.

Грипас Д. А. Особенности развития жанра фантастики. URL: <http://www.tsutmb.ru/nauka/internet-konferencii/2016/regzhurnalistika/5/gripas.pdf> (дата обращения: 10.07.21).

Каменский В. В. Его-Моя биография Великого Футуриста. М.: Китоврас (Тип. Т. Ф. Дортман), 1918. 228 с.

Каменский В. В. Пермь в 1950 году // Звезда, 1925. – [Б.н.]. URL: <https://www.permarchive.ru/index.php?page=perm-v-1950-godu> (дата обращения: 10.07.2021).

Козлов И. В. Полижанровая природа советской научной фантастики 1920-х годов // Русская литература: национальное развитие и региональные особенности: материалы 9-й Международной научной конференции. Екатеринбург, 2008. С.143–150.

Масальцева Т. Н. Литературные публикации пермских газет в 1920-е годы // Филология в XXI веке: методы, проблемы, идеи: материалы III всероссийск. научн. конф. Пермь: Пермский ун-т, 2015. С.294–299.

U.N. Yelokhova

Student of Philological Faculty

Perm State University

THE IMAGE OF PERM IN THE ESSAY OF V.V. KAMENSKY «PERM IN 1950»

The article is devoted to the study of the image of Perm in the essay of V.V. Kamensky "Perm in 1950". The paper analyzes the features of the construction of V.V. Kamensky of the artistic space of Perm, the specificity of the structure of the image of the city and the specificity of the image of the narrator. The main attention is paid to the poetics of the fantastic in the works of V.V. Kamensky, which has not yet attracted close attention of literary critics. Conclusions are made about the significant influence of different types of the fantastic on the image of the space of Perm, as well as about the presence in the narrative of a pronounced individual author's beginning.

Key words: V.V. Kamensky; Perm; science fiction; utopia; social fiction; newspaper periodicals.

УДК 811.161.1

Алина Артемовна Менякина
студент филологического факультета
Донецкий национальный университет
menyakina.2000@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ МЕХАНИСТИЧЕСКОЙ МЕТАФОРЫ В РОМАНЕ А.А. ПРОХАНОВА «ПОСЛЕДНИЙ СОЛДАТ ИМПЕРИИ»

Статья посвящена изучению особенностей метафорики романа А.А. Проханова «Последний солдат империи». Рассматриваются и анализируются структурно-семантические и функциональные особенности механистических метафорических моделей в тексте названного романа. При анализе фактического материала были выделены концептуальные сферы, которые свидетельствуют о системном характере метафорической картины мира.

Ключевые слова: метафора; политический дискурс; механистическая метафора; концепт; когнитивная лингвистика.

Специфика функционирования метафоры в различных типах дискурса неоднократно исследовалась отечественными и зарубежными учеными. Вместе с тем остается актуальным осмысление значимости метафорических моделей в создании художественных образов. В этом ключе перспективным для анализа является текст романа А.А. Проханова «Последний солдат империи» [Проханов 2003], который, «пожалуй, наиболее метафоричен. Это уже не метафора-слово, не метафора-образ, а метафора-роман, метафора-иносказание, метафорический концепт августа 1991 года» [Бондаренко 2003: 1]. В названном романе описаны события, происходящие в России во время августовского путча 1991 года.

Как справедливо отмечает М.А. Ерофеева, метафорический стиль, свойственный Проханову, создает необычную, странную картину мира, нарушает логику явлений [Ерофеева 2010: 16]. Показателен в этом плане следующий контекст из романа «Последний солдат империи»: *«И это означало, что Внутреннее стало Внешним, а Внешнее погрузилось вовнутрь. Мир был вывернут наизнанку, обнаружил сокровенную сущность. Теперь в нем действовали обратные законы, он стал Антимиром. И в этом вывернутом, переименованном мире действовало иное божество, управлял иной царь. Юноши, белые, словно соляные столбы, стояли в ритуальной ладье. Но теперь глаза у них были широко раскрыты, оттуда били жестокие зеленые лучи»* [Проханов 2003: 193]. За метафорическим описанием глаз с зелеными лучами легко угадывается образ жестоких механических роботов, которые заменили человека.

Анализ метафорических моделей, представленных в романе Проханова «Последний солдат империи», показал, что особенно активными являются такие концептуальные сферы, как «Война» и «Механизм».

Цель настоящей работы заключается в том, чтобы установить состав, а также выявить структурно-семантические и функциональные особенности воплощения механистической (артефактной) метафоры в романе Проханова «Последний солдат империи».

Объектом исследования являются как текст названного романа в целом, так и представленные в нем метафорические конструкции, которые репрезентируют концептуальное пространство «Механизм». В то время как **предметом исследования** выступают структурно-семантические и функциональные особенности механистической метафоры, воплощенной в рассматриваемом романе.

По мнению А.А. Абрамовой, «наиболее ярко и многогранно механистическая метафора представлена в публицистическом дискурсе» [Абрамова 2017: 72]. Как отмечает Л.В. Балашова, «механистические модели активно используются в политической коммуникации и массмедиа XXI в., но их идеологическая составляющая может быть различной в зависимости от объекта описания, политических и иных пристрастий автора и т.п.» [Балашова 2021: 13].

Рассматривая механистические метафоры, В. Клемперер приходит к выводу, что они свидетельствуют о «фактическом пренебрежении личностью», о «стремлении подавить самостоятельно мыслящего свободного человека» [Клемперер 1998: 202]. Так излагая свою версию и отношение к гражданской войне 1991 г., Проханов отдает приоритет не человеку как преобразующей силе действительности, а машине. Показательным в данном случае является механический образ Болта Мира. Поворачиваемый своим хозяином в другую сторону, он меняет ход истории: *«От пленного эсэсовца, занимавшегося магией в Анэнербе, Берия узнал о существовании **Болта Мира, который регулирует земную ось и меняет ход истории. Этот болт, по сведениям немцев, находился не в Гималаях, не в пустыне Гоби, как предполагали ранние исследователи, а в Черных горах Казахстана или на северном Урале, продолжением которого является Новая Земля**»* [Проханов 2003: 26]; *«Земная ось искривилась под тяжестью злодеяний. Она может сломаться, и тогда мир погибнет. Только он один может спасти заблудшее человечество, сберечь многострадальную землю. Пусть он проникнет в середину заветной горы и **повернет Болт Мира на пол-оборота. Тем самым он восстановит равновесие мироздания, спасет род людской, который так страшно, в моем лице, с ним поступил**»* [Проханов 2003: 27]; *«И тогда **часы Земли остановятся, история кончится, и люди станут бессмертными. Ты страдалец. В этом твое назначение. Ты нужен России за твои страдания, которые были и будут. К тебе придет Ангел и укажет, что делать. Теперь, когда рушится Советский Союз, качается равновесие мира и возникает земной перекося, я должен повернуть Болт Мира. Так на часах истории переводится минутная стрелка**»* [Проханов 2003: 54].

Важно отметить, что замещение живого артефактным приводит к изменению представлений о роли человеческой личности в обществе. Человек может восприниматься как творец, активный преобразователь действительности, кото-

рый способен отрегулировать созданный им механизм. Но он может оказаться и управляемым, зависящим от этой самой хорошо устроенной машины. Показателен в этом и другой контекст: *«Белосельцев видел, что и другие офицеры были дополнением к машине, срослись с ней кровяными сосудами, зрительными нервами, чуткими нейронами. Она пила их соки, сосала эмоции, питалась их плотью, обменивалась с ними таинственными энергиями, которые добывала из прозрачного бездонного Космоса»* [Проханов 2003: 38].

Говоря о советской публицистике, В. Клемперер отмечает, что «появление массы новых технических оборотов в языке <...> указывает на средство, с помощью которого ведется борьба» [Клемперер 1998: 203]. Так, в тексте романа мы находим конкретную метафорическую номинацию **танк**: *«Что-то литое, тяжелое, спрессованное приблизилось, занавешенное синим масляным дымом, который дунул в салон знакомым запахом военных походов, когда скрипел на гусеницах песок, чавкали траки, продавливалась и сотрясалась земля от тяжелых угрюмых машин. Они обогнали колонну танков, колыхание длинных пушек, номера на башнях, ребристые шлемы механиков, торчащие из смотровых люков»* [Проханов 2003: 71]; *«И в потоках транспорта, на перекрестках, у порталов министерств, редакций, государственных учреждений, повсюду виднелась грязно-зеленая броня»* [Проханов 2003: 71]; *«Белосельцев чувствовал стальное вторжение танков в городской ландшафт. Пушки были ровно вытянуты в единую линию, в сторону Садовой. Танки угрюмо и мощно встраивались в суетливое мелькание улицы, в хрупкое стекло витрин, в сухие стеклянные плоскости высоких фасадов. Были связаны друг с другом жгутами воли, способностью дрогнуть враз гусеницами, окутаться синей гарью, двинуть, качая орудиями, вдоль мишуры витрин, женских шляпок и зонтиков, нарядной скорлупы лимузинов. Колонна танков была как железный штырь, вбитый в рыхлую материю города, скрепляла ее, предотвращала распад. Белосельцев радовался танкам. Колонна была созвучна ему своей стальной непреклонной волей»* [Проханов 2003: 74].

Таким образом, описание механистического способствует изменению представления об идеальном механизме, который в данном контексте выступает источником опасности. Например: *«Белосельцеву было страшно смотреть. Он чувствовал слепую беспощадную мощь этих сконструированных существ, что двигались по его любимой земле...»* [Проханов 2003: 20].

Действия военной машины, а именно взрывы от падающих снарядов, сравниваются с сильным ливнем, молнией: *«Ливень ударил с такой силой, что затрепал асфальт, в который вгоняли бессчетные стеклянные костыли и толстые гвозди. Вокруг шпиля синей жуткой змеей обвивалась молния. Огненные дробинки с оглушительным треском сыпались на землю, и Белосельцев увидел, как один вонзился ему под ноги, ушел в глубину, оставив запекшуюся остекленелую воронку»* [Проханов 2003: 63]. В данном примере можно увидеть, что механистическая метафора тесно связана с метафорой со сферой-источником «природная стихия».

Кроме того, используя метафору, Проханов сравнивает социум с некой живой, движущейся машиной: *«Общество, которое он изучал, имело внешний, вполне различимый и понятный рисунок <...> Было огромной живой материей с отмирающей и возникающей плотью, окружавшей бессмертную плазму, лучистую энергию, чистый дух... Оно напоминало машину, сконструированную по законам разума, но было иррациональным, неразумным, под стать мировой стихии»* [Проханов 2003: 4]; *«Белосельцев чувствовал политику как тонкие воздействия, управляющие огромной социальной машиной, в недрах которой kloкотали вулканические энергии, способные двигать историю. Легкое нажатие клавиши, и кончается каменноугольный период, завершается империя Рима, осыпаются рубиновые звезды Кремля»* [Проханов 2003: 4]; *«Изображенная им социальная машина вращалась, двигала валы и колеса, расходовала запасы энергии. Ее элементы скрипели, искрили, роняли мертвые израсходованные детали, наращивали в своей глубине новые узлы и сцепления»* [Проханов 2003: 1].

В романах Проханова 1990-х – начала 2000-х гг. («Последний солдат империи», «Красно-коричневый», «Господин Гексоген» и др.) ощущается усиление трагизма осмысления истории государства. Это обуславливается появлением в его творчестве фантазмагии и мистических мотивов, которые реализуются посредством механистической метафоры. В этом ключе обращает на себя внимание механистический образ *Мегамашины*, выступающей неким высшим, справедливым устройством, Библейским Богом, который роковым образом устанавливает мировой порядок на земле: *«Машина была гневным Библейским Богом. Исправляла кривую времени. Меняла утомленный ход ветхозаветных веков. Убирала с земли плотоядное, утратившее смысл человечество. Плодовитую жизнь, размножившуюся в желании потреблять, наслаждаться. Отвернувшуюся от неба»* [Проханов 2003: 39]; *«Мегамашина... владела миром, смещала его утомленные оси, шибиала армии, сталкивала небесные армады, наполняла лазареты тысячами истерзанных и обгорелых людей. Мир был огромной грязной простыней в ее стальных кулаках. Скручивался в жгут, выжимался, отекал расплавленной сталью и красной горячей жижей»*; *«Белосельцев чувствовал грандиозность мегамашины, ее планетарную мощь, способность управлять историей, ввергать мир в разрушительный Конец Света или останавливать на черте катастрофы... она была готова к чуду преображения, к дивной красоте, божественному промыслу, замыслившему земную жизнь как неуклонное приближение к Раю»* [Проханов 2003: 38].

Кроме того, нами была выявлена взаимосвязь зооморфного и механистического культурных кодов. Так, военная техника сравнивается с животным миром, образуя такие наименования, как *стальные твари*, *титановые кузнечики*, *крысообразные машины*, *механические птицы*, *железные скворцы*, *медные дятлы*, *бронзовые пеликаны*: *«Тут были синеватые стальные твари, похожие на огромных божьих коровок. Титановые кузнечики с отточенными перепонками и натянутыми рычагами, готовые к скачку и удару. Воронены, как ру-*

жейные стволы, жуки с грозными нацеленными хоботками. Горбатые существа, напоминавшие колючих дикобразов и ежей, с металлической шерстью, которая топорщилась и искрила. Крысообразные машины, покрытые пластмассовыми чехлами, в которых раздраженно светили красные глазки индикаторов. Чешуйчатые, напоминавшие глубоководных рыб механизмы, от которых исходило фосфорное сияние. Странные, как гигантские комары, полупрозрачные трубки на длинных ходулях, из которых торчал и колючие жала, острые буравчики. Светляки с зеленоватыми светящимися попками и разнообразным набором щипчиков, клещей и резцов на маленьких упрямых головках. Множество механических птиц, – железных скворцов, медных дятлов, бронзовых тяжеловесных пеликанов с хромированными клювами, из которых раздавался жестяной стук и тускло мерцало» [Проханов 2003: 19]; «Останкинская башня улетала в небо, превращаясь в тончайший металлический луч. Кирпичный храм тускло золотился крестами. Вдоль музейной усадьбы с воротами и каменными кентаврами шелестел автомобильный поток» [Проханов 2003: 15].

Рассмотренные типы механистической метафоры позволяют выделить такие концептуальные сферы, как: «Машина – Система, управляемая человеком»; «Машина – Бронированный боевой танк»; «Машина – Опасный механизм»; «Действия военной машины – Природные явления»; «Машина – Общество»; «Машина – Библейский Бог»; «Машина – Животное».

Таким образом, механистическая (артефактная) метафора наряду с другими приемами в художественном мире романа Проханова «Последний солдат империи» в числе прочего становится эффективным средством для привлечения внимания к важным проблемам общества.

Список литературы

Абрамова А. А. Обратимость метафорических моделей «Человек – это механизм» и «Механизм – это человек» в русской языковой картине мира: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2017. 275 с.

Балашова Л. В. Артефактная метафора в речи В. В. Путина как способ репрезентации образа России в условиях первой волны пандемии КОВИД-19 // Политическая лингвистика. 2021. № 2 (86). С.12–24.

Бондаренко В. Метаоткровение Проханова // Завтра. 2003. URL: <http://zavtra.ru/blogs/2003-08-2034> (Дата обращения : 29.03.2021 г.).

Ерофеева М. А. Проза А. А. Проханова : проблематика и поэтика: автореф. дис. канд. фил. наук. Тверь, 2010. 19 с.

Клемперер В. ЛТГ. Язык третьего рейха. Записная книжка филолога. М.: Прогресс-Традиция, 1998. 167 с.

Проханов А. А. Последний солдат империи: Роман / А. Проханов. М.: «Ad Marginem», 2003. 508 с.

Menyakina Alina Artemovna
student of the Faculty of Philology
Donetsk National University

**FEATURES OF THE IMPLEMENTATION OF THE MECHANISTIC METAPHOR
IN THE NOVEL «THE LAST SOLDIER OF THE EMPIRE» BY A. A. PROKHANOV**

The article is devoted to the study of the metaphores of the novel «The last soldier of the empire» by A. Prokhanov. The structural, semantic and functional features of the mechanical metaphorical models in mentioned novel are considered and analyzed. When analyzing the actual material, conceptual spheres were identified, which indicates the systemic nature of the metaphorical picture of the world.

Key words: metaphor; political discourse; mechanical metaphor; concept; cognitive linguistics.

УДК 821.161.1(1–87)

Трухина Татьяна Валерьевна
студент филологического факультета
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
dajiyana@gmail.com

КУЛЬТУРНАЯ ТОПОГРАФИЯ ШАНХАЯ В МЕМУАРНОЙ ПРОЗЕ РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ

Мемуарные произведения, созданные русской эмиграцией на Дальнем Востоке, являются ценным памятником, сохранившим информацию о культурной жизни русской диаспоры в одном из ее важнейших центров – городе Шанхае. В статье рассматриваются воспоминания представителей молодого поколения русских эмигрантов, родившихся в Китае, в период с 1910-е – 1930-е годы, – Г.Г. Сильницкого, В.П. Смольникова, Г.Н. Елисеева, О.В. Штифельмана, А.А. Титова, написанные спустя несколько десятилетий после отъезда из Шанхая. В них описаны впечатления о жизни в чужой стране, трудности, с которыми сталкивались русские эмигранты, проживавшие в Шанхае, воспроизведено их отношение к Родине – России, о которой они узнавали из рассказов родителей и соотечественников. Одна из общих особенностей их воспоминаний – передача опыта сохранения культурной памяти, которая сосредотачивалась вокруг знаковых центров – мест общения, вокруг которых концентрировалась культурная жизнь города и происходили события, помогавшие сохранению русской самобытности. Задачей работы является определение таких объектов на материале воспоминаний, составивших культурную топографию города.

Ключевые слова: литература русской эмиграции; мемуары; образ Шанхая; культурная топография; культурный объект.

В 20-е годы прошлого века после революции 1917 г. миллионы российских граждан были вынуждены покинуть Родину и бежать в чужие страны. Одним из основных эмигрантских центров Дальнего Востока стал Шанхай. К началу XX в. англичанами в Шанхае было основано поселение, в котором проживали представители разных народов (англичане, немцы, японцы, индусы), в дальнейшем получившее официальное название «Международный сеттлмент». Рядом с ним была расположена «Французская концессия», которая стала основным местом обитания многих русских эмигрантов первой и второй волны и центром их культурной деятельности [Хисамутдинов 2010: 153; Сильницкий 2017: 5; Елисеев 2015].

Шанхай стал и объектом *литературным*, поскольку представители русской эмиграции нередко изображали город в своих произведениях, тем самым формируя специфический «шанхайский текст» – наподобие известных «московского», «петербургского», «венедианского» и иных «городских текстов». «Шанхайский текст» как особое явление русского историко-литературного процесса – как и образ этого города в литературе (как русской, так и «западной» и «восточной») – остается неисследованным литературоведами объектом.

Основные особенности «шанхайского текста» обусловлены многонациональной структурой города, объединившего в первой половине XX в. англичан, французов, китайцев, русских и представителей иных национальностей, которые появляются в произведениях, описывающих Шанхай.

Материалом нашей работы стали мемуарные произведения, написанные непрофессиональными литераторами, – «Узоры судьбы» Г.Н. Елисеева, «Записки шанхайского врача» В.П. Смольникова, «Осмысление прошлого (четыре круга спирали одной жизни)» Г.Г. Сильницкого, «Крошка из Шанхая или Маленький человек по пути в Царство Советское» О.В. Штифельмана, «Здравствуй, Шанхай!» (воспоминания шанхайского соотечественника) А.А. Титова. Все эти работы объединяет то, что их авторы родились и провели юность в Шанхае; воспоминания объединяет то, что они создавались спустя несколько десятилетий после отъезда из Китая (в СССР – Г. Елисеева, В. Смольникова, Г. Сильницкого, О. Штифельмана или на Филиппины и в дальнейшем в США – А. Титова), то есть во второй половине 1990-х – 2010-е гг., после распада СССР¹.

Создатели мемуаров – люди, находившиеся уже в очень преклонном возрасте, – основываясь на сохранившихся в их памяти событиях и осмысливая их с позиций обретенного опыта, воссоздали драматические эпизоды шанхайской жизни и передали собственные размышления об особенностях культурной жизни этого города. Однако – несмотря на то, что в этих произведениях была ярко показана жизнь и нравы жителей международного сэттльмента и Французской концессии, в том числе и представителей российской диаспоры, и описаны многие малоизвестные исторические факты, – они еще не становились объектом специального литературоведческого и культурологического анализа.

Задача работы – выявление *культурной топографии* Шанхая 1930–1940-х гг. (во многом не совпадающей с его реальной топографией) – то есть *культурно значимых объектов*, которые определяли жизнь русской диаспоры и запечатлелись в ее *культурной памяти*.

У мемуаристов сохранились похожие впечатления о концессии и ее русских обитателях, которые «образовали на ее территории свой обособленный микро-мир. Весь уклад жизни этого мира, весь круг общения и интересов его обитателей был сугубо русским и характеризовался соблюдением привычных традиций и обычаев, религиозных праздников и обрядов, склонностью к политическим спорам и бытовым дразгам, одним словом, – всеми чертами, унаследованными нашей эмиграцией от утраченной родины и пересаженными ею в новую среду обитания» [Сильницкий 2017: 6; Титов 2021].

Авторы воспоминаний, например, всегда с большим с юмором описывали традицию наносить друг другу «визиты», представлявшие «редуцированный» вариант дореволюционных аристократических «раутов» – традиции посещать друг друга по праздникам (как православным, так и светским, а также «дням рождения» и «дням ангела» – именинам), основной функцией которых в тот период стало стремление «продержаться» и «выжить», поскольку «надо было не

терять друг друга». «Визиты» способствовали обретению новых знакомств и связей, благодаря которым нередко находилась работа или оказывалась какая-либо иная помощь, что было важно особенно для вновь прибывших [Елисеев 2015].

Эмигранты из России проживали преимущественно на территории Французской концессии Шанхая, в Хонкью – одном из самых бедных районов города, где русскими было открыто много торговых лавочек, а также была построена *православная церковь* [Смольников 2001: 26; Елисеев 2015]. «Осью» русской диаспоры была *улица Рут де Груши* (которую шутливо называли на русский манер – Груши), относительно которой определялось расположение большинства культурных объектов. Другой такой «осью» была центральная улица Французской концессии – авеню Жоффри (современная Хуайхай Лу), которую в Шанхае стали неофициально называть «Русской улицей». Русские православные церкви и, прежде всего, Кафедральный Собор, построенный на народные деньги, также были важнейшими знаковыми культурными объектами русского Шанхая [Титов 2021].

Культурным центром русской диаспоры – и одновременно излюбленным местом встреч эмигрантов – был *памятник Пушкину*, установленный на пересечении улиц Феньян лу и Юэян лу (названия улиц современные), созданный на средства русских жителей Французской концессии. К этому памятнику стекались все желающие: русские студенты, обучавшиеся в разных институтах, безработные, молодые цыгане с гитарами, исполнявшие свои песни. Рядом с памятником назначались свидания, там протекало активное общение и – когда удавалось наскрести денег – нередко пили вино; по словам Г. Елисеева, «нигде не бывало так весело и дружно нам, как “у Пушкина”» [Елисеев 2015]. Покидая Шанхай и прощаясь с друзьями, многие приходили именно к памятнику Пушкина², чтобы еще раз окунуться в особую дружескую эмигрантскую атмосферу, чтобы обсудить последние новости, унять волнение о предстоящих больших переменах в связи с возвращением в Советский Союз [Смольников 2001: 53; Штифельман 2011].

Культурная жизнь представителей эмиграции протекала весьма активно. В числе жителей Французской концессии было много представителей старой русской интеллигенции, которые, покидая Россию, нередко брали с собой только ноты с музыкальными произведениями. Благодаря их деятельности многие шанхайцы смогли познакомиться с европейской классической музыкой. Русские музыканты объединялись в творческие коллективы и играли в разных оркестрах; они составили значительную часть преподавательского состава основанной в 1927 г. Национальной Консерватории Шанхая (упоминаемой во многих мемуарных произведениях) [Хисамутдинов 2010: 194].

Г. Елисеев приводит следующий факт: «В Шанхае во многих ресторанах и дансингах играли русские музыканты». Переехавший из Харбина в Шанхай оркестр Олега Лундстрема выиграл ежегодный конкурс, устраивавшийся организацией музыкантов, тем самым сместив с позиции прежних фаворитов – фи-

липпинский оркестр «Контрераса», после чего его оркестр стал играть в самом дорогом и популярном ресторане того времени «Мажестик», располагавшемся на улице Наньцзинси лу (современное написание Нанкин Си Лу), – один из немногих значимых для русских людей культурных объектов, расположенный не во Французский концессии, а в Международном сеттельменте, и в дальнейшем «рейтинг оркестра уже не падал» [Елисеев 2015].

Другим значимым для русского населения Шанхае объектом Международного сеттельмента была набережная Бунд, протянувшаяся вдоль берега реки Вампу (современное наименование – Хуанпу) с расположенной на ней фигурой Ангела, которая была местом праздничного общения горожан [Сильницкий 2017: 29, 37; Титов 2021].

Важнейшим культурным объектом стал *бар «Голубой ангел»*, расположенный недалеко от улочки Рут де Груши, в котором давал концерты Александр Вертинский [Елисеев 2015], и где отец Г. Сильницкого аккомпанировал знаменитому певцу [Сильницкий 2017: 7]. Большую роль в организации культурной жизни Шанхая играла созданная в 1934 г. (и расположенная в том же районе) организация под оригинальным названием «ХЛАМ» (шанхайское содружество Художников, Литераторов, Артистов и Музыкантов), которая организовала ряд выступлений Федора Шаляпина [Сюй 2003: 34, 35].

Еще один значимый для русского населения Шанхая культурный объект – *Советский Спортивный Клуб (ССК)*, одним из инициаторов создания которого был О. Лундстрем, а участие в проектировании и строительстве принимал отец О. Штифельмана, о чем автор мемуаров пишет с большой гордостью [Штифельман 2011]. В торжестве по случаю открытия ССК принимали участие артисты балета из *театра «Лайсеум»* (еще один важнейший культурный объект) и хор из 25 человек. Газета «Новая заря» описывала, как в завершение церемонии хор и оркестр с огромным успехом исполнили популярный в СССР марш «Веселых ребят», а во время праздничного ужина оркестр играл джаз, под который молодежь «усиленно» танцевала фокстроты и блюз [Сильницкий 2017: 28; Елисеев 2015; Штифельман 2011]. В дальнейшем в ССК приходили, чтобы заниматься гимнастикой и играть в волейбол, который для многих стал любимой игрой на всю оставшуюся жизнь [Сильницкий 2017: 32].

Большую роль в жизни младшего поколения эмигрантов сыграл кинозал ССК, где проходили просмотры советских кинофильмов, собиравшие большое количество зрителей. Г. Сильницкий сообщает, что даже проливные дожди и дыры в потолке не мешали просмотру, а кинофильмы «Волга-Волга», «Веселые ребята», «Небесный тихоход» и игравшие в них актеры Н. Крючков и Л. Орлова были популярны в Шанхае не меньше, чем в Советском Союзе. Г. Елисеев упоминает и другой кинотеатр, располагавшийся недалеко от Рут де Груши, – «*Думер*» (от названия улицы Рут Думер), где также показывались советские фильмы» [Елисеев 2015].

На культурной карте Шанхая присутствовали и военные объекты – места дислокации военных отрядов, полиции, пожарной охраны. Это были основные

места, где протекала служба старшего поколения эмигрантов. Международный сеттльмент и Французская концессия имели свои вооруженные формирования, что четко запечатлелось в памяти мемуаристов. С января 1925 г. порядок в Шанхае охранял казачий отряд генерал-лейтенанта Глебова. Небольшая шанхайская армия состояла из трех рот Русского полка и нескольких «джентльменских» (или «волонтерских») рот, в которых служили «не за плату, а за любовь к военной форме и выпивке». На самых «ответственных местах» – мостах через каналы, границах с другими поселениями – также располагались «бравые русские ребята», одетые в темно-синюю форму английского образца, служившие во «Вспомогательном полку», командирами которого тоже были русские [Елисеев 2015].

Центральные эпизоды мемуаров связаны с описанием Второй Мировой войны. Военные события, как правило, не локализованы в определенном пространстве, – наоборот, исчезают территориальные, национальные, социальные, политические преграды, и все люди объединяются с целью противостояния общему врагу. В. Смольников, О. Штифельман, Г. Елисеев вспоминают, как во время оккупации – несмотря на то, что японцы конфисковали радиоприемники у «лиц вражеской национальности», к которым относили большинство проживавших в Шанхае иностранцев, – информация о ходе войны поступала от «граждан нейтральных стран», с которыми они ничего не могли поделать. В обществе граждан СССР ежедневно проходили встречи русского населения (независимо от их отношения к советской власти), во время которых слушали передачи из Москвы. Г. Елисеев и О. Штифельман упоминают радиостанцию «Голос Родины», которая позволяла чувствовать себя причастными к тому, что происходило на фронте [Елисеев 2015; Смольников 2001: 110; Штифельман 2011].

Важнейшее событие, объединившее все пространство Шанхая, – День Победы над фашистской Германией, который был встречен всеми с огромной радостью: «Даже носители самых непреклонно антисоветских взглядов не нарушали всеобщего ликования» [Сильницкий 2017: 29]. Г. Елисеев сообщает: «9 мая 1945 года примерно в 6 вечера мы услышали какой-то необычный гул, доносящийся с соседней улицы – рут Думер. Мы <...> увидели много возбужденных людей, бегущих по направлению к авеню Жоффер. <...> Люди говорили друг другу радостно и быстро жестами, добавляя смысла сказанному. И все понимали все необходимое. Поняли и мы: это Победа! 9-е мая! <...> В этот вечер все понимали друг друга и даже любили... Даже “ультра белые” стали выражаться гораздо мягче» [Елисеев 2015]. Ликовала не только русская эмиграция – радовались и китайцы, которые вышли из своих домов и присоединились к всеобщей радости [Штифельман 2011].

Культурная карта русского Шанхая передает систему ценностных приоритетов представителей национальной диаспоры, которая оказывается независимой от того, в какой стране в дальнейшем оказались русские обитатели концессии. Как показывает анализ, важнейшее место среди них заняли приоритеты,

связанные с культурой (Памятник Пушкину, Кафедральный собор, кинотеатры, концертные площадки), служившие местами международного дружеского общения, которые были расположены преимущественно на территории Французской концессии. Современность вторгалась в «русский мир» через знаковые объекты, соотнесенные военными событиями и службой русских жителей Шанхая. При этом следует отметить, что многие важные объекты Шанхая, – например, торгово-развлекательный центр Большой мир, историко-культурные памятники, находящиеся на территории Китайского города или расположенные вдоль Набережной Бунд Международного сэттельмента (таможня, банки, церкви), упоминались в мемуарах значительно реже.

Несмотря на то, что авторы мемуаров родились в другой стране и воспитывались в среде чуждых для них культур, родители воспитывали их в глубоком уважении и любви к Родине, и местами передачи этого ощущения «культурной причастности» становились знаковые точки культурной топографии Шанхая. В памяти эмигрантов ярко запечатлелись встречи, а также атмосфера понимания, царившая как среди русского сообщества, так и среди представителей других народов, с которыми они тесно контактировали. Эмигрантская среда была разделена во взглядах на существовавшую в России власть, однако не только сохранила национальную и культурную идентичность, но и оставила яркий след в истории Шанхая.

Мемуары молодых представителей шанхайской русской интеллигенции, сохранившие память об исчезнувшем анклавной культуре, стали не только историческими памятниками об определенном этапе истории, но и одновременно материалом для создания новых литературных произведений, в которых воссоздается жизнь русской эмиграции. Среди произведений, описывающих жизнь этого уникального города, роман «Белый Шанхай», написанный американской писательницей российского происхождения Л. Барякиной, в котором использованы многочисленные воспоминания проживавших в Шанхае эмигрантов. Их мемуары стали ценным источником, необходимым для понимания особенностей функционирования культурных традиций, механизмов культурной памяти и исторической преемственности.

Примечание

¹ Исключением является книга В. Смольникова «Записки Шанхайского врача», написанная в 1976 г. на основе дневниковых записей, которая по причине «аполитичности» ее содержания увидела свет только в 2001 г., уже после смерти автора.

² Памятник А.С. Пушкину в Шанхае имел сложную судьбу: он дважды разрушался (японскими интервентами в годы Второй Мировой войны и хунвейбинами в период Культурной революции), но каждый раз воссоздавался на том же месте на добровольно собранные пожертвования граждан. Он и сегодня остается главным символом Русского Шанхая.

Список литературы

Елисеев Г. Н. Узоры судьбы // Самиздат. 30 апр. 2015 г. URL: http://samlib.ru/g/georgij_n_e/uzory_sudby.shtml (дата обращения: 31.01.2021).

Сильницкий Г. Г. Осмысление прошлого (четыре круга спирали одной жизни). Смоленск, 2017. 188 с.

Смольников В. П. Записки шанхайского врача. Москва, 2001. 288 с.

Сюй Г. Х. [Светлана]. Литературная жизнь русской эмиграции в Китае (1920–1940-е годы). М.: Икар, 2003. 184 с.

Титов А. А. Здравствуй, Шанхай! (воспоминания шанхайского соотечественника). URL: <https://rusconshanghai.mid.ru/vospominania-o-sanhae-aleksandra-titova> (дата обращения: 20.02.2021).

Штифельман О. В. Крошка из Шанхая или Маленький человек по пути в Царство Советское // Русский клуб в Шанхае. 01 марта 2011 г. URL: <https://www.russianshanghai.com/articles/post5707> (дата обращения: 31.01.2021).

Хисамутдинов А. А., Черникова Л. П., Калиберова Т. Н. и др. Русские в Китае. Шанхай: Изд-во «Координационный совет соотечественников в Китае и Русского клуба в Шанхае», 2010. 572 с.

T.V.Trukhina

Student of Philological Faculty
Perm State University

SHANGHAI CULTURAL TOPOGRAPHY IN THE MEMOIR PROSE OF RUSSIAN EMIGRANTS

Memoirs created by the Russian emigration in the Far East are a valuable monument that has preserved information about the cultural life of the Russian diaspora in one of its most important centers - the city of Shanghai. The article examines the recollections of representatives of the young generation of Russian emigrants who were born in China in the period from the 1910s to the 1930s, - G.G. Silnitsky, V.P. Smolnikova, G.N. Eliseeva, O. V. Shtifelman, A.A. Titov. These recollections were written by them several decades after they had left Shanghai. They described the impressions of life in a foreign country, the difficulties that Russian emigrants who lived in Shanghai faced, reproduced their attitude to their Motherland - Russia, which they learned about from the stories of their parents and compatriots. One of the common features of their memories is the transfer of the experience of preserving cultural memory, which was concentrated around iconic centers - places of communication around which the cultural life of the city was concentrated and events took place that helped preserve Russian identity. The task of the work is to identify such objects based on the material of memories that made up the cultural topography of the city.

Key words: literature of the Russian emigration; memoirs; the image of Shanghai; cultural topography; cultural site.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

УДК 37.015.31

Вероника Игоревна Кузнецова
аспирант Института филологии
Московский педагогический
государственный университет
kuznetsova.veronika2020@gmail.com

РОЛЬ ВНЕШНЕГО СОЦИОКУЛЬТУРНОГО КОНТЕКСТА В ФОРМИРОВАНИИ КРОСС-КУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ОБУЧАЮЩЕГОСЯ

Статья посвящена вопросу формирования кросс-культурной коммуникативной компетентности (КККК) в обучении РКИ и влияния внешнего социокультурного контекста на данный процесс. Проведен анализ понятий «компетенция» и «компетентность», сопоставлены фразеологические единицы на русском и английском языке. Рассмотрена концепция внутреннего и внешнего контекста личности и их связь с ситуационной моделью, разобраны пять внешних социокультурных контекстов обучающегося.

Ключевые слова: кросс-культурная коммуникативная компетентность; внешний контекст; внутренний контекст; ситуационная модель; цифровизация; обучение РКИ.

Процесс обучения иностранному языку для студента тесно сопряжен с сопоставительным анализом инокультуры и ее познанием, без которого впоследствии становится невозможна полноценная коммуникация. Так, кросс-культурная (межкультурная) коммуникация включает в себя знания о языковой, культурной и коммуникационной ситуации, в которой происходит взаимодействие представителей разных стран, народностей. При достаточном накоплении знаний и опыта поведения в таких ситуациях у обучающегося формируется определенная компетенция.

Иначе говоря, компетенция – это «способность применять знания, умения и личностные качества для успешной деятельности в определенной области» [Хухлаев 2010]. Сочетание всех компетенций рассматривается как компетентность: «говоря далее о различных аспектах кросс-культурной компетентности, мы учитываем, что они проявляются через кросс-культурные компетенции» [Крылова 2019: 13]. Исходя из этого, мы можем обозначить кросс-культурную коммуникативную компетентность (КККК) как «совокупность знаний, навыков и умений, при помощи которых индивид может успешно общаться с партнерами из других культур» [Садохин 2007: 133] на разных уровнях.

В работах зарубежных исследователей принято выделять следующие «характеристики развитой межнациональной личности» [Deardoff 2011: 39], которые вместе с тем и являются показателями сформированной КККК:

- кросс-культурное осмысление;
- наличие культурного самосознания;
- объективная оценка своей культуры;
- сотрудничество с представителями других культур;
- стремление сделать мир лучше;
- обучаемость;
- близкое знакомство, как минимум, с одной инокультурой.

Возвращаясь к теме сопоставительного анализа родного и изучаемого языка, мы не можем обойти стороной значимость и иллюстративность фразеологических единиц в каждом из них. По причине того, что методист ответственен за формирование вторичной языковой личности обучающегося, нельзя оставлять без внимания его первичную языковую личность, которая существенно влияет на процесс обработки и усвоения материала. Так, в ходе обучения иностранному языку, в частности русскому языку как иностранному (РКИ), студент замечает не только отличия в языке и культуре, но и их сходства. Примером могут служить такие русские идиомы и их аналоги на английском языке:

«Слон в посудной лавке» – «*bull in a china shop*»;

«Белая ворона» – «*the black ship*»;

«Вертеться как белка в колесе» – «*to be busy as a bee*»;

«Звезд с неба не хватает» – «*he won't set the Thames on fire*»;

«Убить двух зайцев одним выстрелом» – «*to kill two birds with one stone*» и т.д.

Данные фразеологизмы несут одинаковую смысловую нагрузку, однако выражены различными образными средствами, что характеризует особенности языковой картины мира говорящих на данных языках.

Таким образом, обучение идиоматичной иноязычной речи влияет на умение студентов отмечать и понимать явления русской культуры, с которыми они могут столкнуться при контакте с носителями, а также на способность «признавать и принимать другие понятийные системы и сопоставлять их с собственной культурой и <...> глубже постигать ее» [Виноградова 2002: 41]. Следовательно, обучая инофонов русской идиоматичной речи, мы помогаем им сформировать кросс-культурную коммуникативную компетенцию.

Человек ежедневно находится в контакте с другими людьми, а поскольку обучение РКИ направлено на подготовку и адаптацию студента к коммуникации на русском языке, необходимо учитывать и накопленное знание обучающегося о ситуационных моделях. Данные модели основаны не на абстрактных знаниях о стереотипных ситуациях, а на индивидуальном опыте, намерениях, ценностях и пр. Следовательно, различия в усвоении и обработке информации в условиях социального взаимодействия могут быть объяснены отличиями в си-

туационных моделях участников. Более широким смыслом обладает понятие «контекст», в условиях которого участники взаимодействуют друг с другом.

«Контекст – это система внутренних и внешних факторов и условий поведения и деятельности человека, влияющих на особенности восприятия, понимания и преобразования конкретной ситуации...» [Жукова 2006: 65]. Принято разделять контекст на внутренний и внешний. *Внутренний контекст* – это уникальные для каждого человека психофизиологические и личностные особенности его установок, состояний, опыта, отношений, знаний и т.д. *Внешний контекст* – «система предметных, социальных, социокультурных, пространственно-временных и иных характеристик ситуации действия и поступка» [Жукова 2006: 65].

Соответственно, помимо собственного внутреннего (кросс-культурного) контекста, человек одновременно с этим находится в пяти внешних социокультурных контекстах, а именно:

- мировая образовательная среда;
- образовательная среда страны;
- образовательная среда семьи;
- среда коммуникативной и информационной культуры;
- собственно образовательная среда.

При анализе данной классификации можно заметить градацию контекстов в порядке уменьшения их масштабов, как в географическом, так и социальном плане. Подобное замечание отсылает нас к современным процессам цифровизации общества и, в частности, образования, поскольку ни один субъект сейчас не может находиться вне влияния указанных контекстов. Цифровизация образовательного процесса РКИ также меняет структуру и формат занятий, открывая больше возможностей для анализа внутреннего и внешнего контекста обучающихся.

Подобным образом, *мировая образовательная среда* влияет на остальные контексты в вопросе определения образовательных подходов, что иллюстрирует доминирующая на сегодня антропоцентрическая парадигма. В контексте *образовательной среды страны* встает задача согласования интересов самой страны и ее граждан, введения общих стандартов образования и проявления культурного колорита. *Образовательная среда семьи* главным образом зависит от отношений между ее членами, их профессионального и личного опыта, ожиданий, укоренившейся культуры поведения. *Взаимодействие коммуникативной и информационной культуры* «формирует у человека критерии первичной антиципации (предвосхищения) восприятия мира и влияет на ценностно-смысловую основу личной культуры субъекта познания» [Жукова 2006: 66]. *Собственно образовательная среда* определяет содержание образования, ситуации взаимодействия субъектов образовательного процесса, позволяя обучающемуся присваивать данный опыт сквозь призму своей личной культуры.

Следовательно, игнорируя социокультурный контекст студента, преподаватель РКИ может упустить возможность объяснить материал более доступным

способом. Более того, существует вероятность совершить ошибку, не раскрыв в достаточной мере вопрос, который в родной культуре студента имеет иное толкование.

На различных исторических отрезках культура определенной страны могла доминировать над другими, транслируя свои идеи, философию, моду и пр. Об этом явно свидетельствуют такие понятия, как шеллингизм, гегелианство, сен-симонизм, фурьеризм, марксизм, ницшеанство, неокантианство и др. Данные процессы емко охарактеризовал культуролог А.П. Садохин: «Высшие достижения культуры одного народа становятся достижением культур других народов» [Садохин 2004: 268]. Однако цифровизация размывает границы, предоставив нейтральное поле для взаимодействия различных культур в сети Интернет.

Таким образом, влияние внешнего социокультурного контекста студента в процессе формирования его кросс-культурной коммуникативной компетентности невозможно отрицать. Каждый индивид погружен во множество контекстов, которые определяют его реакции, стимулы и ценности в ходе как обыденного, так и межкультурного взаимодействия. Ю.Н. Караулов отмечал: «Индивидуальное словесное творчество в своей структуре включает ряды своеобразно слитных и дифференцированных социально-языковых или идеологически-групповых контекстов, которые осложнены и деформированы специфическими личностными формами» [Караулов 2010: 30]. С учетом трансформаций образовательных подходов, стандартов и форматов на фоне всеобщей цифровизации роль преподавателя РКИ тоже неизменно меняется.

Список литературы

Виноградова О. С. Формирование иноязычной коммуникативной компетенции с использованием проблемных методов обучения ИЯ на продвинутом этапе специализированного вуза (на материале английского языка): дис. ... канд. пед. наук. М., 2002. 329 с.

Жукова Н. В. Контексты становления личной культуры субъекта познания: дис. ... д-ра псих. наук. М., 2006. 510 с.

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2010. 264 с.

Крылова М. Б. Формирование кросс-культурной коммуникативной компетентности менеджеров: дисс. ... канд. экон. наук. СПб., 2019. 175 с.

Садохин А. П. Межкультурная компетентность: понятие, структура, пути формирования // ЖССА. 2007. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhkulturnaya-kompetentnost-ponyatie-struktura-puti-formirovaniya> (дата обращения: 16.06.2021).

Садохин А. П. Этнология. М.: Альфа-М; Инфра, 2004. 352 с.

Хухлаев О. Е., Чибисова М. Ю. Теоретические и практические вопросы межкультурной коммуникации: современные тенденции // Психологическая наука и образование: сетевой журн. 2010. URL: http://psyedu.ru/journal/2010/5/Huhlaev_Chibisova.phtml (дата обращения: 13.07.2021).

Deardorff, D. K. Assessing Intercultural Competence / D.K. Deardorff // New Directions For Institutional Research. – 2011. – № 149. P.65–79.

V.I. Kuznetsova

PhD Student of Philological Faculty
Moscow Pedagogical State University

THE ROLE OF THE EXTERNAL SOCIOCULTURAL CONTEXT IN THE FORMATION OF THE CROSS-CULTURAL COMMUNICATIVE COMPETENCE OF THE STUDENT

The article is devoted to the issue of the formation of cross-cultural communicative competence (CCCC) in teaching RFL and the influence of the external socio-cultural context on this process. The analysis of the concept "competence" is carried out, phraseological units in Russian and English are compared. The concept of the internal and external context of the personality and their connection with the situational model are considered, five external socio-cultural contexts of the student are analyzed.

Key words: cross-cultural communicative competence; external context; internal context; situational model; digitalization; teaching RFL.

УДК 81'27

Цзинюй Сяо
магистр филологического факультета
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
xiaojingyu11@outlook.com

СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ ПРЕОДОЛЕНИЯ КОММУНИКАТИВНЫХ НЕУДАЧ ИНОСТРАННЫМИ СТУДЕНТАМИ В УЧЕБНОЙ СИТУАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ КОММУНИКАЦИИ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ)

В данной статье исследуется выявление способов разрешения коммуникативных затруднений при общении инофонов в учебной ситуации, а также производится попытка типологизации стратегий и тактик преодоления КН китайскими студентами в учебных диалогах. Стратегии иностранных студентов по преодолению коммуникативных неудач в учебной ситуации разделяются на три типа: кооперативную, некооперативную и кооперативно-некооперативную стратегии. В статье также представлены тактические способы реализации каждой стратегии.

Ключевые слова: коммуникативная неудача; коммуникативное затруднение; учебная ситуация; речевые стратегии и тактики; межкультурная коммуникация; диалогическое общение.

В последние годы большое количество иностранных студентов поступают в российские вузы на учебу. Для иностранных студентов общение в учебной ситуации является основным видом деятельности, а для российских преподавателей – необходимым процессом в их педагогической деятельности. Этим обусловлена актуальность исследования процесса учебной коммуникации с участием инофонов.

В процессе коммуникации с русскими преподавателями иностранные студенты применяют различные вербальные и невербальные средства для достижения собственных коммуникативных целей. В данной работе делается попытка классифицировать стратегии и тактики, используемые китайскими студентами для преодоления КН (в учебной ситуации). Проблема исследования – выявление способов разрешения коммуникативных затруднений при общении инофонов в учебной ситуации.

В данном исследовании применялась методика фиксации спонтанной устной (диалогической) речи в процессе непосредственного наблюдения с использованием технических средств (диктофона). В результате были получены аудиозаписи диалогов китайских студентов ПГНИУ (в том числе бакалавров и магистрантов) и российских преподавателей в учебной ситуации. Собрано в общей сложности 110 диалогов.

Методика анализа материала на первом этапе предполагала применение структурного анализа (для выявления минимальных диалогических единств – МДЕ); на следующем – использование методов семантического и функционально-

го анализа; анализ каждого речевого сбоя в МДЕ (включая содержание коммуникации, количество наблюдателей, средства и результаты коммуникации); наконец, обобщение всех прагматических особенностей полной коммуникативной ситуации (целого диалога). Применялись также элементы количественной обработки полученных данных для выявления частоты реализации стратегий и тактик.

Л.К. Граудина и Е.Н. Ширяев определяют коммуникативную неудачу как недостижение инициатором общения коммуникативной цели и, шире, прагматических устремлений, а также отсутствие взаимодействия, взаимопонимания и согласия между участниками общения [Граудина, Ширяев 2002: 68]. В данном исследовании выделяются два случая КН: собственно КН и коммуникативное затруднение (КЗ). Коммуникативная неудача представляет собой самую неудовлетворительную ситуацию, так как коммуникация завершается полным непониманием с обеих сторон, общение прерывается, а его цель не достигается. Коммуникативное затруднение – непонимание, которое устраняется различными способами без прерывания коммуникации [Андреева 2015: 222]. На основе КН инофонов выведены алгоритмы речевой стратегии и речевой тактики их преодоления иностранными студентами.

О.С. Иссерс рассматривает речевые стратегии как «совокупность речевых действий, направленных на решение общей коммуникативной задачи говорящего» [Иссерс 2008: 109]. Речевой тактикой следует считать одно или несколько действий, которые способствуют реализации стратегии. Стратегический замысел определяет выбор средств и приемов его реализации [Иссерс 2008: 110].

В данной работе мы разделяем стратегии иностранных студентов по преодолению коммуникативных неудач в учебной ситуации на три типа: кооперативную, некооперативную и кооперативно-некооперативную стратегии. Кооперативная стратегия предполагает, что иностранные студенты пытаются преодолеть КН и активно ищут способы разрешения КН вместе с преподавателями, и ни одна из сторон не отказывается от своего коммуникативного поведения. Как показал анализ материала, кооперативная стратегия реализуется тремя тактиками:

Вопрос-уточнение смысла высказывания. Например:

П (преподаватель): *Да / это время паузы / хм //*

И (иностранная студентка): *А то есть / в домашнее задание тоже так сделать или / нет? //*

П: *Да / одна из записи нап...// ой / который называется в вашей папке / так / где у меня...//*

И: *Аха //*

Применение данной тактики показывает, что студент столкнулся с минимальными коммуникативными затруднениями. Студенты уже имеют определенное представление о проблеме, нужно только разобраться в ее деталях и понять тему коммуникации.

Переформулирование смысла. Например:

П: *А что такое «слой»? //*

И: *Этаж //*

П: *Ой / наверное можно так сказать (смех) / да / этаж это слой здания //*

Иностранные студенты переосмысливают непонятные им лексемы, основываясь на знании родного языка. Если способ толкования лексемы студентом на русском языке актуален (понятен преподавателю благодаря сравнению или метафоре), тогда КН преодолевается. Если нет соответствующих знаний (например, «пересказ», перефразирование студента подходит только для китайского языка), тогда данная тактика неэффективна. Например:

П: *Что значит суетиться? //*

И1: (молчание)

П: *Суета / суетиться ... //*

И1: *Сон //*

П: *Сон? // Почему сон-то? //*

И1: (молчание)

Под влиянием древнекитайских литературных произведений понятия «суета» и «сон» связаны воедино: сон – это суетное царство, бессмысленная жизнь – это суетный сон, однако для русской лингвокультуры данное толкование не актуально и вызывает недоумение преподавателя.

Тактика «извлечение ключевых слов». Например:

П: *Давайте снова выше немного посмотрим / «и в пролет не брошусь / и не выпью яда / и курок не смогу над виском нажать» // Что это значит? // Тут везде появляется частица «не» / что обозначает «не»? //*

И: *Нельзя //*

П: *Почему нельзя? //*

И: (молчание)

Иностранные студенты используют слово или словосочетание, чтобы ответить на вопросы преподавателя вместо того, чтобы строить сложные предложения. Цель применения данной тактики – потратить минимум времени и языковых ресурсов для достижения коммуникативных целей. Особенностью данной тактики является то, что ответы иностранных студентов обычно синтаксически неполны: инофоны более склонны решать коммуникативное затруднение на лексическом уровне, а не на синтаксическом. Если лексика, которую подбирают участники диалога, полностью соответствует теме диалога, КЗ будет преодолено.

Некооперативная стратегия отмечалась, когда иностранные студенты не сотрудничали с преподавателями для преодоления КН: поведение студентов оставалось независимым, отсутствовало взаимодействие с преподавателями-адресатами.

Некооперативная стратегия реализовалась тремя тактиками:

Отсутствие реакции. Например:

П: *Нет / почему здесь нож / почему здесь появляется нож? //*

И: (молчание)

П: *Давайте снова выше посмотрим / «и в пролет не брошусь / и не выпью яда / и курок не смогу над виском нажать» // Что это значит? //*

И: (молчание)

Это пассивная реакция. Студенты не реагируют на стимул преподавателя. В поведении данная тактика чаще всего отражается в молчании.

Отказ от ответа. Например:

П: *Своими / своими словами / то есть чем занимается это направление? //*

М1 (иностранный студент): *Э / нет / я не могу //*

Это проявление активного отказа. Студенты прямо, эксплицитно отказываются отвечать на вопрос преподавателя. Различие между «отказом от ответа» и «отсутствием реакции» в том, что при тактике «отказа от ответа» существует реакция – вербальный отказ. При «отсутствии реакции» мы не можем понять, является ли молчание полным отказом или задержкой, обусловленной мыслительным процессом, можно судить только полагаясь на контекст.

Игнорирование стимула. Например:

на дистанционном занятии:

П: *А ты не выходи в полноэкранный режим! //* *Оставь обычно / будет проще //* *У меня тоже не переключается компьютер из полноэкранного при демонстрации экрана / не знаю почему //*

<...>

И: *Видно / да? //*

П: *Ну / да / да / вот / хорошо //*

И: (Студентка входит в полноэкранный режим) //

П: *Не надо / не надо / и так показывай / так хорошо! //*

И: (Студентка вошла в полноэкранный режим) *Хорошо //*

Студент не реагирует на речевой стимул преподавателя, не прерывает свое высказывание и продолжает свою речь.

Кооперативно-некооперативная стратегия – это стратегия косвенного преодоления КН. Иностранные студенты не сотрудничают напрямую с преподавателями для преодоления КН, а устанавливают контакт с наблюдателями и ищут способы косвенного преодоления КЗ, обращаясь к их помощи.

В нашем материале данная стратегия реализуется следующими тактиками.

Метаязыковой вопрос. Например:

П: *Анализ данных пока не трогаем / у вас онлайн анкеты / которые вам формируется сразу базу данных всех анкетах / да? //* *Или вы / в какой программе вы сделали эту онлайн анкету? //*

И2: *谷歌, 是谷歌吗? *(Guge, shi guge ma) * Гугл, это гугл?*

И1: *Не гугл / китайские //*

П: *Китайские программы / и вы с китайскими информантами работали //*

И1: *Да //*

Это типичная тактика в рамках кооперативно-некооперативной стратегии. Иностранные студенты обращаются за помощью к другим студентам, описывают им суть КЗ на своем родном языке, чтобы обнаружить способы его преодоления.

Метаязыковая помощь. Например:

П: *народная песня и / частушка / мне кажется в Китае тоже должны быть частушки //* *В китайской культуре //*

И: (студентка ищет в словаре)

П: *Это очень очень характерный жанр / а / в русской фольклор / я думаю / в Китае тоже должны быть / более что-то очень похож //*

И: (студентка ищет в словаре)

П: *И последнее ... //*

И: *找到了*¹ (zhao dao le) *¹ нашла //*

П: *Есть / да? // Частушки? //*

И: (студентка кивает головой)

Иностранные студенты не общаются с другими участниками, а используют собственные ресурсы для преодоления КЗ. Обычное решение – поиск в словаре и в онлайн-ресурсах.

Тактика контроля над темой. Например:

М1: *Второй лингвистика текста...*

П: *Так / задание один / один / одни //*

М2: Один / один / один //

П: *На странице (преподаватель пишет номер страницы на доске) / двенадцать // Прочитайте / предложение / и объясните / как вы понимаете // Пожалуйста //*

М2: Термин...

М3: *Термин / э / лингвист / лингвистика...*

П: *Да //*

Данная тактика вначале возникает не между говорящим и реципиентом, а у наблюдателя. Ее проявление состоит в том, что наблюдатель становится активным участником диалога, новый участник напрямую присоединяются к диалогу, коммуниканты принудительно изменяют или приостанавливают текущий диалог, чтобы решить чужие коммуникативные неудачи.

На основании проведенного анализа мы делаем следующие выводы.

Исходя из коммуникативного поведения (ориентированного или не ориентированного на сотрудничество с адресатом) нами были выделены следующие стратегии и реализующие их тактики (см. Табл. 1):

Таблица 1

Стратегии и тактики иностранных студентов по преодолению КН в учебной ситуации

Кооперативная стратегия	Некооперативная стратегия	Кооперативно-некооперативная стратегия
вопрос-уточнение смысла высказывании	отсутствие реакции	метаязыковой вопрос
переформулирование смысла	отказ от ответа	метаязыковая помощь
извлечение ключевых слов	игнорирование стимула	контроль над темой

Выявленные речевые стратегии и тактики иностранных студентов в учебной ситуации свойственны именно межкультурной коммуникации: например,

тактики «метаязыковой вопрос» и «метаязыковая помощь» редко применяются российскими студентами в сходных условиях. Иностранные студенты рассматривают родной язык в качестве эффективного средства для преодоления КН.

В процессе коммуникации иностранных студентов из-за разницы в уровне владения русским языком с русскоязычными коммуникантами, типичным является применение таких тактик как «извлечение ключевых слов», «отсутствие реакции» и «игнорирование стимула».

Поскольку коммуникация – это двусторонний процесс, иностранные студенты, не являющиеся носителями русского языка, вынуждены применять специфические стратегии и тактики речевой коммуникации, чтобы сделать общение в учебной ситуации более эффективным, достичь поставленных целей и, наконец, добиться взаимопонимания с преподавателями. Считаем, что изучение данной проблемы актуально, так как может послужить основой для разработки компенсаторных компетенций для инофонов.

Список литературы

Андреева С. М., Андреева А. М. О сущности коммуникативных неудач // *Инновационная наука*. 2015. № 11 (1). С.222–225.

Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 288 с.

Граудина Л. К., Ширяев Е. Н. Культура русской речи: учебник для вузов. М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА, 1999. 560 с.

Xiao Jingyu

Master of Philology

Perm State National Research University

STRATEGIES AND TACTICS FOR OVERCOMING COMMUNICATION FAILURES BY FOREIGN STUDENTS IN AN EDUCATIONAL SITUATION (ON THE EXAMPLE OF COMMUNICATION OF CHINESE STUDENTS)

This article examines the identification of ways to resolve communication difficulties when communicating with foreigners in an educational situation, and also attempts to typology of strategies and tactics for overcoming communicative failures (CF) by Chinese students in an educational situation. The strategies of foreign students to overcome communicative failures in an educational situation are divided into three types: cooperative, non-cooperative and cooperative-non-cooperative strategies; the article also presents tactical ways of implementing each strategy.

Key words: communicative failure; typology of communication failures; speech strategies and tactics; intercultural communication; dialogical communication.

УДК 82.0

Анастасия Олеговна Черановская
преподаватель кафедры журналистики
и массовых коммуникаций
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
CheranoskayaA@yandex.ru

ШКОЛЬНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ КАНОН Н.А. НЕКРАСОВА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВВ.

В статье рассмотрены произведения Н.А. Некрасова, вошедшие в учебную литературу второй половины XIX и начала XX в. На основании количественных данных о вхождении текстов автора в школьные хрестоматии конструируется школьный литературный канон Н.А. Некрасова. В исследовании проводится сопоставительный анализ интерпретационных моделей творчества поэта, характерных для каждого из указанных периодов.

Ключевые слова: Н.А. Некрасов; школьный канон; литературный канон.

Н.А. Некрасов – один из самых представленных в школьной литературе авторов XIX в. Его произведения имели большое значение для современников и оказались важны для культурной самоидентификации в советский период. Наследие Некрасова получило значительное научное осмысление как в XX в. (В.Е. Евгеньева-Максимовым, Ф.Я. Приймай, Б.О. Корманом, А.М. Еголиным и др.), так и в XXI в. (Н.Н. Пайковым, М.С. Макеевым, Н.Н. Скатовым, П.Ф. Успенским и др.). Вместе с тем вопрос формирования школьного литературного канона поэта еще не был подробно изучен.

В работе учитывались выработанные гуманитаристикой XX в. концепции канона, в частности разработанная в трудах Б. Дубина, Г. Блума, Р. Кюнцли и др. В основу был положен социологический подход Дж. Гиллори, осмысленный в книге «Культурный капитал: Проблема образования литературного канона» (1993). Вступая в дискуссию с представителями аксиологического направления, автор подчеркивает, что канон формируется непосредственно образовательными институтами, которые, предоставляя доступ к пространству культуры, регулируют процесс канонизации: «Только прояснив социальную функцию и институциональные протоколы школы, мы сможем понять, как сохраняются, воспроизводятся и распространяются произведения» [цит. по Диссенсус 2001]. Настоящая работа основывается на необходимости оценки роли социальных институтов в становлении литературного канона Некрасова.

Исследование посвящено рассмотрению становления творчества Некрасова в школьном каноне и деконструкции модели творчества писателя в нем посредством изучения практик включения его текстов в учебную литературу. В качестве материала исследования школьной литературы XIX в. была исполь-

зована база данных «Частотность авторов и их текстов в русских хрестоматиях XIX века (1805–1912)», содержащая более 10 000 строк. Для анализа канона XX в. была создана собственная база данных из семи хрестоматий, учебников и книг для чтения, содержащая около 1 000 строк, также привлекались данные учебных программ по литературе 1920–1930-х гг.

По сведениям базы данных А.В. Вдовина, Р.Г. Лейбова, вхождение Некрасова в школьный канон началось с появления в «Собрании стихотворений и отрывков в прозе для первоначального изучения русского языка», изданного Ф. Студитским в 1849 г., отрывка «Гибель барок на Боровицких порогах» из романа «Три страны света» 1848 г., написанного в соавторстве со Станицким (псевдоним Панаевой) для «Современника».

Следующее включение Некрасова в школьную литературу происходит только в 1860 г.: С.Н. Шафранов и И.М. Николич размещают его поэму «Тишина». Далее творчество поэта продолжают включать в хрестоматии, но это происходит нерегулярно: К.Д. Ушинский не включает произведения поэта в хрестоматию 1861 г., а в 1864 г. в его же «Родном слове» появляется «Маленький мужичок» и «Несжатая полоса»; А.Д. Галахов обходится без Некрасова в переиздании хрестоматии 1864 г., а в 1866 г. уже включает «Власа» и «Внимая ужасам войны».

Так, с 1860-х гг. начинает формироваться относительно устойчивый набор текстов, репрезентирующих автора в школьной литературе, то есть канон произведений писателя. Всего с 1860 по 1909 гг. в хрестоматии и учебники попадает 50 стихотворений писателя. Данные с наименованием стихотворений и количеству вхождений представлены в Таблице 1.

Таблица 1

№	Название стихотворения	Кол-во вхождений
1	Крестьянские дети	20
2	Школьник	18
3	Влас	17
4	Мороз, Красный нос	15
5	Саша	15
6	Внимая ужасам войны	13
7	Несжатая полоса	10
8	Дядюшка Яков	7
9	Зеленый шум	7
10	Кому на Руси жить хорошо	7
11	Перед дождем	5
12	Дедушка Мазай и зайцы	4
13	На Волге	4
14	Несчастные	3
15	Пчелы	3
16	Рыцарь на час – Сельская церковь	3

№	Название стихотворения	Кол-во вхождений
26	В больнице	1
27	В столице шум, гудят витии	1
28	Граф Гаранский	1
29	Железная дорога	1
30	Колыбельная песня	1
31	Коробейники	1
32	На родине	1
33	Ночь	1
34	Нравственный человек	1
35	О муза, я у двери гроба	1
36	Орина, мать солдатская	1
37	Памяти приятеля	1
38	Поэт и гражданин	1
39	Поэту (памяти Шиллера)	1
40	Праздник жизни	1
41	Родина	1

17	Сеятелям	3
18	В дороге	2
19	В полном разгаре страда	2
20	Гимн (Господь, твори добро народу)	2
21	Молебн	2
22	Муза	2
23	Псовая охота	2
24	Тишина	2
25	Блажен незлобивый поэт	1

42	Русские женщины	1
43	Сон	1
44	Стихи мои	1
45	Так, служба	1
46	Три страны света	1
47	Умру я скоро	1
48	Утренняя прогулка	1
49	Что ни год, уменьшаются силы	1
50	Я сегодня так грустно настроен	1

Наибольшее количество вхождений в хрестоматийную литературу с 1860 по 1909 г. имеют следующие произведения Некрасова: «Крестьянские дети» (20 вхождений), «Школьник» (18), «Влас» (17), «Мороз, Красный нос» (15), «Саша» (15), «Внимая ужасам войны» (13), «Несжатая полоса» (10). Всего было зафиксировано 194 упоминания произведений Некрасова в школьной литературе за исследуемый период. На ядерную зону приходится 108 включений произведений в хрестоматию, так, семь текстов формируют 56% упоминаний в каноне. Зона ближней периферии представлена 18 текстами, включенными в учебники 60 раз, то есть 31% от всех упоминаний. В зоне периферии на 25 текстов приходится 26 упоминаний – 13%.

Структура текстов Некрасова, представленных в школьном каноне второй половины XIX в., сформировалась концентрически: в ней можно выделить зону ядерных текстов, имеющих наибольшее количество вхождений в школьную литературу, и зону периферии.

Более предпочтительными для авторов школьной литературы оказываются произведения Некрасова, содержащие образы детей, при этом стихотворения, посвященные детям (к ним исследователи относят «Дедушка Яков», «Пчелы», «Генерал Топтыгин», «Дедушка Мазай и зайцы», «Соловьи», «Накануне светлого праздника» [Головина 214: 220]), не вошли в ядро произведений автора. Вероятно, это связано с тем, что детская поэзия не могла раскрыть в полной мере проблемно-тематический комплекс, свойственный Некрасову и необходимый авторам хрестоматий.

Так, например, самое упоминаемое в школьной литературе произведение Некрасова – стихотворение «Крестьянские дети», не относится к «детским», но обращено к теме детства. Прямо этой теме касаются и стихотворения «Школьник», «Саша», имплицитно обобщенный образ детей возникает в отдельных главах поэмы «Мороз, Красный нос», стихотворении «Внимая ужасам войны».

Эти произведения формируют собирательный образ крестьянского ребенка в поэзии Некрасова. Важным в нем оказывается интегрированность в природу. Это особенно явно отображается в сравнениях, например, в стихотворении «Крестьянские дети»: «Испугались шпионы мои / И кинулись прочь: человека слышша, / Так стаей с мякны летят воробьи» или «И русых головок над речкой пустынной / Что белых грибов на полянке лесной!» [Некрасов 1982: 106–107]. Единство с при-

родой подчеркивается и в образе Саши одноименной поэмы: «Саше случилось знать и печали: / Плакала Саша, как лес вырубали, / Ей и теперь его жалко до слез. / Сколько тут было кудрявых берез!» [Некрасов 1982: 42].

Вместе с тем образ детства у Некрасова амбивалентен. С одной стороны, крестьянские дети в поэзии автора почти в традициях сентиментализма имплицитно противопоставлены детям, включенным в культуру: «Счастливый народ! Ни науки, ни неги / Не ведают в детстве они» («Крестьянские дети») [Некрасов 1982: 106] или «...сохраняется дольше в глуши / Первоначальная ясность души» («Саша») [Некрасов 1982: 39]. С другой стороны, период детства сопряжен с процессом взросления, отчуждения от природы путем освоения трудовых практик, особенно тяжелых у крестьян. Пример такой преждевременной, по мнению главного героя, инициации можем наблюдать в образе «мужичка» в «Крестьянских детях».

Тема единства человека и природы, на наш взгляд, является доминантой для школьной литературы XIX в. в представленных текстах Некрасова. Отбирая для включения в школьную литературу те или иные произведения или отрывки из них, авторы учебных пособий сужают тематический спектр, представленный в хрестоматиях. Так, например, на втором плане оказывается социальная проблематика включенных в школьный канон текстов, центральную его часть занимают произведения, призванные познакомить читателя с народным характером и его связи с природой.

Далее необходимо обратиться к перечню произведений исследуемого автора, которые были включены в учебную литературу для его репрезентации в первой половине XX в. С 1910-е по 1930-е годы в различные учебные пособия и программы по литературе оказывается включено 45 стихотворений Некрасова. Данные по количеству вхождений его произведений обобщены в Таблице 2.

Таблица 2

№	Название стихотворения	Кол-во вхождений
1	Кому на Руси жить хорошо	10
2	Рыцарь на час	9
3	Мороз, Красный нос	8
4	Русские женщины	6
5	Размышления у парадного подъезда	4
6	Железная дорога	2
7	Забытая деревня	2
8	Мать	2
9	На улице	2
10	Плач детей	2
11	Саша	2
12	Тишина	2
13	А тройка все летит стрелой	1
14	Бунт	1
15	В деревне	1

№	Название стихотворения	Кол-во вхождений
24	Молитва	1
25	Начало поэмы	1
26	Несжатая полоса	1
27	Несчастные	1
28	О погоде	1
29	Орина, мать солдатская	1
30	Отрывки из путевых записок графа Гаранского	1
31	Перед дождем	1
32	Переселенцы	1
33	Последыш	1
34	Поэт и гражданин	1
35	Призвание	1
36	Про Якова верного	1
37	Псовая охота	1
38	Родина	1

16	В дороге	1
17	В столицах шум	1
18	Весна	1
19	Влас	1
20	Внимая ужасам войны	1
21	Дедушка	1
22	Душно	1
23	Крестьянские дети	1

39	Ростовщик	1
40	Русь	1
41	Свобода	1
42	Секрет	1
43	Сеятелям	1
44	Современная Ода	1
45	Стихи мои, свидетели живые	1

Как видно, модель представленности произведений Некрасова в начале XX в. аналогична модели XIX в.: среди текстов выделяются ядро и периферия канона. Всего в рассматриваемой литературе было зафиксировано 84 текста Некрасова. К центральной части канона можно отнести произведения, которые имеют 4 и более включений – 5 текстов в представленной таблице, в сумме они составляют 44% от общего количества упоминаний. Периферию составили оставшиеся 47 текстов, имеющих одно-два вхождения в программы и учебные пособия. На них приходится 56% включений. Таким образом, к произведениям ядра школьного канона Некрасова 1910–1930-х гг. относится поэма «Кому на Руси жить хорошо» (10 вхождений), стихотворение «Рыцарь на час» (9), поэма «Мороз, Красный нос» (8), поэма «Русские женщины» (6), стихотворение «Размышления у парадного подъезда» (4).

Набор текстов Некрасова, представленных в школе первой половины XX в. предлагает иную, чем в XIX в., интерпретационную модель его творчества. Вместо образа слитого с природой ребенка, предлагавшегося школьникам второй половины XIX в., возникает образ угнетенного русского народа и образ борца-крестьянина, закрепившиеся в учебных пособиях XX в. Вместе с тем центральной темой творчества Некрасова на протяжении всего исследуемого периода в школьной литературе остается тема крестьянства. Эта доминанта произведений поэта не поддается секуляризации, поскольку, с одной стороны, образы крестьянства составляют основу текстов Некрасова, с другой стороны, они оказались не чужды новой репрезентации творчества поэта.

Тема крестьянства плотно сконцентрирована в поэме «Кому на Руси жить хорошо», вошедшей в ядро канона, воплощена в аграрной образности текстов исследуемого автора. Она в свою очередь наделена политическими коннотациями, заложенными в образ «сеятеля» еще А.С. Пушкиным. Некрасов же развивает эту традицию, как показал в своей работе П.Ф. Успенский: «Именно Некрасов окончательно соединил “сеятеля” и, шире, аграрную образность с социально-политическими идеологемами. <...> Легко реконструировать семантическое наполнение некрасовского революционного мифа. В нем работа сеятеля-революционера заключается в сеянии зерен, а восход злаков может означать изменение социально-политической ситуации» [Успенский 2020: 134].

Эта метафорика оказывается широко воплощенной в различных произведениях, изображающих жизнь крестьянина (например, в заключительных главах

поэмы «Мороз, Красный нос»: *«И снится ей жаркое лето – / Не вся еще рожь свезена, / Но сжата, – полегче им стало!»* [Некрасов 1986: 244], в финале стихотворения Некрасова «Размышления у парадного подъезда»: *«Я такого угла не видал, / Где бы сеятель твой и хранитель, / Где бы русский мужик не стонал... / Что же значит твой стон бесконечный? / Ты проснешься ль, исполненный сил...»* [Некрасов 1986: 101]).

Вместе с тем столь глубокое философское осмысление творчества Некрасова, как представляется, не было основным в репрезентации поэта для школьников 1910–1930-х гг. Центральным вектором восприятия стала упрощенная концепция творчества поэта: изображение тяжелой жизни крестьянина до революции, его неспособность противостоять эксплуататорскому классу. В такую парадигму укладывается большинство произведений Некрасова, входящих в канон первой половины XX в. Например, используемый в учебнике Д. Куликова «Рабочая книга по литературе и развитию речи. 2 год обучения» отрывок из «Кому на Руси жить хорошо» «Про холопа примерного – Якова верного» демонстрирует оппозицию угнетенного крепостного / властного барина и пассивный бунт крестьянина. В поэме «Мороз, Красный нос», которая перешла в школьную литературу XX в. из канона XIX в., такая оппозиция присутствует неявно. Некрасов демонстрирует только одну сторону конфликта: используя при описании героя лексему «раб», он предлагает читателю достроить противопоставление.

Другой вектор репрезентации Некрасова в школьном каноне начала XX в. – демонстрация галереи «сильных героев». К таким относятся образы поэмы «Русские женщины», ранее отсутствующей в каноне. Амбивалентный образ героя стихотворения «Рыцарь на час» тоже демонстрируется скорее, как «сильный» (в учебной литературе нами не была встречена заключительная часть стихотворения): *«Сила юности, мужество, страсть / И великое чувство свободы / Наполняют ожившую грудь; / Жаждой дела душа закипает...»* [Некрасов 1986: 120]. К этому ряду относится и стихотворение «Размышления у парадного подъезда». Эта модель восприятия произведений Некрасова, как писателя, провоцирующего на действие, проводника идей революции для народа, по нашим данным, не была зафиксирована в программах или учебных пособиях XX в., но нашла воплощение в «Декларации петроградских писателей» в середине 1910-х гг.: «Некрасов – истинный Тертей русской революции, на котором уже 60 лет воспитывается ряд поколений и борцов за свободу...» [Декларация 1916–1917: 53].

Представленные данные позволяют сделать вывод о новых тенденциях репрезентации творчества Некрасова в школьном каноне первой половины XX в. Во-первых, неактуальными оказываются стихотворения, центральными в которых оказывается образ ребенка и тема природы, на смену им в учебной литературе приходят произведения, демонстрирующие образ крестьянина, жизнь которого отягощена тяжелым трудом, или «сильного героя» – борца за свободу. Во-вторых, образ крестьянина оказывается сопряженным не с темой природы,

как было в XIX в., а преимущественно с социальной проблематикой, и через интерпретацию в школьной литературе – с революционными настроениями.

Таким образом, в первой половине XX в. школьная литература перерабатывает не только интерпретационные модели Некрасова, но и перечень текстов, представляющих его (из ядра канона XIX в. сохраняется лишь поэма «Мороз, Красный нос»). Произведения поэта, используемые авторами учебной литературы и программ, формируют новую модель восприятия Некрасова, как «возделывателя почвы» революции, сужая интерпретационные ряды и философское значение произведений.

Список источников

Вдовин А., Лейбов Р. Хрестоматийные тексты: русская поэзия и школьная практика XIX столетия // Acta Slavica Estonica IV. Труды по русской и славянской филологии. Хрестоматийные тексты: русская педагогическая практика и литературный канон XIX века. University of Tartu Press, 2013. 13.

Некрасов Н. А. Избранные произведения. Пермь: книжное издательство, 1982. 437 с.

Некрасов Н. А. Сочинения / сост. И.И. Подольская. М: Правда, 1986. 544 с.

Список литературы

Головина В. Николай Некрасов как детский писатель: проект главы учебника // Детские чтения, 2014. Т. 5. № 1. С.218–236.

Декларация петроградских писателей // Родной язык в школ, 1916–1917. № 8–10 (3–5). С.361–362.

Диссенсус М. Г. «Война за канон в американской академии 80-х – 90-х годов» // «Новое литературное обозрение», 2001. № 5 (51). URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2001/5/dissensus.html> (дата обращения 03.01.2021).

Успенский П. Ф. «Путем зерна» как формула революции: Ходасевич, Некрасов, крестьянские поэты и аграрная топика русской лирики // Русская литература, 2020. № 2. С.131–147.

A.O. Cheranovskaia

Lecturer at the Department of Journalism and Mass Communications
Perm State University

THE LITERARY CANON OF N.A. NEKRASOV THE SECOND HALF OF THE 19TH – FIRST HALF OF THE 20TH CENTURY

The article examines the works of N.A. Nekrasov included in the educational literature of the second half of the XIX and the beginning of the XX century. On the basis of quantitative data on the inclusion of the author's texts in the educational literature, the literary canon of N.A. Nekrasov is constructed. The study provides a comparative analysis of the interpretative models of the poet's creativity for each of these periods.

Key words: N.A. Nekrasov; school canon; literary canon.

СОДЕРЖАНИЕ

СОВРЕМЕННОЕ КОММУНИКАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО

Мокан А. Д. Коммуникативные стратегии комического артиста.....	3
Скибенко Е. В. Особенности политического языка (на примере речи Джозефа Байдена после победы на выборах в 2020 году).....	10
Смирнова А. С. Сообщества памяти в социальных сетях.....	18
Чантуридзе А. Д., Померанцева М. В. Принципы создания рекламных текстов на примере Instargam-страницы магазина тайских косметических товаров «Тигроффь»..	23

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Актирина Д. М. Особенности использования орнитонимов в английском и татарском языках.....	30
Лактионова Д. А. Оценочность в английских и русских поговорках с семантикой ‘начала’ и ‘конца’.....	34
Ли Ю. Лексема счастье в языковом сознании китайских студентов.....	39
Старкова К. Е. Употребление эвфемизмов алкогольной тематики в русском языке.....	45

РЕГИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА И ФОЛЬКЛОР

Смирнова А. В. «Каждый божий день пишу»: Отраженная сельская повседневность в дневнике В. И. Ивановой.....	51
Спиро В. Е. Названия людей со сверхъестественными способностями в заговорной традиции Пермского края.....	57
Зимнина Е. В. Городские легенды о подземельях и метрополитенах.....	65

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

Попова А. С. «Мертвые души» Н. В. Гоголя и европейская эпическая традиция.....	74
Лунегова К. В. Спиритические сеансы на страницах русской литературы XIX–XX веков.....	83
Елохова У. Н. Образ Перми в очерке В. В. Каменского «Пермь в 1950 году».....	91
Менякина А. А. Особенности реализации механистической метафоры в романе А. А. Проханова «Последний солдат империи».....	97
Трухина Т.В. Культурная топография Шанхая в мемуарной прозе русских эмигрантов....	103

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

Кузнецова В. И. Роль внешнего социокультурного контекста в формировании кросс-культурной коммуникативной компетентности обучающегося.....	110
Сяо Ц. Стратегии и тактики преодоления коммуникативных неудач иностранными студентами в учебной ситуации (на примере коммуникации китайских студентов.....	115
Черановская А. О. Школьный литературный канон Н.А. Некрасова второй половины XIX – начале XX вв.....	121

Научное издание

**ПРОБЛЕМЫ ФИЛОЛОГИИ
ГЛАЗАМИ МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ**

**Сборник материалов конференции
студентов, аспирантов и молодых ученых
(г. Пермь, 14-15 мая 2021 г.)**

Издается в авторской редакции
Техническая подготовка материалов:
А.С. Попова, А. О. Черановская, И. А. Обухова

Объем данных 2,02 Мб
Подписано к использованию 24.12.2021

Размещено в открытом доступе
на сайте www.psu.ru
в разделе НАУКА / Электронные публикации
и в электронной мультимедийной библиотеке ELiS

Издательский центр
Пермского государственного
национального исследовательского университета
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15